ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БФУ
им. И. Канта

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2015
4 (26)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2015

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2015
4 (26)

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2015.
200 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Татьяна Юрьевна
Кузнецова
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2015

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, акад. РАН, проф., член дирекции ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., проф. Департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *И.М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и стратегическому планированию БФУ им. И. Канта (Россия); *А.Г. Дружинин*, д-р геог. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальный проблем ЮФУ (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зам. директора, зав. кафедрой международных отношений Северо-западного института управления РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

IKBFU

BALTIC REGION

2015
4 (26)

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2015

BALTIC
REGION
2015
4 (26)

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2015.
200 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal
© I. Kant Baltic Federal
University, 2015

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Vladimir Baranovsky*, member of the Directorate of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, prof. of the Department of Applied Economics , National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Irina Busygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Dr *Timur Gareev*, vice-rector for Development and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, head of the Department of International Relations, North-West Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

Лиухто К. Российские внешние инвестиции: влияние санкций на объем внешних прямых иностранных инвестиций из России 7

Межевич Н. М. Прибалтийская экономическая модель: некоторые итоги трансформаций 1990-2015 годов 27

Политика

Смирнов В. А. К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики 51

Войников В. В. Правовые аспекты политики Европейского союза по борьбе с незаконной иммиграцией 73

Саворская Е. В. Сущность концепции «нормативной силы» Европейского союза 90

Дементьев И. О. «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий 105

Социально-экономическая география

Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Социально-экономическая типологизация приморских регионов России 121

Болычев О. Н., Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю. Роль местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской Федерации и приграничных регионах Республики Польша 135

Балабейкина О. А., Мартынов В. Л. Лютеранство в Финляндии: историческая география и современность 150

Экология

Кесорецких И. И., Зотов С. И., Дробиз М. В. Оценка пространственной и временной изменчивости показателя уязвимости ландшафтов Калининградской области как компонент экологически ориентированного территориального планирования 162

Романова Е. А., Виноградова О. Л., Кретинин Г. В., Дробиз М. В. Отражение эволюции железнодорожной сети в ландшафтной среде Калининградской области 181

CONTENTS

Economics

Liuhto K. Motivations of Russian firms to invest abroad: how do sanctions affect Russia's outward foreign direct investment? 7

Mezhevich N. The Baltic economic model: some results of the 1990—2015 transformations 27

Politics

Smirnov V. On crisis trends in the legitimacy of the political regimes of the Baltic States 51

Voinikov V. Legal aspects of the EU policy on irregular immigration 73

Savorskaya E. The concept of the European Union's normative power . 90

Dementyev I. A 'divided history': the politics of memory on the territory of the former East Prussia in the light of current discussions 105

Human geography

Fedorov G., Korneevets V. Socioeconomic typology of Russia's coastal regions 121

Bolychev O., Gumenyuk I., Kuznetsova T. Local border traffic and the development of retail trade in the Kaliningrad region and Polish borderlands 135

Balabeykina O., Martynov V. Lutheranism in Finland: past and present 150

Ecology

Kesoretskikh I., Zotov S., Drobiz M. Assessing spatial and temporal changes in the landscape vulnerability in the Kaliningrad region as an element of sustainable spatial planning 162

Romanova E., Vinogradova O., Kretinin G., Drobiz M. The effect of railway network evolution on the Kaliningrad region's landscape environment 181

ЭКОНОМИКА

УДК 330.322

РОССИЙСКИЕ ВНЕШНИЕ ИНВЕСТИЦИИ: ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ОБЪЕМ ВНЕШНИХ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ИЗ РОССИИ

К. Лиухто*

В 2013 г. объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России резко увеличился и превысил 500 млрд дол. США, однако в следующем году произошло его сокращение на 15 %. С учетом таких колебаний объема представляется необходимым проанализировать причины, побуждающие российские компании инвестировать за рубеж, а также характер влияния экономических санкций на объем российских ПИИ.

В настоящей статье отмечается, что большая часть российских ПИИ связана с финансированием операций, проводимых российскими корпорациями на внутреннем рынке. Автор приходит к заключению о том, что санкции Запада против России в основном нацелены на ограниченный круг российских граждан и компаний, но, поскольку они касаются ключевых фигур политики РФ, крупнейших банков и нефтегазовых добывающих компаний России, прямое влияние санкций на инвестиции может оказаться значительным. Необходимо также принимать во внимание и непрямое влияние санкций, такое как снижение курса рубля и повышение процентных ставок российскими банками, что ослабляет способность российских компаний инвестировать за рубеж. Кроме того, охлаждение политических отношений с Западом может стать причиной ухода крупных российских компаний с западного рынка и снизить желание новых компаний выходить на него. Ответные санкции России пока не оказывают прямого влияния на объем российских ПИИ, но некоторые государственные предприятия могут принять решение о поддержке российской санкционной политики.

Ключевые слова: причины российских внешних инвестиций, таксономия Дж. Даннинга, российские прямые иностранные инвестиции, влияние экономических санкций на экономические отношения России и ЕС

* Университет Турку
20500, Финляндия, Турку
ул. Рехторинпеллонкату, 3

Поступила в редакцию 19.08.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-1

© Лиухто К., 2015

1. Шестое место в мире по объему ПИИ в 2014 году[1]

Завершение процесса приватизации в крупных секторах экономики РФ и промышленная реструктуризация 90-х гг. прошлого столетия способствовали продвижению российских корпораций за рубеж. Другой причиной, обусловившей интернационализацию, стало улучшение благосостояния российских компаний и их обогащение[2].

Начало роста объема российских иностранных инвестиций совпадает с началом стремительного увеличения цен на нефть. В январе 1999 г. стоимость нефти едва составляла более 10 дол. США за баррель, а в июне 2008-го ее стоимость превысила 130 дол. США [14]; одновременно с ростом стоимости происходит и резкое увеличение объемов добываемой нефти — от 6,2 млн до почти 10,8 млн баррелей [3; 4]. Бум нефтедобычи и его побочное воздействие на экономику России позволили инвестировать за рубеж не только нефтяным компаниям РФ, но и некоторым ресурсно-ориентированным корпорациям благодаря росту цен на сырье [51].

До второй половины 1990-х гг. российские компании на международном рынке были редкостью, а приток капитала в Россию значительно преобладал над его экспортом. В 1995 г. объем прямых иностранных инвестиций[3] из РФ составлял 3 млрд дол. США. В период с 1995 по 2014 г. рост ПИИ был довольно равномерным, однако в 2014 г. произошел спад их объема практически на 15%. В конце 2014 г. совокупный объем прямых иностранных инвестиций из России составлял около 400 млрд дол. США, это означало, что с 1996 по 2014 г. объем российских ПИИ вырос в 100 раз, а его доля в мировом объеме ПИИ увеличилась в 10 раз (табл. 1).

Таблица 1

Развитие российских внешних прямых иностранных инвестиций

Показатель	1995	2000	2005	2010	2013	2014
Российские внешние ПИИ (млн дол. США)	3,015	20,141	120,417	433,655	501,202	431,865
Доля России в глобальном объеме ПИИ (%)	0,11	0,25	1,13	2,12	1,90	1,67

[1] Россия заняла шестое место по объему внешних ПИИ в 2014 г., однако эта позиция была не такой высокой по совокупному объему внешних ПИИ [45]. При анализе объема российских ПИИ необходимо учитывать, что инвестирование за рубеж началось в РФ в 1992 г., после распада СССР.

[2] В начале 2015 г. суммарное состояние 86 официально признанных российских миллиардеров составило, по приблизительным оценкам, 335 млрд дол. США [21]. Для сравнения: ВВП Российской Федерации в 2014 г. составил 1857 млрд дол. США [7].

[3] «ПИИ определяется как трансграничное инвестирование резидентом одной экономики с целью приобретения долгосрочного интереса в предприятии-резиденте другой экономики. Долгосрочный интерес предполагает существование долгосрочных отношений между прямым инвестором и предприятием, а также существенное влияние прямого инвестора на руководство предприятия» [37].

Окончание табл. 1

Показатель	1995	2000	2005	2010	2013	2014
Соотношение между российским ввозом и вывозом ПИИ (%)*	55,17	62,54	90,89	102,48	87,07	114,09
Доля инвестиций на Кипре в объеме внешних ПИИ России (%)	—	—	—	42,06	33,67	—
Доля российских инвестиций на Кипре в объёме ввоза ПИИ (%)	—	—	—	36,64	34,18	—
Соотношение между совокупными ввезенными на Кипр и вывезенными российскими ПИИ (%)	—	—	—	85,92	83,38	—

* Объем, превышающий 100 %, означает, что объем вывезенных российских ПИИ превышает объем ввезенных.
Источники: [6; 45].

Объемы российских внутренних и иностранных прямых капиталовложений увеличивались во взаимозависимости. В значительной степени это объясняется влиянием «кипрского бумеранга» — когда приток средств из России в банки Кипра фактически равнялся движению капитала в обратном направлении. При этом необходимо отметить, что к концу 2013 г. объем российских инвестиций на Кипре (161 млрд дол. США) был практически равен объему кипрских инвестиций в РФ (149 млрд дол. США), согласно данным Центробанка России [6]. Таким образом, некоторые российские корпорации рассматривали Кипр исключительно как собственный банк или депозитарий, поэтому вычислить точный объем исходящих ПИИ в объеме российских внешних прямых иностранных инвестиций не представляется возможным. Однако если от общего объема российских внешних ПИИ вычесть объем инвестиций на Кипр и в офшоры, можно сделать вывод о том, что реальный объем российских внешних прямых иностранных инвестиций составляет от него менее половины.

Несмотря на то что объем российских внешних ПИИ резко увеличился, доля инвестиций РФ в общем объеме внешних ПИИ в ЕС остается несущественной — менее 1% в 2013 г. [15]. При этом в некоторых государствах Евросоюза, таких как Австрия, страны Балтии и Болгария, доля российских инвестиций достигает 5%, а на Кипре превышает 10% (табл. 2).

Таблица 2

Доля российских ПИИ, поступивших в страны ЕС, по данным на конец 2013 года (иное указано отдельно)

Страна	Общий объем поступивших в страну инвестиций (млн)	Объем поступивших в страну российских ПИИ (млн)	Доля российских ПИИ (%)
Австрия	220,108 евро	10,436 евро	4,7
Бельгия (2012)	597,984 евро	—	—
Болгария	38,157 евро	1,818 евро	4,8
Хорватия	27,020 евро	240 евро	0,9

Окончание табл. 2

Страна	Общий объем поступивших в страну инвестиций (млн)	Объем поступивших в страну российских ПИИ (млн)	Доля российских ПИИ (%)
Кипр (2012)	15,952 евро	2,198 евро	13,8
Чехия	103,455 евро	311 евро	0,3
Дания (2012)	788,200 датских крон	3,700 датских крон	0,5
Эстония	15,882 евро	843 евро	5,3
Финляндия	73,459 евро	842 евро	1,1
Франция	531,800 евро	600 евро	0,1
Германия (2012)	792,763 евро	3,226 евро	0,4
Греция	20,115 евро	—	—
Венгрия (2012)	78,488 евро	27 евро	0,0
Ирландия	257,513 евро	—	—
Италия	293,000 евро	—	—
Латвия	11,472 евро	581 евро	5,1
Литва	42,790 литовских литов	1,611 литовских литов	3,8
Люксембург (2011)	81,724 евро	—	—
Мальта (2012)	12,356 евро	13 евро	0,1
Нидерланды	497,677 евро	—	—
Польша (2012)	728,749 польских злотых	2,092 польских злотых	0,3
Португалия	93,168 евро	62 евро	0,1
Румыния (2012)	59,126 евро	79 евро	0,1
Словакия	42,660 евро	—	—
Словения	10,729 евро	49 евро	0,5
Испания	519,175 евро	350 евро	0,1
Швеция (2012)	2 360,000 шведских крон	—	—
Великобритания	936,452 фунтов стерлингов Соединенного Королевства	1,218 фунтов стерлингов Соединенного Королевства	0,1

1 евро = 7,45 датской кроны; 0,80 фунта стерлингов Соединенного Королевства; 3,45 литовского лита; 4,21 польского злотого; 9,20 шведской кроны; 1,27 доллара США (Европейский центральный банк, 15.10.2014).
Источник: [32, p. 223—224].

Доля российских инвестиций в США (0,2 %) меньше, чем доля инвестиций в Евросоюзе [38]; доля российских инвестиций в Китай также не превышает 1 % от общего объема поступивших в страну ПИИ.

При этом доля российских ПИИ в некоторые страны СНГ огромна: например, подавляющая часть поступивших в Таджикистан ПИИ принадлежит РФ, а доля российских инвестиций в Беларусь и Узбекистан в общем объеме ПИИ составляет 40—60 % (см. рис.).

Какую роль сыграло правительство России в том, что объем российских ПИИ в другие страны, будучи ранее мизерным, вырос до 56 млрд дол. США в 2014 г., сделав РФ шестой страной в мире по величине объема экспорта капитала? Как должны западные корпорации относиться к российскому капиталу сейчас, когда отношения между Россией и Западом охладели больше, чем когда-либо со времени распа-

да СССР? Как повлияют санкции против РФ на экспорт российского капитала? Эти и другие вопросы в настоящее время беспокоят политических руководителей, бизнесменов и академиков.

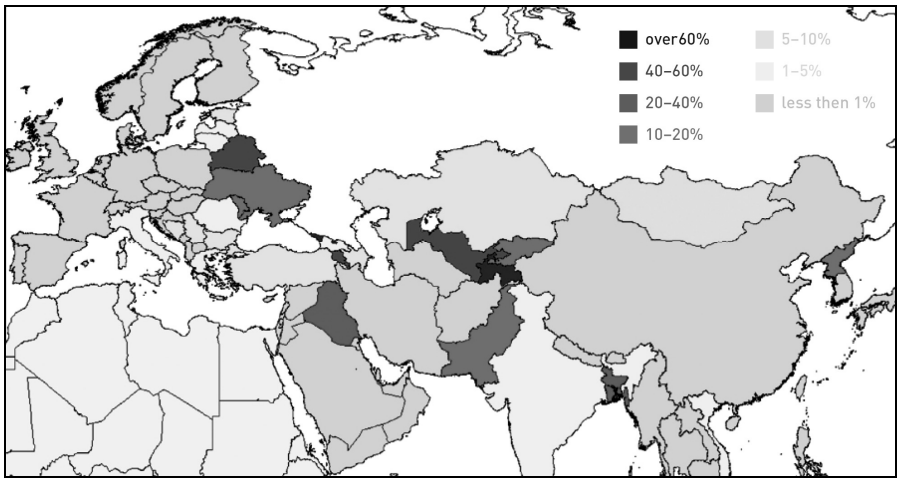


Рис. Доля российских ПИИ в общем объеме инвестиций, поступивших в страны на конец 2013 г.

Примечание. Отмечается существенная статистическая погрешность между данными рисунка и таблицы 2 относительно доли российских ПИИ в объеме поступивших в ЕС инвестиций, что можно проследить на примере Кипра, а также некоторых бывших союзных республик, например Украины. По данным украинского статистического бюро, доля российских ПИИ в страну составила 7,4 % на конец 2013 г. [44].

Источник: [16, p. 26].

2. Цель и результаты исследования

Цель настоящей статьи — приоткрыть завесу тайны, окутывающей информацию о российских ПИИ, и выявить возможные мотивы инвестирования российскими корпорациями за рубеж. Кроме того, анализируется влияние санкций против России и контрсанкций на объем российских ПИИ.

Изучением российских внешних ПИИ мы занялись во второй половине 1990-х гг., когда иностранное поглощение корпораций РФ стало предметом интереса западных СМИ. В течение почти 20 лет мы систематически изучали всё, что западные средства массовой информации, а также ученые публиковали на тему российских внешних ПИИ. Всего было проанализировано около 100 научных работ на эту тему [32]. Несмотря на то что в своих исследованиях мы учитывали все эти источники, в работе [32] делаются ссылки только на некоторые из них. Если у читателя возникнет интерес к обсуждаемой проблематике, указанная выше статья будет ему полезна, так как содержит наиболее полный обзор всех исследований российских внешних ПИИ, которые были проведены до настоящего момента.

Помимо систематического анализа печатного материала, в течение упомянутых 20 лет мы беседовали с многочисленными российскими и западными политическими руководителями, политиками, представителями власти, предпринимателями и учеными. Их мнения относительно российских внешних ПИИ являются частными или даже конфиденциальными.

Настоящая статья представляет собой «путевые заметки» моей 20-летней исследовательской работы и, как и любые путевые заметки, может быть необъективной. Но, даже учитывая такой недостаток, настоящее исследование должно расширить границы традиционного представления о мотивации российских внешних ПИИ. Возможно, статья станет стимулом для усиления эмпирических исследований данной проблематики, что позволит оспорить некоторые выводы, сделанные ранее, и разрушит существующие мифы.

Для более полного понимания оснований мотивации российских внешних инвестиций в данной статье использована теория, наиболее распространенная в этой области знаний.

3. Теоретические предпосылки мотивации инвестирования компанией за рубеж

Наиболее цитируемая типология мотивации ПИИ — это таксономия Дж. Даннинга [11]. Она основана на его эклектической парадигме, известной также как концепция *OLI* (*ownership, location, internalization* — собственность, местонахождение, интернационализация) [10]. Эклектическая парадигма объясняет преимущества собственности (*O*), или «почему» ПИИ; преимущества местонахождения (*L*), или «куда» ПИИ; а также преимущества интернационализации (*I*), или «как» ПИИ. Таксономия Дж. Даннинга объясняет четыре базовые предпосылки, исходя из которых, фирма принимает решение об осуществлении ПИИ.

1. *Поиск ресурсов*: фирма инвестирует за рубеж, чтобы обрести ресурсы, которые недоступны на внутреннем рынке либо доступны, но по более высокой цене. В качестве примера приводятся: земля, трудовые ресурсы, капитал и природные ресурсы.

2. *Поиск рынка*: фирма инвестирует за рубеж для того, чтобы найти новых покупателей товаров и услуг. Иногда фирма следует возросшему потоку экспорта, клиентов или поставщиков на иностранные рынки, применяя стратегию «следуй за клиентом». Иногда физическое присутствие требуется для «поддержки» своих клиентов за рубежом и противодействия конкурентам.

3. *Поиск эффективности*: фирма инвестирует за рубеж, чтобы «воспользоваться разницей в наличии и стоимости эндаумента в разных странах» либо «использовать преимущества экономии от масштаба и дифференциации, а также различий потребительского спроса и возможностей предложения» [11, p. 60].

4. *Поиск стратегических активов*: фирма инвестирует за рубеж, чтобы обрести новые технологические базы и перестать эксплуатировать существующие и устаревшие.

В большинстве исследований по международному бизнесу (МБ) эклектическая парадигма Дж. Даннинга используется скорее в качестве объекта критики и собственных модификаций. Основными пунктами критики этой концепции являются: 1) невнимание к роли менеджеров; 2) невозможность анализа динамической эволюции транснациональных компаний; 3) нечеткие критерии оценки основных компонентов парадигмы и неясный характер их взаимосвязи; 4) недостаточное внимание к влиянию, которое оказывает политическая обстановка на фирму [9].

Лоррейн Иден [12] предлагает дополнить концепцию OLI компонентами «когда» и «почему»:

> В детском саду моя воспитательница говорила, что для того, чтобы познакомиться с новым предметом, нужно задать себе пять вопросов: «кто/что?», «когда?», «где?», «почему?» и «как?». Мне всегда представлялось, что концепция OLI (ownership, location, internalization — собственность, местонахождение, интернационализация) является последовательностью этих вопросов. <...> Мое предположение заключается в том, что концепция OLI является скорее способом анализа таких понятий, как «транснациональные компании» и их «деятельность», при этом концепция отвечает только на три из пяти «детсадовских» вопросов: «почему?», «где?» и «как?» осуществляется деятельность МНК [12, p. 277].

Если следовать логике рассуждений Л. Иден, возникает вопрос: нужно ли теперь анализировать процесс интернационализации фирмы посредством трех традиционных вопросов — «почему?» (причины), «где?» (местонахождение), «как?» (способ интернационализации), а также двух новых — «когда?» (подходящий период интернационализации) и «кто/что?» (готовность интернационализировать). Руководство компании должно изучить все пять пунктов одновременно и принять наиболее выгодное для фирмы решение. Таким образом, решение об интернационализации является компромиссом, поскольку руководство, независимо от желания, вынуждено ответить на все эти вопросы.

Ч. Франко и соавторы работы [23] считают, что компоненты таксономии Даннинга дублируют друг друга, и предлагают дополненную классификацию ПИИ, основанную на анализе причин инвестирования. Их классификация состоит из трех элементов: 1) поиск ресурсов, 2) поиск рынка и 3) поиск нерыночных активов. Первый элемент во многом повторяет таксономию Дж. Даннинга, но имеет одно существенное отличие: технические и управленческие возможности рассматриваются не как ресурсы, а как нерыночные активы. Второй элемент также близок к таксономии, но Ч. Франко и другие подчеркивают, что разрабатываемый иностранный рынок не обязательно становится объектом ПИИ. Другими словами, ПИИ могут поступать и в прямой, и в непрямой форме. Отличие третьего элемента от таксономии Дж. Даннинга заключается в том, что в нем выделены активы, которые не переводятся напря-

мую посредством рыночных операций. Такие активы могут использоваться только внутри страны или в регионе их создания.

Ч. Франко и его коллеги отмечают, что компоненты таксономии Дж. Даннинга дублируют друг друга, однако собственную четко структурированную классификацию они не предлагают и лишь модифицируют существующую таксономию.

Анализируя вклад Даннинга в изучение международного бизнеса, не стоит забывать, что он разрабатывал свою эклектическую парадигму на протяжении некоторого времени. Те авторы, которые используют его концепцию в качестве основы своего исследования, вполне могут опираться на разные версии данной парадигмы, что вносит еще большую неясность [13]. Отметим, что при этом Р. Нарула [36] предлагает упрощенную модель концепции OLI.

Подводя итог обзору теоретических работ, необходимо подчеркнуть, что несмотря на определенные недостатки, таксономия Дж. Даннинга обоснованно считается преобладающей концепцией в исследованиях по международному бизнесу, обладая наибольшей ясностью, в силу чего и была выбрана нами в качестве базы исследования в настоящей статье.

4. Наиболее распространенные причины, по которым российские фирмы инвестируют за рубеж

Причины, по которым российские компании могут инвестировать за рубеж, а также их стратегии интернационализации могут различаться в зависимости от места, времени и отрасли промышленности [22; 25; 47], однако мы попытались выделить 10 наиболее частых мотивов инвестирования российскими компаниями за рубеж.

1. *Инвестирование за рубеж как в собственный банк:* несмотря на то что в РФ больше не существует ограничений на экспорт капитала, российским корпорациям намного удобнее осуществлять свои финансовые операции, когда они удерживают часть своего капитала за границей, кроме того, его можно использовать и в качестве обеспечения при получении иностранного кредита. Часть российских внешних ПИИ была использована для проведения операций на внутреннем рынке, что отчасти объясняет огромный объем возвращающегося в страну в форме ПИИ ранее вывезенного капитала[4].

2. *Выход на рынок и продвижение:* количество российских компаний, имеющих внушительное производство за рубежом, на удивление невелико по сравнению с объемами капитала (более 400 млрд дол. США), вывезенного за границу. Это означает, что многие российские компании работают за рубежом как предприятия торговли и сбыта. Благодаря этому производители из РФ приближаются к конечному потребителю, а значит, могут избежать действия ненужных посредников

[4] А. Булатов [5] исследует это явление, особенно стремление держать некоторые свои активы за пределами России с целью инвестирования их в РФ и за рубежом, проявившееся уже в середине 1990-х гг.

[48]. Российские банки особенно преуспели в следовании за своими клиентами в процессе интернационализации [31].

3. *Увеличение прибыли:* прибыль выше в конце цепочки создания добавочной стоимости, поэтому многие российские фирмы продвинулись по этой цепочке и превратились из поставщиков сырья в продавцов конечных товаров.

4. *Оптимизация налогов и минимизация таможенных сборов:* российские компании предпочитают держать свои активы в странах с низким налогообложением или в офшорах. Некоторые компании применяют трансфертное ценообразование с целью минимизации таможенных сборов. Иногда производство переносится за пределы страны, чтобы избежать собственных экспортных сборов либо аналогичных сборов на импорт в другой стране.

5. *Избежание риска:* некоторые частные российские фирмы не держат все свои активы в РФ, учитывая потенциальный политический риск внутреннего рынка. Российские предприниматели усвоили золотое правило международного бизнеса: не хранить все яйца в одной корзине.

6. *Страхование логистической цепи компании*: некоторые российские компании приобрели логистические фирмы за рубежом, чтобы обеспечить экспорт своих товаров от внутреннего производственного предприятия до конечного зарубежного покупателя, поскольку зависимость от любого поставщика логистических услуг может создать затруднения в логистическом потоке.

7. *Приобретение новых западных технологий:* небольшое число российских наукоемких предприятий инвестируют за рубеж с целью приобретения передовых иностранных технологий (подробнее см. [18; 19; 39; 22]).

8. *Действие в интересах российской внешней политики:* очевидных фактов, подтверждающих то, что некоторые компании действуют в интересах внешней политики России, не отмечается, однако вполне вероятно, что некоторые российские инвестиции в развивающиеся страны были размещены в целях решения задач внешней политики, а не только в предпринимательских целях[5].

[5] Нельзя полностью исключить возможность того, что внешняя политика России сыграла ключевую роль в приходе компании «ЛУКойл» в охваченный войной Ирак в 2009 г. [34]. Была также предпринята попытка создания типологии, объясняющей отношения между российскими внешними ПИИ и политикой правительства РФ [33]. Необходимо отметить, что влияние, которое оказывают действия российского правительства на ПИИ, неоднозначно [40]. Политические решения, например, не играют ключевой роли в продвижении металлургической промышленности на внешние рынки [22]. Важно отметить, что эта отрасль практически полностью принадлежит частным владельцам. В дальнейших исследованиях представляется необходимым рассмотреть отношения между причинами интернационализации российских государственных компаний и внешней политикой РФ, поскольку государственные компании по определению должны реализовывать задачи государственной политики, а по мере их интернационализации они становятся частью инструментария внешней политики страны.

9. *Приобретение недвижимости или организация предприятия за рубежом с целью получения вида на жительство:* эмпирические исследования показали, что мотивы инвестирования российскими МСП за рубеж могут выходить далеко за пределы традиционного рационализма бизнеса, и в качестве мотивации могут выступать некоторые личные интересы — иммиграция за рубеж, приобретение вида на жительство за границей либо иностранного гражданства [50]. В действительности довольно большое число российских граждан приобрели недвижимость в других странах либо открыли предприятие в ЕС с целью получения вида на жительство [24; 26; 29; 43].

10. *Необходимость инвестирования, вызванная возрастающей глобальной конкуренцией:* российский рынок — это лишь приблизительно 3% мировой экономики. Некоторые крупные российские предприятия осознают, что необходимым условием выживания при глобальной конкуренции является продвижение на внешние рынки; таким образом, ограничения внутреннего рынка подталкивают фирму к интернационализации.

При изучении мотивов экспорта российского капитала за рубеж не стоит забывать о непрямых инвестициях России через Кипр и другие страны в конечные точки [28; 41]. Причина большинства непрямых инвестиций РФ — в том, что российские компании держат свои активы в офшорах или в странах с низким налогообложением и используют их для финансирования своих операций в России или за границей. Довольно редко, однако, транзитные государства использовались для того, чтобы скрыть российское происхождение инвестиций во избежание негативной реакции со стороны правительств целевых стран, поскольку некоторые из них неохотно позволяли российским компаниям включаться в те сектора промышленности, которые они считают стратегически важными для функционирования своей экономики. В качестве примера может служить процесс приобретения некоторых европейских энергетических компаний [35; 42].

По материалам некоторых СМИ, использование подставных компаний иногда было связано с действиями российской внешней разведки [20; 46]. Однако не стоит расценивать работу этих компаний как истинных внешних инвесторов, поскольку большинство из них не соответствует определению ПИИ, к тому же они не были созданы для ведения бизнеса за рубежом. Аналогичным образом процесс «отмывания» денег не связан с легальным бизнесом [54], а его связь с ПИИ в настоящей статье не исследуется. На основе имеющихся данных не представляется возможным сделать вывод об отношениях между организованной преступностью в РФ и российскими внешними ПИИ [2; 52].

5. Выводы исследования сквозь призму таксономии Дж. Даннинга

Объем российских ПИИ вырос стремительно — в 100 раз с 1995 г. и в более чем 20 раз с 2000 г. Чрезвычайно низкие стартовые показатели 1995 г. и увеличение цен на природные ресурсы в новом тысячелетии

стали, вероятно, ключевыми причинами такого резкого роста российских внешних ПИИ.

Возвращение в страну ранее вывезенного капитала в форме ПИИ по-прежнему происходит. Следующие статистические наблюдения подтверждают этот факт: 1) объем внешних российских ПИИ рос параллельно объему внутренних ПИИ; 2) небольшой и менее процветающий Кипр выступает важнейшим местом внешних российских ПИИ и самым большим источником внутренних ПИИ. Возвращение ранее вывезенного капитала происходит по ряду причин: некоторые российские компании таким образом избегают налогов или потенциальных рисков внутреннего рынка, в то время как другие при помощи этого механизма получают более выгодные кредиты в западных организациях для финансирования собственных операций на внутреннем рынке.

Россия, кроме того, является крупнейшей страной в мире (территория РФ почти в два раза больше территории США и почти в четыре раза больше, чем территория ЕС), обладающей гигантским запасом природных ресурсов. Рынок рабочей силы в России характеризуется как квалифицированный, относительно большой и недорогой по сравнению с западным. Кроме того, очевидно, что *поиск ресурсов* не является преобладающим мотивом интернационализации российских компаний, хотя некоторые нефтяные и металлургические предприятия приобретают месторождения и шахты за рубежом, особенно в развивающихся странах. Тем не менее есть одно исключение из данного правила — это капитал. Другими словами, доступ к менее дорогому источнику финансирования в западных банках — одна из основных причин, по которым российские корпорации открывают свои предприятия за границей и возвращают средства обратно в страну.

Российские компании имеют сравнительно мало производств за рубежом, если учитывать общий объем российских внешних ПИИ (больше 400 млрд дол. США). Неудивительно, что огромные источники внутренних природных ресурсов составляют ядро конкурентоспособности российских компаний. Несмотря на то что объемы производства за границей невелики, объемы продаж и сбыта существенны. На основе этого можно сделать вывод, что *поиск рынка* (включая обслуживание старых и поиск новых покупателей) и *стремление к эффективности* (включая повышение прибыли, минимизацию транзакционных затрат и обеспечение эффективной поставки товаров потребителям) выступают преобладающими мотивами интернационализации российских компаний. *Поиск стратегических активов* остается незначительной причиной инвестирования, однако некоторые наукоемкие предприятия уже приобрели несколько западных компаний с целью заимствования современных технологий.

Россия — крупнейший в мире производитель и экспортер энергии, поэтому тот факт, что за некоторыми внешними ПИИ из РФ прослеживаются внешнеполитические решения, вполне понятен. В этом от-

ношении Россия не сильно отличается от других мировых держав. *Предотвращение риска*, связанного с потенциальным политическим риском, является менее распространенным мотивом ПИИ. Но, поскольку данный аспект инвестирования не подвергался существенным эмпирическим исследованиям, оценить влияние этого параметра сложно. Внешнее инвестирование, обусловленное стремлением получить вид на жительство за границей, стало следующим необычным мотивом ПИИ. Несмотря на то что данный инвестиционный мотив приобрел довольно быстрое распространение, не стоит преувеличивать его роль в общем объеме внешних российских ПИИ. Кроме того, следует заметить, что статистически Россия не возглавляет список стран, чьи граждане получают больше всего видов на жительство в государствах ЕС [17].

Перечисленные внутренние факторы внешних российских ПИИ предполагают незначительное изменение таксономии Даннинга[6]. Исключив три вышеперечисленные особые причины инвестиций, невозможно будет охарактеризовать различия между основными причинами инвестирования компаниями РФ за рубеж и компаниями других стран. Таким образом, за последние 20 лет российский внешний инвестор превратился в глазах западных исследователей МБ в «рядового» инвестора (табл. 3).

Таблица 3

Таксономия Дж. Даннинга и предварительные выводы исследования российских внешних ПИИ

Мотив	Выводы
Поиск ресурсов	Инвестирование за рубеж как в собственный банк (1)
Поиск рынка	Выход на рынок и продвижение (2) — сдерживающий фактор. Необходимость инвестирования, вызванная возрастающей глобальной конкуренцией (10), — движущий фактор
Поиск эффективности	Увеличение прибыли (3). Оптимизация налогов и минимизация таможенных сборов (4). Страхование логистической цепи компании (6)
Поиск стратегических активов	Приобретение новых западных технологий (7)
Внутренние факторы	Избежание риска (5). Действие в интересах внешней политики РФ (8). Приобретение недвижимости или организация предприятия за рубежом с целью получения вида на жительство (9)

[6] Фундаментальное исследование применимости парадигмы OLI к российским ПИИ было проведено ЮНКТАД: «Эклектическая парадигма может быть применена к анализу российских транснациональных компаний с учетом внутренних факторов. Другие теории при дальнейшем исследовании потребуют более радикальных изменений» [27, p. 53].

6. Влияние санкций против РФ на российские внешние ПИИ

До настоящего времени санкции не оказали влияния на внешние ПИИ из России, однако государственные предприятия РФ не могут не учитывать санкционной политики, но это вовсе не означает, что правительство не позволит им инвестировать за рубеж. Тем не менее период действия санкций накладывает больше обязательств на государственные компании и на крупнейшие частные корпорации по информированию правительства о своих внешних инвестиционных планах.

В свою очередь санкции Запада направлены на сотню российских граждан и десяток компаний[7]. Общее число людей и компаний, попавших под санкции, невелико, но к ним относятся ключевые фигуры российской политики и экономики, крупнейшие нефтегазовые компании («Роснефть», «Газпром», «ЛУКойл» и «Новатек»), а также некоторые ведущие банки («Сбербанк», «Газпромбанк» и «Внешэкономбанк»), поэтому прямое влияние санкций очевидно.

Косвенное влияние санкций на экономику — снижение курса рубля и повышения процентных ставок — может оказаться более существенным, чем прямое, поскольку санкционные ограничения ослабляют способность всех российских предприятий инвестировать за рубеж. Кроме того, политическая и экономическая среда ЕС и США может отвратить российские корпорации от западных рынков. В качестве недавнего примера назовем крупнейшего российского внешнего инвестора «Газпром» [30]: «Газпром Германия» объявил в конце июля 2015 г. о реструктуризации своих внешних активов «ввиду ухудшения экономических и политических условий» [49].

Несмотря на то что «Газпром» собирается сократить свое присутствие на западном рынке, некоторые государственные российские компании стремятся к внешнему инвестированию. Так, судостроительная компания *Arctech Helsinki Shipyard* в конце 2014 г. была приобретена российской компанией *Russian United Shipbuilding Corporation* [1], а «Росатом» стремится стать главным владельцем Финской атомной электростанции [53].

Подводя итог, отметим, что «картина» внешних российских ПИИ была написана отнюдь не в мрачных тонах, но в январе-мае 2015 г. экспорт капитала из РФ сократился на 30% [8]. Поскольку объем поступающих в страну ПИИ стремится сравниться с объемом их экспорта, будущее внешних российских ПИИ в западные страны неопределенно.

[7] Санкции Запада против России были введены с 17 марта 2014 г., спустя день после Крымского референдума. Западные санкции не представляют собой универсального пакета ограничений против России, поскольку ЕС и США направляют действие своих санкций против разных персон и предприятий. Несколько дней спустя после введения санкций Россия ответила пакетом контрсанкций, запретив въезд в страну 100 гражданам ЕС и прекратив импорт некоторых сельскохозяйственных товаров из государств, выдвинувших санкции против РФ.

По мере того как компании и их трансграничные инвестиции возводят мосты между странами, необходимо поддерживать неполитические инвестиции, несмотря на охлаждение отношений между Россией и Западом. Поскольку малые и средние предприятия не являются политическими акторами, Европейская комиссия и Правительство России должны сделать все возможное для развития предпринимательской среды, восприимчивой к входящим инвестициям, и поддерживать интернационализацию МСП.

Калининградская область — российский эксклав, окруженный странами Евросоюза, — может стать пилотной зоной международного сотрудничества малого и среднего бизнеса. РФ и ЕС могут разработать здесь совместные программы содействия интернационализации МСП. Подобный совместный акт доброй воли необходим, чтобы разорвать порочный круг взаимных санкций. Нужно признать, что существующие пути развития ведут в тупик. Лидеры наших стран должны в кратчайшие сроки найти приемлемый вариант разрешения украинского кризиса, ведь время ускользает от нас быстрее, чем мы можем себе представить.

Список литературы

1. *Arctech* Helsinki Shipyard to Russian Ownership. URL: http://arctech.fi/arctech-helsinki-shipyard-to-russian-ownership/ (дата обращения: 30.12.2014).

2. *Bakowski P.* Russian organized crime: The EU perspective// Library Briefing. Library of the European Parliament. 04.03.2011.

3. *BP Statistical* Review of World Energy. June 2006. British Petroleum, 2006.

4. *BP Statistical* Review of World Energy. June 2014. British Petroleum, 2014.

5. *Bulatov A.S.* Russian Direct Investment Abroad: Main Motivations in the Post-Soviet Period // Transnational Corporations. 1998. №7:1. P. 69—82.

6. *Russian* Federation: Outward Foreign Direct Investment Positions by Instruments and Geographical Allocation in 2009—2013 / Central Bank of Russia. URL: http://www.cbr.ru/eng/statistics/ (дата обращения: 15.03.2015).

7. *The World* Factbook. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/ (дата обращения: 15.03.2015).

8. *Внешняя* торговля Российской Федерации по основным странам за январь — май 2015 г. // Customs Russia. URL: www.customs.ru (дата обращения: 14.05.2015).

9. *Devinney T.M., Midgley D.F., Venaik S.* Managerial Beliefs, Market Contestability and Dominant Strategic Orientation in the Eclectic Paradigm // INSEAD Working Papers. 2002/92/MK/. 2002.

10. *Dunning J.* Trade, Location of Economic Activity and the Multinational Enterprise: A search for an eclectic approach. L.: Macmillan, 1977.

11. *Dunning J.* Multinational Enterprises and the Global Economy. Harlow: Addison-Wesley, 1993.

12. *Eden L.* A critical reflection and some conclusions on OLI // International Business and the Eclectic Paradigm: Developing the OLI framework / ed. by J. Cantwell, R. Narula. L.: Routledge. 2003. P. 277—297.

13. *Eden L., Li D.* Rethinking the O in Dunning's OLI/Eclectic Paradigm // Multinational Business Review. 2010. №18:1. P. 13—34.

14. *Europe* Brent Spot Price FOB/ U. S. Energy Information Administration. URL: http://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=pet&s=rbrte&f=m (дата обращения: 14.05.2015).

15. *EU Foreign* Direct Investment / European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/html/122532.htm (дата обращения: 14.05.2015).

16. *Monitoring* of Direct Investments of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine in Eurasia — 2014 /Eurasian Development Bank (2014). URL: http://www.eabr.org/e/research/centreCIS/projectsandreportsCIS/project28/ (дата обращения: 10.05.2015).

17. *Resident* permits statistics / Eurostat. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/ statistics-explained/index.php/Residence_permits_statistics (дата обращения: 19.12.2014).

18. *Filippov S.* Russia's Emerging Multinationals: Trends and Issues // Working Paper. 2008. Series N 062.

19. *Filippov S.* Emerging Russian multinationals: Innovation, technology, and internationalization // Journal of East-West Business. 2011. № 17:2—3. P. 184—194.

20. *Fitsanakis J.* FBI raids alleged Russian front-company, indicts 11 on spy charges, Intelnews 4.10.2012. URL: http://intelnews.org/2012/10/04/01-1102/ (дата обращения: 19.04.2015).

21. *The World's* Billionairs: Russia/ Forbes. URL: http://www.forbes.com/ billionaires/#version:static_country:Russia (дата обращения: 19.07.2015).

22. *Fortescue S., Hanson P.* What drives Russian outward foreign direct investment? Some observations on the steel industry // Post-Communist Economies. 2015. №27:3. P. 283—305.

23. *Franco C., Rentocchini F., Marzetti G. V.* Why Do Firms Invest Abroad? An Analysis of the Motives Underlying Foreign Direct Investment // Social Science Research Network. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1283573 (дата обращения: 19.07.2015).

24. *"The Golden* Visas". Where to buy a residence permit in Europe? / Grape Communications. URL: http://ee24.com/daily/article/the-golden-visas-where-to-buy-a-residence-permit-in-europe/ (дата обращения: 19.06.2015).

25. *Heinrich A.* Internationalisation, Market Structures and Enterprise Behaviour: The Janus-faced Russian Gas Monopoly Gazprom // East Goes West: The Internationalization of Eastern Enterprises / ed. by K. Liuhto. Lappeenranta University of Technology, 2001. P. 51—87.

26. *Jemberga S., Springe I.* Latvia Torn Between Money and Fear of Russia// Eurasianet. 19.02.2015. URL: http://www.eurasianet.org/node/72166 (дата обращения: 19.07.2015).

27. *Kalotay K.* How to Explain the Foreign Expansion of Russian Firms// Journal of Financial Transformation. 2008. N1:24. P. 53—61.

28. *Kalotay K.* Indirect FDI // The Journal of World Investment & Trade. 2012. N 13:4. P. 542—555.

29. *Kaza* Juris Latvia's Offer of Residency Lures Investors // The Wall Street Journal 26.08.2013. URL: http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323608504579024710866871416 (дата обращения: 19.07.2015).

30. *Kuznetsov A.* Outward FDI from Russia and its policy context. update 2011. Columbia FDI Profiles, University of Columbia. 2011. URL: http://ccsi.columbia.edu/files/2014/03/Profile_Russia_OFDI_-_2_August_2011_FINAL.pdf (дата обращения: 12.06.2015).

31. *Liuhto K., Jumpponen J.* Russian Corporations and Banks Abroad// Journal for East European Management Studies. 2003. N 8:1. P. 26—45.

32. *Liuhto K., Majuri S.* Outward Foreign Direct Investment from Russia: A Literature Review // Journal of East-West Business. 2014. N 20:4. P. 198—224.

33. *Liuhto K., Vahtra P.* Foreign Operations of Russia's Largest Industrial Corporations: Building a Typology // Transnational Corporations. 2007. N 16:1. P. 117—144.

34. *Iraq*/*Lukoil*. URL: http://lukoil-overseas.com/projects/irak/ (дата обращения: 20.07.2015).

35. *Makrychev A., Mommen A.* The future of Putinism // Russia's Changing Economic and Political Regimes: The Putin years and afterwards / ed. by A. Makarychev, A. Mommen. L.: Routledge. P. 279—309.

36. *Narula Rajneesh*. Keeping the eclectic paradigm simple: a brief commentary and implications for ownership advantages // Working Paper. Series 2010-031. Maastricht, 2010.

37. *Economic*, Environmental and Social Statistics // OECD Factbook. 2013. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/sites/factbook-2013-en/04/02/01/index.html?itemId=/content/chapter/factbook-2013-34-en (дата обращения: 05.02.2015).

38. *Foreign* Direct Investment in the United States: 2013 Report / Organization for International Investment. Washington, 2013.

39. *Panibratov A.* From National Leaders to Global Players: Evidence from Russian MNEs in the High Technology Sector // Internationalization of Emerging Economies and Firms / ed. by M. Marinov, S. Marinova. L.: Palgrave MacMillan, 2011. P. 169—190.

40. *Panibratov A.* The Influence of the State on Expanding Russian MNEs: Advantage or Handicap?// Russie Nei Visions. 2013. N 73.

41. *Pelto E., Vahtra P., Liuhto K.* Cyp-Rus investment flows to central and eastern Europe: Russia's direct and indirect investments via Cyprus to CEE. University of Turku, 2003.

42. *Retmann A.* Finland challenges mystery nuclear investor // Euobserver. 02.07.2015. URL: https://euobserver.com/beyond-brussels/129431 (дата обращения: 20.07.2015).

43. *Rodriguez C.* Want To Live In Europe? "Buy" A Residency Permit // Forbes. 29.09.2013. URL: http://www.forbes.com/sites/ceciliarodriguez/2013/09/29/want-to-live-in-europe-buy-a-residency-permit/ (дата обращения: 20.07.2014).

44. *Direct* foreign investment from countries of the world to Ukraine economy // Ukrainian Statistical Service. URL: http://ukrstat.org/en/operativ/operativ2013/zd/ivu/ivu_e/ivu0413_e.htm (дата обращения: 20.05.2015).

45. *Several* Annual World Investment Reports / UNCTAD (2000—2015). URL: http://unctad.org/en/pages/diae/world%20investment%20report/wir-series.aspx (дата обращения: 11.06.2015).

46. *Usborne D.* FBI raids suspected hi-tech front company run by 'Russian agent' // Independent 04.10.2012. URL: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/fbi-raids-suspected-hitech-front-company-run-by-russian-agent-8196616.html (дата обращения: 20.07.2015).

47. *Vahtra P.* Russian Investments in the CIS: Scope, Motivations and Leverage // Pan-European Institute. 2005. N 9.

48. *Vahtra P.* Expansion or Exodus?: Trends and Developments in Foreign Investments of Russia's Largest Industrial Enterprises// Pan-European Institute. 2006. N 1.

49. «*Газпром*» может устроить распродажу европейских активов // Ведомости. 2015. 30 июля.

50. *Volchek D.* Internationalization of small and medium-sized enterprises and impact of institutions of international entrepreneurship in emerging economies: The case of Russia. Lappeenranta University of Technology, 2013.

51. *Volovik N.* Russia's foreign trade in November 2014 // Russian Economic Developments. 2015. N1. P. 26—28.

52. *Webster W., Cilluffo F.* Russian Organized Crime and Corruption: Putin's Challenge / Center for Strategic & International Studies. Washington DC, 2000.

53. *Rosatom* not looking to increase stake in Hanhikivi // World Nuclear News. 02.06.2015. URL: http://www.world-nuclear-news.org/NN-Rosatom-not-looking-to-increase-stake-in-Hanhikivi-02061502.html (дата обращения: 20.06.2015).

54. *Venäläismieheltä* takavarikoitiin 3,6 miljoonaa euroa käteistä — jäljet johtavat Uuteen-Seelantiin // YLE News. 22.07.2015. URL: http://yle.fi/uutiset/ venalaismiehelta_takavarikoitiin_36_miljoonaa_euroa_kateista__jaljet_johtavat_ uuteen-seelantiin/8172830 (дата обращения: 20.07.2015).

Об авторе

Кари Лиухто, профессор, директор Пан-Европейского института, Школа экономики, Университет г. Турку (Финляндия).

Email: Kari.Liuhto@utu.fi

MOTIVATIONS OF RUSSIAN FIRMS TO INVEST ABROAD: HOW DO SANCTIONS AFFECT RUSSIA'S OUTWARD FOREIGN DIRECT INVESTMENT?

K. Liuhto*

**University of Turku*
3 Rehtorinpellonkatu, Turku, 20500 Finland

Submitted on August 19, 2015

In 2013, Russia's outward foreign direct investment (OFDI) soared and the OFDI stock exceeded $ 500 billion. However, a year later, Russia's OFDI dropped by nearly 15 per cent. Rapid upward and downward swings make it necessary to analyze the motivation of Russian firms to invest abroad as well as to assess the impact of sanctions on Russian OFDI. The author points out that a significant part of Russia's outward FDI stock is accounted for by the operations of Russian corporations in their home market. It is concluded that although Western sanctions target a relatively small number of Russian citizens and companies, they nevertheless affect some of Russia's key people, largest banks, and hydrocarbon producers. Therefore, their direct impact could be substantial. Alongside the direct impact, one should consider their indirect impact, such as the tumbling rouble exchange rate and Russian banks' increasing interest rates, which decrease Russian firms' capability to invest abroad. Moreover, a less amicable political atmosphere in the West may push some Russian corporations out of the Western markets and diminish the enthusiasm

of new ones to enter them. Today, Russia's counter-sanctions do not directly restrict the country's OFDI, but Russian state-owned enterprises may reach a decision to hold foreign investments to support Russia's sanction policy.

Key words: motivations for foreign direct investment, Dunning's taxonomy on FDI motivations, Russia's outward foreign direct investment, impact of sanctions on EU-Russia economic relations

References

1. Arctech Helsinki Shipyard to Russian Ownership, *Arctech*, available at: http://arctech.fi/arctech-helsinki-shipyard-to-russian-ownership/ (accessed 30.12.2014).

2. Bakowski, P. 2011, Russian organized crime: The EU perspective, *Library Briefing*, Library of the European Parliament, 04.03.2011.

3. BP Statistical Review of World Energy, 2006, *British Petroleum*, June 2006.

4. BP Statistical Review of World Energy, 2014, *British Petroleum*, June 2014.

5. Bulatov, A. S. 1998, Russian Direct Investment Abroad: Main Motivations in the Post-Soviet Period, *Transnational Corporations*, Vol.7, no. 1, p. 69-82.

6. Russian Federation: Outward Foreign Direct Investment Positions by Instruments and Geographical Allocation in 2009-2013, 2007, *Central Bank of Russia*, available at: http://www.cbr.ru/eng/statistics/ (accessed 15.03.2015).

7. *The World Factbook,* 2015, available at: https://www.cia.gov/library/ publications/the-world-factbook/ (accessed 15.03.2015).

8. Vneshnjaja torgovlja Rossijskoj Federacii po osnovnym stranam za janvar'-maj 2015 g. [Foreign Trade of the Russian Federation on the main countries in January-May 2015], 2015, *Customs Russia*, available at: www.customs.ru (accessed 14.05.2015).

9. Devinney, T. M., Midgley, D. F., Venaik, S. 2002, Managerial Beliefs, Market Contestability and Dominant Strategic Orientation in the Eclectic Paradigm, *INSEAD Working Papers,* 2002, no. 92, MK.

10. Dunning, J. 1977, *Trade, Location of Economic Activity and the Multinational Enterprise: A search for an eclectic approach*, London, Macmillan.

11. Dunning, J. 1993, *Multinational Enterprises and the Global Economy*, Harlow, Addison-Wesley.

12. Eden, L. 2003, A critical reflection and some conclusions on OLI, In International Business and the Eclectic Paradigm, In: Cantwell, J., Narula, R. (eds.), *Developing the OLI framework,* London, Routledge, p. 277-297.

13. Eden, L.. Li, D. 2010, Rethinking the O in Dunning's OLI/Eclectic Paradigm, *Multinational Business Review*, Vol. 18, no. 1, p. 13-34.

14. Europe Brent Spot Price FOB, 2015, *U.S. Energy Information Administration*, available at: http://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=pet&s=rbrte&f=m (accessed 14.05.2015).

15. EU Foreign Direct Investment, 2015, *European Commission*, available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/html/122532.htm (accessed 14.05.2015).

16. Monitoring of Direct Investments of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine in Eurasia – 2014, 2014, *Eurasian Development Bank*, available at: http://www.eabr.org/e/research/centreCIS/projectsandreportsCIS/project28/ (accessed 10.05.2015).

17. Resident permits statistics, 2014, *Eurostat*, available at: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Residence_permits_statistics (accessed 19.12.2014).

18. Filippov, S. 2008, Russia's Emerging Multinationals: Trends and Issues, *Working Paper*, Series no. 062, United Nations University, Maastricht.

19. Filippov, S. 2011, Emerging Russian multinationals: Innovation, technology, and internationalization, *Journal of East-West Business*, Vol. 17, no. 2-3, p. 184-194.

20. Fitsanakis, J. 2012, FBI raids alleged Russian front-company, indicts 11 on spy charges, *Intelnews,* 4.10.2012, available at: http://intelnews.org/2012/10/04/01-1102/ (accessed 19.04.2015).

21. The World's Billionairs: Russia, 2015, *Forbes*, available at: http://www.forbes.com/billionaires/#version:static_country:Russia (accessed 19.07.2015).

22. Fortescue, S., Hanson, P. 2015, What drives Russian outward foreign direct investment? Some observations on the steel industry, *Post-Communist Economies*, Vol. 27, no. 3, p. 283-305.

23. Franco, C., Rentocchini, F., Marzetti, G. V. 2008, Why Do Firms Invest Abroad? An Analysis of the Motives Underlying Foreign Direct Investment, *Social Science Research Network*, available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1283573 (accessed 19.07.2015).

24. Ozerov, K. 2014, "The Golden Visas". Where to buy a residence permit in Europe? *Grape Communications*, available at: http://ee24.com/daily/article/the-golden-visas-where-to-buy-a-residence-permit-in-europe/ (accessed 19.06.2015).

25. Heinrich, A. 2001, Internationalisation, Market Structures and Enterprise Behaviour: The Janus-faced Russian Gas Monopoly Gazprom. In: Liuhto, K. (ed.) *East Goes West: The Internationalization of Eastern Enterprises*, Lappeenranta University of Technology, p. 51-87.

26. Jemberga, S., Springe, I. 2015, Latvia Torn Between Money and Fear of Russia, *Eurasianet*, 19.02.2015, available at: http://www.eurasianet.org/node/72166 (accessed 19.07.2015).

27. Kalotay, K. 2008, How to Explain the Foreign Expansion of Russian Firms, *Journal of Financial Transformation*, Vol. 1, no. 24, p. 53-61.

28. Kalotay, K. 2012, Indirect FDI, *The Journal of World Investment & Trade*, Vol. 13, no. 4, p. 542-555.

29. Kaza, Ju. 2013, Latvia's Offer of Residency Lures Investors, *The Wall Street Journal,* 26.08.2013, available at: http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323608504579024710866871416 (accessed 19.07.2015).

30. Kuznetsov, A. 2011, Outward FDI from Russia and its policy context, update 2011, *Columbia FDI Profiles*, University of Columbia, available at: http://ccsi.columbia.edu/files/2014/03/Profile_Russia_OFDI_-_2_August_2011_FINAL.pdf (accessed 12.06.2015).

31. Liuhto, K., Jumpponen, J. 2003, Russian Corporations and Banks Abroad, *Journal for East European Management Studies*, Vol. 8, no. 1, p. 26-45.

32. Liuhto, K., Majuri, S. 2014, Outward Foreign Direct Investment from Russia: A Literature Review, *Journal of East-West Business*, Vol. 20, no. 4, p. 198-224.

33. Liuhto, K., Vahtra, P. 2007, Foreign Operations of Russia's Largest Industrial Corporations: Building a Typology, *Transnational Corporations*, Vol. 16, no. 1, p. 117-144.

34. Iraq, 2015, *Lukoi,* available at: http://lukoil-overseas.com/projects/irak/ (accessed 20.07.2015).

35. Makrychev, A., Mommen, A. 2013, The future of Putinism. In: Makarychev, A., Mommen, A. *Russia's Changing Economic and Political Regimes: The Putin years and afterwards*, Routledge, London, p. 279-309.

36. Rajneesh, N. 2010, Keeping the eclectic paradigm simple: a brief commentary and implications for ownership advantages, *Working Paper Series*, no. 031, United Nations University, Maastricht.

37. Economic, Environmental and Social Statistics, 2013, *OECD Factbook 2013*, available at: http://www.oecd-ilibrary.org/sites/factbook-2013-en/04/02/01/index.html?itemId=/content/chapter/factbook-2013-34-en (accessed 05.02.2015).

38. *Foreign Direct Investment in the United States: 2013 Report*, 2013, Organization for International Investment, Washington.

39. Panibratov, A. 2011, From National Leaders to Global Players: Evidence from Russian MNEs in the High Technology Sector. In: Marinov, M., Marinova, S. (eds.), *Internationalization of Emerging Economies and Firms*, London, Palgrave MacMillan, p. 169-190.

40. Panibratov, A. 2013, The Influence of the State on Expanding Russian MNEs: Advantage or Handicap? *Russie Nei Visions*, no. 73.

41. Pelto, E., Vahtra, P. Liuhto, K. 2003, *Cyp-Rus investment flows to central and eastern Europe: Russia's direct and indirect investments via Cyprus to CEE,* University of Turku.

42. Retmann, A. 2013, Finland challenges mystery nuclear investor, *Euobserver*, 02.07.2015, available at:https://euobserver.com/beyond-brussels/129431 (accessed 20.07.2015).

43. Rodriguez, C. 2013, Want To Live In Europe? "Buy" A Residency Permit, *Forbes*, 29.09.2013, available at: http://www.forbes.com/sites/ceciliarodriguez/2013/09/29/want-to-live-in-europe-buy-a-residency-permit/ (accessed 20.07.2014).

44. Direct foreign investment from countries of the world to Ukraine economy, 2013, *Ukrainian Statistical Service*, available at: http://ukrstat.org/en/operativ/ operativ2013/zd/ivu/ivu_e/ivu0413_e.htm (accessed 20.05.2015).

45. Several Annual World Investment Reports, 2015, *UNCTAD (2000-2015)*, available at: http://unctad.org/en/pages/diae/world%20investment%20report/wir-series.aspx (accessed 11.06.2015).

46. Usborne, D. 2012, FBI raids suspected hi-tech front company run by 'Russian agent', *Independent*, 04.10.2012, available at: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/fbi-raids-suspected-hitech-front-company-run-by-russian-agent-8196616.html (accessed 20.07.2015).

47. Vahtra, P. 2005, Russian Investments in the CIS: Scope, Motivations and Leverage, *Pan-European Institute*, no. 9.

48. Vahtra, P. 2006, Expansion or Exodus?: Trends and Developments in Foreign Investments of Russia's Largest Industrial Enterprises, *Pan-European Institute*, no. 1.

49. «Gazprom» mozhet ustroit' rasprodazhu evropejskih aktivov ["Gazprom" can arrange the sale of European assets], 2015, *Vedomosty*, 30.7.2015.

50. Volchek, D. 2013, *Internationalization of small and medium-sized enterprises and impact of institutions of international entrepreneurship in emerging economies: The case of Russia*, Lappeenranta University of Technology.

51. Volovik, N. 2015, Russia's foreign trade in November 2014, *Russian Economic Developments*, no. 1, p.26-28.

52. Webster, W., Cilluffo, F. 2000, *Russian Organized Crime and Corruption: Putin's Challenge*, Center for Strategic & International Studies, Washington DC.

53. Rosatom not looking to increase stake in Hanhikivi, 2015, *World Nuclear News*, 02.06.2015, available at: http://www.world-nuclear-news.org/NN-Rosatom-not-looking-to-increase-stake-in-Hanhikivi-02061502.html (accessed 20.06.2015).

54. Venäläismieheltä takavarikoitiin 3,6 miljoonaa euroa käteistä – jäljet johtavat Uuteen-Seelantiin [The Russian The man was seized by EUR 3.6 million in cash - traces of lead in New Zealand], 2015, *YLE News*, 22.07.2015, available at: http://yle.fi/uutiset/venalaismiehelta_takavarikoitiin_36_miljoonaa_euroa_kateista__jaljet_johtavat_uuteen-seelantiin/8172830 (accessed 20.07.2015).

About the author

Prof Kari Liuhto, Director of the Pan-European Institute, School of Economics, University of Turku (Finland) Email: Kari.Liuhto@utu.fi

УДК 327

ПРИБАЛТИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1990—2015 ГОДОВ

Н.М. Межевич*

В течение 25 лет экономика республик (государств) Прибалтики в большей или меньшей степени трансформируется в условиях суверенитета де-факто или де-юре. Этого времени более чем достаточно для того, чтобы проявились не случайные, а системные черты национальных экономических моделей. Вопрос о характере экономического развития государств Прибалтики имеет важное практическое и научное значение. С одной стороны, Прибалтика — это часть постсоветского пространства. Характер, успешность или неуспешность экономического развития Эстонии, Латвии, Литвы позволяют лучше оценить развитие России. С другой стороны, пошло второе десятилетие членства Прибалтики в ЕС, и в этом случае прибалтийский опыт для нас весьма актуален.

В статье выявлены и проанализированы ключевые признаки экономической модели, характерной для государств Прибалтики. Выдвинута гипотеза о двух стадиях трансформации экономики Прибалтийского региона. Первая стадия характеризуется сочетанием трансформации и модернизации, вторая — трансформацией при нарастании деструктивных тенденций в экономике.

Отмечается, что сформировавшаяся экономическая модель обладает ограниченной устойчивостью, одной из причин этого является то, что прибалтийские страны сознательно свертывают хозяйственные связи с Россией.

Ключевые слова: трансформация, модернизация, государства Прибалтики, экономическая модель, политические ограничители экономического развития

* Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9.

Поступила в редакцию 10.09.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-2

© Межевич Н. М., 2015

Переход Восточной Европы и республик СССР к новому качеству экономического развития был обусловлен совокупностью внешних и внутренних факторов развития. Дискуссия могла возникнуть лишь по вопросу о темпах развития, приоритетах, стратегических целях. Основной экономической целью трансформации провозглашалось повышение уровня и качества жизни населения на основе устойчивого экономического роста. Реализация поставленной цели была связана со следующими задачами.

1. Преодоление кризисных явлений, углубившихся после вступления общества в переходную экономику.

2. Формирование рыночных отношений и рыночной инфраструктуры, включая фондовую, валютную, товарные биржи. Дерегулирование.

3. Финансово-экономическая стабилизация посредством проведения, как правило, жесткой денежно-кредитной политики с целью ограничения инфляции.

4. Использование государства как механизма защиты формирующейся рыночной экономики.

5. Реформирование отношений собственности как основы экономической системы, в том числе реституция собственности и земельная реформа.

Трансформационная, или переходная, экономика представляет собой особое состояние экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной сложившейся модели (системы) к другой. При этом главная характеристика системы — это устойчивые взаимосвязи между элементами и подсистемами, состав которых может меняться, не внося при этом дисбаланса в существование системы в целом.

Трансформационный период — это временной отрезок, в течение которого общество осуществило радикальные экономические преобразования, а экономика страны перешла в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы. Трансформационная экономика характеризуется чертами, отличающими ее от других сложившихся систем. С нашей точки зрения, современное состояние экономики прибалтийских стран позволяет говорить о завершении процессов радикальной ее трансформации. (Трансформация же политической системы, как мы считаем, завершилась существенно раньше, но это не является темой данной статьи.)

Следующий принципиально важный вопрос — о соотношении трансформации и модернизации. По нашему мнению, любая модернизация — это трансформация. Однако обратного утверждать нельзя. Трансформация может быть успешной, способствующей социальному и экономическому прогрессу — и тогда это модернизация. Возможен и иной вариант: трансформации, приведшие к деградации экономической системы. Такие примеры на постсоветском пространстве тоже есть.

Если говорить об экономических системах стран Прибалтики, то изначально они формировались не просто под лозунгом трансформации и модернизации. Именно здесь ключевым компонентом стала так

называемая вестернизация. Отрицание собственного историко-экономического опыта в республиках (государствах) Прибалтики может быть объяснено пропагандистской победой тех ученых и политиков, которые заявляли, что без полноценной вестернизации процветания еще никто не достигал. При этом авторитаризм и тоталитаризм, идеологии и практики коммунизма и фашизма рассматривались как досадные отклонения на светлом пути к цивилизации через вестернизацию. Отрицание вестернизации, в том числе в форме евроскптицизма, в государствах Прибалтики до недавнего времени было равносильно маргинализации. Лишь в 2015 г. произошло знаковое событие: распределение Брюсселем миграционных квот вызвало масштабную дискуссию о том, в какой степени Европейский союз — это не только права, но и обязанности.

* * *

Версии модернизационных теорий, примененные в Прибалтике, предполагали быстрый и эффективный прорыв к евро-атлантической экономической системе, основанной на концепции постмодерна и неолиберализма. Однако «ни постмодернистская, ни неомодернистская (включая неомодернизм на этнооснове) теории не объясняют сложностей и особенностей задач, стоящих перед этими странами, не характеризуют перспективу их развития с достаточным учетом их специфики и не позволяют управлять процессами изменений в этих странах» [1, с. 13]. Политические элиты государств Прибалтики находятся еще в процессе формирования. Отметим, что тезис о том, что «существует только один способ управления современной экономикой» [2, с. 118], наиболее активно продвигался именно в Восточной Европе, а особенно в прибалтийских странах. Так началась эпоха трансформации. При этом в Эстонии, Латвии и Литве игнорировали в общем-то известное обстоятельство: модернизационные проекты могут быть связанны с деградацией традиционных институтов и традиционных национальных ценностей. Ситуация начала меняться после 2009 г., а дискуссия о том, всегда ли евроинтеграция есть благо, возникла еще позже — в 2015 г. [3; 4].

В государствах Прибалтики идея прорыва в глобальную и европейскую экономику сформировалась в условиях, когда общество было расколото в этническом и политическом плане, а предельно замкнутые элиты ориентированы на удержание власти без какой-либо внятной программы действий в экономической сфере. С другой стороны, парадоксальным образом советский режим в Прибалтике способствовал формированию не только новой элиты, но и общегосударственных экономических интересов. М. Олсон, не касаясь специально прибалтийской проблематики, пишет: «… Оккупационные власти[1] устраняют узкие спаян-

[1] Автор просит не рассматривать указанную цитату как согласие с концепцией «оккупации», лежащей в основе политической и экономической модели государств Прибалтики. С точки зрения автора, правильнее говорить о советизации в конкретном случае советских прибалтийских республик.

ные интересы, носители которых в прошлом присосались было к государственной власти. И тем самым освобождается поле для реализации общих и всеохватывающих интересов». То есть «в обществе есть носители “сверхохватывающих интересов”, или “сверхинтересов”: группы, которые… при перераспределении дохода от меньшинства в пользу их самих потерпели бы убытки» [5, с. 22]. Советская партийно-политическая элита в соответствии с декларируемой идеологией и стала в Прибалтике таким носителем «сверхинтересов», регулируя производство и потребление, обеспечивая экономическую и социальную стабильность. Целесообразно выделить и аспект экономической психологии. «Демонстрационный эффект» западных стандартов качества жизни, превосходящих восточноевропейские, был очевиден. Также следует отметить, что 25 лет назад значительная часть общества в прибалтийских республиках СССР действительно оказалась готова к экономическим издержкам обретения независимости. Это стало одним, но не единственным признаком трансформационной модели в данном регионе.

Рассматривая вопрос об оценке российских и европейских подходов к проблематике трансформационного развития, следует признать, что большинство работ российских политологов, посвященных постсоветским политико-режимным трансформациям, написано с четко видимых идеологических позиций. Политические приоритеты в дискуссиях о трансформационных процессах в Прибалтике также оказались очень существенны. Тем не менее, с нашей точки зрения, трансформационная экономика в государствах Прибалтики имела ряд ключевых характеристик. Рассмотрим их последовательно.

1. Эффект исторической базы

Анализируя данный вопрос, следует выявить основные характеристики современной экономической модели в государствах Прибалтики. Нужно уточнить, какие фундаментальные факторы определяли характер развития экономики Латвии, Литвы и Эстонии в прошлом и в настоящее время. Государства Прибалтики развиваются под влиянием ряда исторических эпох. В их экономике еще прослеживается влияние модели сельского хозяйства имперского периода, последствия запуска крупных инфраструктурных проектов советского времени.

Социально-экономическое развитие в 1920—1930-е гг. и в последние 25 лет протекало по нескольким различным сценариям. При всех сложностях развитие в начале XX в. было разновекторным, с ориентацией на западные и восточные рынки. В настоящее время реализуется модель одновекторной западной интеграции.

В начале 1990-х гг. наши соседи разработали достаточно сходные модели экономического развития. В республиках советской еще Прибалтики осмысление предстоящих реформ началось с ностальгических, а потому не всегда адекватных воспоминаний о «первых республиках» и создания концепций регионального хозрасчета.

Мифологическое восприятие своей экономической истории стало важнейшим компонентом отрицания настоящего.

Следует отметить, что в канун Перестройки, в 1986 г. на одного жителя СССР приходилось 5875 руб. стоимости основных фондов. Разброс по этому показателю между республиками носил характер острейшей диспропорции: с одной стороны, в Эстонии — 8007 руб., в Латвии — 6923, Литве — 6111, с другой — в Белоруссии — 5500, Молдавии — 4500, Азербайджане — 3823, Таджикистане — 2291 руб.

Еще более ощутимы были возраставшие различия между республиками по уровню заработной платы. В 1940 г. разница в заработной плате рабочих и служащих в межреспубликанском сопоставлении составляла 10 руб., в 1960 г. — 21 руб., в 1970-м — 33, а в 1988-м — уже 78 руб. Если учитывать только сельское хозяйство, то здесь контрасты были еще более резкими: в 1970 г. оплата труда колхозников в межреспубликанском сопоставлении различалась между верхними и нижними значениями на 74 руб., а в 1989 г. — уже на 159 руб. [6, с. 39]. Нетрудно догадаться, что все лидирующие позиции были заняты Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Интересно и то, что советская Эстония по этому и другим показателям была впереди советской Латвии и Литвы. В 2015 г. ситуация осталась такой же.

> Реконструкция и расширение производства проводились в Прибалтийских республиках более высокими, чем в других регионах СССР, темпами, прежде всего потому, что Латвия и Эстония представляют собой резерв квалифицированной рабочей силы для всего Советского Союза. Да и инфраструктура в Прибалтике почти не пострадала во время войны [7, p. 104].

В прибалтийских республиках к 1990 г. доля населения, имеющая совокупный доход свыше 300 руб., была наиболее значительной. Если в среднем по СССР этот показатель находился на уровне 8,8%, то в Эстонии он равнялся 19,8%, в Латвии — 14,5%, в Литве — 13,8%. В этих же республиках уровень бедности был самым минимальным: доля населения с доходом до 75 руб. в Эстонии и Латвии не превышала 1%, а в Литве — 1,2%. Республики с наибольшей долей бедного населения показали и высший уровень автократии в период постсоветского развития [8].

Получая более высокую отдачу от капиталовложений, Центр старался именно в Прибалтике размещать новые производственные мощности, которые осваивались быстрее, чем в других регионах. Доля новых основных фондов в прибалтийских республиках была выше, чем в среднем по СССР, а материально-техническая база — более современной и менее изношенной. Аналогичная картина наблюдалась и в сельском хозяйстве. Колхозы и совхозы Латвии, Литвы и Эстонии пользовались льготами при распределении фондов удобрений, сельхозтехники и кормов, элитных пород скота, закупленных за рубежом, и т. п.

> «Сельское хозяйство дотировалось на десятки миллиардов долларов в год за счет экспортировавшейся СССР нефти. Например, от колхозов и индивидуальных крестьян молоко закупалось по 55 копеек за

> литр, а в магазинах литр молока стоил 22 копейки. То же самое было с мясом и другой сельхозпродукцией. Представляете, какая огромная государственная дотация! Независимому латвийскому государству негде было взять такие деньги» [9].

Для нас очевидно, что первоначальные экономические успехи государств Прибалтики были во многом, но, конечно же, не полностью обусловлены «советским наследством» в виде инфраструктурного и промышленного потенциала, качества человеческого капитала.

Тезис о значимости советского наследства в экономическом развитии был выдвинут нами еще в 1991 г. [10]. В дальнейшем он неоднократно затрагивался и развивался в ряде работ [11; 12]. Приведем мнение коллектива авторов под руководством Л. М. Григорьева:

> В странах Балтии существовали наилучшие стартовые условия (среди республик бывшего СССР) для построения рыночной экономики. Здесь был накоплен обширный инновационный потенциал. В советские времена регион служил своеобразной лабораторией по совершенствованию хозяйственного механизма. Прибалтийские республики всегда были на особом положении в СССР, что выражалось и в объеме средств, направляемых на развитие региона: в 1970—1980-е годы они лидировали по объему инвестиций в основной капитал на душу населения.
>
> По этому показателю Эстония фактически находилась на первом месте в СССР: он превышал общесоюзный на 6—8 %. (Формально первое место занимала РСФСР, но здесь концентрировались общесоюзные инвестиции в ВПК, за вычетом которых инвестиции в Эстонии превышали общесоюзные более чем на 15 %.) Традиционно большими были инвестиции в Латвии, а во второй половине 1980-х годов заметно возросли вложения в экономику Литвы [13, с. 55].

В республиках Прибалтики продвижение к рыночной экономике обусловлено рядом факторов: существованием основ рыночной экономики до поворота к административно-командной системе; экономическими и историческими связями с Западной Европой; относительной сбалансированностью структуры народного хозяйства; консенсусом среди всех слоев населения в отношении необходимости перехода к рыночной системе.

Начало реформ в Латвии, Литве и Эстонии — 1991—1992 гг., однако уже в 1989—1990 гг. понимание необходимости и неизбежности реформ стало фактором, консолидирующим общество. Общий характер реформ был очевиден — разгосударствление экономики, сочетающееся с обретением новых территориальных рамок ее масштаба. Оперативно провели и ряд ключевых реформ: денежную, ЖКХ, медицинскую, местного самоуправления. Они были проведены или начаты до 1993 г. Предпринимательские способности населения Прибалтики и помощь западных стран также способствовали относительно быстрому преодолению кризиса, связанного с распадом хозяйственных связей в рамках так называемого единого народно-хозяйственного комплекса СССР. Закономерно и то, что был провозглашен лозунг о

переориентации экономики на хозяйственные связи с Западом. Справедливости ради следует отметить, что первоначально руководители советских прибалтийских республик, а затем и независимых прибалтийских стран очень осторожно говорили о перспективах экономического развития и подчеркивали необходимость сохранения экономических отношений с Россией.

Понимание ограниченности возможностей в связи с ориентацией на Запад придет позже. В начале 1990-х г. все самые значимые объекты государств Прибалтики были скуплены за бесценок западными партнерами. Фактически повторилась ситуация начала 20-х гг. прошлого века, когда скандинавские, а затем и немецкие банкиры скупали активы, и это показательно. И в 1920-е и в 1990-е гг. у властей Литвы, Латвии и Эстонии не было понимания реальной стоимости продаваемого и уничтожаемого имущества. Оно пришло значительно позже, когда перераспределять стало нечего.

Первое десятилетие второй независимости прибалтийских государств потребовалось для осознания реальной стоимости национальных богатств. Матти Маасикас, заместитель министра иностранных дел Эстонии, так оценивал советское наследство:

> Мы выбрали самый радикальный из всех возможных вариантов экономической реформы. Политические силы, пришедшие к власти в 1992 году, шли на выборы с лозунгом «Очистим площадку от старого!». Они исходили из того, что советская экономика не оставила Эстонии ничего, чем можно воспользоваться. Все нужно было переделывать или создавать заново, причем быстро и решительно [14, с. 15].

Однако только транзит, транспорт и торговля с Россией давали чуть менее половины ВВП. В настоящее время оценки экономического потенциала советских республик несколько изменились, но эта дискуссия приобрела исключительно академический смысл.

2. Волатильность ключевых экономических процессов

Большинство экономистов, относящихся к разным экономическим школам, не без оснований отмечают, что быстрый рост не менее, чем быстрое падение, свидетельствует о серьезных структурных и финансовых диспропорциях в национальных экономиках. Этот тезис не относится к начальному периоду реформирования и трансформации национальных экономик. То, что в ходе трансформационного кризиса экономический спад в странах Балтии оказался очень глубоким: –35 % в Эстонии, –49 % в Литве и –52 %, в Латвии — абсолютно закономерно. Эту картину мы наблюдали от Казахстана до Чехии. Столь же предсказуемо и то, что первой последствия кризиса преодолела Эстония, которая в 2001 г. вышла на докризисный уровень 1989 г. В результате к началу 2008 г. ВВП этой страны составил 158 % от этой базы. Экономические успехи Латвии и Литвы существенно скромнее: соответственно 115 и

111 % [13, с. 53]. Однако кризис 2008 г. привел к новой дестабилизации. К примеру, за три года (2007—2009) 10 %-ный рост ВВП в Латвии сменился 19 %-ным падением. Вплоть до настоящего времени мы наблюдаем не только непредсказуемость экономики, но и непредсказуемую волатильность прогнозов [15]. Но и в этом контексте прогноз 2008 г. — рост эстонской экономики на 5,6 % в 2009 г. — претендует на рекорд антинаучности и политизированности.

Рассмотрим душевой ВВП в странах Прибалтики в 2006 и 2007 гг. В Латвии он вырос более чем на 33 %. Возникает вопрос: за счет чего? «После десяти лет расцвета, питавшегося бумом строительства, дешевым производством и российским транзитом, Латвии сегодня необходимы новые источники доходов» [16]. Об этом же думают и в Эстонии. Аналитик крупнейшей финансовой группы Скандинавии — *Skandinaviska Enskilda Banken (SEB)* — Рута Арумяэ считает, что экономический спад носит широкий характер и его влияние на потребителей — вопрос времени. Ситуацию могло бы изменить ускорение внешнего спроса, однако признаков такого ускорения нет [17]. Факторы, способствовавшие масштабному кризису, можно разделить на две следующие группы.

Первая группа — внешние факторы. К ним относятся сформировавшийся дефицит платежного баланса, неконтролируемый приток капитала, игнорирование валютных рисков, раздувание «пузырей» на рынке недвижимости. При всей значимости этих факторов, по нашему мнению, или список далеко не ограничивается, иначе глубина спада была бы на уровне многих других стран (а мы наблюдали больший спад в рассматриваемом регионе).

Вторая группа — национальные практики. Пытаясь открыть дорогу частной инициативе, к примеру, эстонское правительство выбрало путь максимальной либерализации: абсолютное дерегулирование, свертывание субсидирования любых предприятий, оказавшихся неэффективными, в 1991 г.; отказ от прогрессивных налогов. В результате вновь возникший частный сектор переживал настоящий бум. Каждый год регистрировалось около 15 тыс. новых фирм (правда, разорялось чуть меньшее количество юридических лиц).

Макроориентиром стала политика евроинтеграции любой ценой, с односторонней внешнеэкономической ориентацией стран Прибалтики на партнеров в Европейском союзе и игнорированием экономических возможностей, связанных с восточным вектором политики. Евроинтеграция была также связана с политической деиндустриализацией и деаграризацией экономики, передачей контроля над финансово-кредитной сферой скандинавским банкам.

В течение первых 10 лет такая политика давала хорошие результаты. Однако эксперты во всем мире, в том числе в России и в Прибалтике, отмечали нарастание кризисных явлений как минимум с середины 2007 г. Во второй половине 2007 г. начала нарастать неустойчивость на

мировых финансовых рынках, возникло напряжение в банковской сфере, специалисты все чаще стали говорить о возможности замедления темпов роста мировой экономики. Поскольку указанные процессы развиваются в условиях глобализации, когда события даже на периферийных рынках могут серьезно подорвать общую стабильность в мире, для нейтрализации последствий негативных тенденций в таких важнейших секторах экономики развитых стран, как фондовый рынок и банки, потребовались скоординированные действия их «денежных властей». На постсоветском пространстве кризис начал проявляться прежде всего в Латвии, Эстонии, Литве (именно в этом порядке). Форсированная интеграция, не основанная на реальных экономических достижениях, не могла продолжаться бесконечно.

Важно отметить, что даже полный провал указанной политики не привел к пониманию необходимости переосмысления итогов 1991—2008 гг. Вместо этого появилась еще одна книга, содержание которой полностью противоречит экономическим реалиям [18]. Во время кризиса экономика Балтийского региона сократилась примерно на 20%. В 2011 г. страны Балтии продемонстрировали самый высокий рост, составивший в среднем 6,3%.

Провал по всем экономическим показателям привел к запуску механизма пересмотра прогноза ключевых экономических показателей государств Прибалтики в сторону уменьшения. Так, в 2014 г. *Danske Bank* прогнозировал для Эстонии экономический рост в 1,5%, а на 2015 г. — 1,8%. Для Латвии этот банк также прогнозировал 3,7% экономического роста на 2014 г. и 2,6% на 2015-й; для Литвы — соответственно 2,4 и 2,7% [19].

Для краткости рассмотрим эти цифры на примере Латвии. Весь проект ее бюджета на 2015 г. был построен с условием, что ВВП в следующем году вырастет на 2,8%, а уровень инфляции составит 2,4% [20]. Однако уже согласно утвержденной правительством Латвийской программе стабильности на 2015—2018 гг. в 2015 г. рост латвийской экономики планируется в 2,1%. По прогнозу Банка Латвии, сделанному в конце апреля 2015 г., ВВП в этом году может вырасти на 2% [21]. Напомним, что Европейская комиссия тоже понизила Латвии прогноз экономического развития. По мнению Брюсселя, ВВП этой страны в 2014 г. должно было вырасти только на 2,6%. Весной в Брюсселе полагали, что этот рост составит 3,8%. То есть экономические перспективы Латвии за полгода уменьшились в полтора раза. Как считает Европейская комиссия, это государство оказалось «слишком чувствительно к внешним рискам» [22]. Более того, экономический советник представительства Еврокомиссии в Латвии Мартиньш Земитис в мае 2015 г. отметил, что в стране в 2016 г. предстоит консолидация бюджета в размере 0,3% от внутреннего валового продукта (ВВП). По его мнению, Еврокомиссия не возражает против планов Латвии увеличить расходы на оборону и провести реформы в здравоохранении, но она не должна тратить больше, чем может себе позво-

лить. «Еврокомиссия не уверена, что у Латвии есть столько денег, сколько она намерена выделить на эти отрасли» [23].

В чем же причины глубокого спада 2009 г.? С нашей точки зрения, это следствие гипертрофированного развития нескольких секторов экономики: финансового, операций с недвижимостью и торговли. Экономистам давно известен феномен спекулятивного экономического роста, не обеспеченного развитием реального сектора.

В банковской сфере Латвии, Литвы и Эстонии сегодня безраздельно доминируют транснациональные финансовые корпорации Северной Европы. Такая структура банковского сектора — готовый механизм формирования тенденций в прибалтийских экономиках. Выбор направлений предпочтительного кредитования, например, позволяет стимулировать рост тех отраслей, которые не составляют конкуренции материнскому капиталу.

В профессиональной среде складывается понимание того, что ход нормального экономического развития государств Прибалтики нарушен. Если раньше мы говорили о диалектическом взаимодействии экономики и политики, то сегодня политика подчинила экономику своим целям. Золотой век европейской экономики (50-е гг. XX в. — первые семь лет XXI в.) закончился. Европа не будет расти темпами 3—5 % в год в течение длительного времени, до смены парадигмы политико-экономического развития. Для нашего случая это означает то, что при любых формах поддержки экономики Эстонии, Латвии и Литвы Европейский союз не будет и не может обеспечивать реальное развитие, максимум возможного — удержание достигнутого.

3. Промышленная и инновационная политика

Сегодня трудно представить то, что в Российской империи Рига была одним из крупнейших промышленных центров европейской части, равных Варшаве, Киеву, Харькову. Промышленность Риги специализировалась на высокотехнологичных отраслях и характеризовалась большой долей предприятий с иностранным капиталом, уступая по этому показателю только столице империи. В межвоенной Латвии машиностроение не то что бы развивалось динамично, но и не исчезло. Авторитарный режим К. Ульманиса способствовал сохранению промышленности, развитию транспорта и энергетики. При этом промышленность практически исчезла в Эстонии и не существовала в тот период в Литве в принципе. Как уже было отмечено, СССР создавал современную промышленность в Прибалтике, исходя из экономических соображений, сокращая издержки и учитывая комплекс факторов региональной экономики.

Бывшие промышленные флагманы-гиганты Латвийской ССР, такие как рижские заводы РАФ, ВЭФ, «Радиотехника», «Альфа», Даугавпилсский завод химического волокна, были приватизированы и обанкрочены в 1990-х гг. Рижский вагоностроительный завод, Лиепайский металлургический, Даугавпилсский локомотиворемонтный

оказались более успешными, однако новый вектор промышленной политики не оставил для них шансов. В 1990 г. Рижский вагоностроительный завод назвали ненужным придатком советской экономики и создали для него банкротные условия в 2013 г. В 2015 г. очередным провалом закончилась попытка найти для него эффективного инвестора. Развернувшаяся в кругу специалистов дискуссия показала, что инвестора интересуют потенциальные рынки, как минимум российского масштаба. Автосборочный завод «Руссо-Балт» был предприятием иностранного капитала, но собирал машины для всего рынка российской империи. Рижский вагоностроительный завод как предприятие для латвийского и даже европейского рынка не может быть инвестиционно привлекательным. Бренд Латвийской Республики, единственное крупное промышленное предприятие, еще не испытывающее системных трудностей, — это АО «*Latvijas balzams*»: более 600 рабочих мест, один из крупнейших экспортеров в Латвии — его продукция экспортируется более чем в 30 стран мира, и каждый год осваиваются все новые экспортные рынки [24].

Результаты деиндустриализации очевидны. Рассмотрим ее причины. Во-первых, постиндустриальное общество (постмодерн), использующее знания и глобальные электронные технологии в качестве главного ресурса развития, формируется лишь на базе зрелой экономики модерна. Именно таким путем прошла Германия. При этом некоторое контролируемое свертывание промышленного производства в пользу сферы услуг свидетельствует о движении к «новой экономике». Пример — управляемая деиндустриализация в США.

Во-вторых, «если Скандинавские страны чрезвычайно искусно хеджировали и “социализировали” риски, связанные с развитием научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), инновациями и модернизацией промышленного производства, то балтийские экономики в 1990-е — начале 2000-х гг. занимались хеджированием и “социализацией” рисков, сопутствующих краткосрочному буму активов и потребления. Первые научились справляться с финансовой нестабильностью и обеспечили долговременный экономический рост, а у вторых не осталось никаких средств для преодоления колоссальной нестабильности, привнесенной в систему стремительным краткосрочным ростом экономики» [25].

В-третьих, ставка на деиндустриализацию имела двойной политический подтекст. Рабочие на крупных и средних предприятиях в республиках Прибалтики, как правило, не принадлежали к титульным нациям, при этом были организованы именно по социально-производственному признаку. Разгром промышленности в силу этого стал не экономической, а политической задачей. Далее, реализация либерального проекта неизбежно должна была столкнуться с сопротивлением тех, кто ориентировался на концепцию социального государства, столь популярную в Германии и Северных странах. Для этого методика силового подавления профсоюзов, апробированная латиноамериканскими правыми диктатурами, не подходила, а либерализация в сочетании с

постепенным закрытием восточных рынков дала нужный политический эффект.

В настоящее время, столкнувшись с указанным явлением, общество и государства региона ищут новые, сугубо нестандартные для государств Прибалтики варианты участия в международном разделении труда [26; 27]. Независимо от результатов для нас очевидно, что, уничтожив промышленность (как, впрочем, и сельское хозяйство), Эстония, Латвия и Литва не стали современными постиндустриальными странами. Индустриальная цивилизация будет по-прежнему существовать и тогда, когда утопический эксперимент саморегулирующегося рынка уже успеет превратиться не более чем в ужасное воспоминание [28]. Позиционирование государств Прибалтики в этой цивилизации маловероятно.

4. Внешнеэкономический аспект постсоветской трансформации в Прибалтике

Как уже было отмечено, первоначально руководители советских прибалтийских республик, а затем и независимых прибалтийских стран очень осторожно говорили о перспективах экономического развития и связывали их с необходимостью сохранения экономических отношений с Россией. Была поставлена задача развития транзитного потенциала, и как минимум до 2004—2007 гг. она в той или иной степени решалась. Напомним, что «транзитный потенциал страны — совокупность внешних и внутренних факторов, определяющих возможности страны по обслуживанию международных транзитных грузовых и пассажирских транспортных потоков, следующих по ее территории, без применения к объектам транспортировки мер государственной экономической политики» [29, с. 94]. Академик Эстонской академии наук, д-р экон. наук М. Л. Бронштейн писал: «По моим данным, транзит, будучи самой динамично развивающейся областью экономики, в 90-х годах формировал 10—12 % внутреннего валового продукта Эстонии. А если рассматривать сопряженные сферы — например, финансовые и логистические услуги, — то эта цифра значительно возрастет».

О значении транзита в экономике государств Прибалтики всегда шли споры. Но неоспоримо, что в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. доля этой отрасли экономики вместе со смежными видами деятельности действительно доходила до 20 % ВВП [30]. Отметим, что данная цифра не учитывает собственно транспортный комплекс, иначе она бы возросла. Вступление Прибалтики в ЕС, в принципе, могло способствовать развитию торговли и транзита. Однако предположение о том, что «вступление Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз стало предпосылкой для дальнейшего развития торгово-экономических отношений» [31, с. 122], закономерно не оправдалось. В понятие транзитной политики в XXI в. не может не входить оценка политического климата. Признаком политической составляющей является то, что порты стран Балтии за первые четыре месяца 2015 г. перевалили в общей

сложности 53,239 млн тонн грузов — на 3,638 млн тонн (6,4 %) меньше, чем за тот же период 2014 г. [32].

Объем экспорта стран Балтии в Россию в этом году уменьшится из-за санкций примерно на пятую часть, считают аналитики *Bloomberg*. Снижение экспорта составит от 18 до 25 %, что обойдется Латвии, Литве и Эстонии примерно в 690 млн евро, прогнозирует *Danske Bank*. В Латвии экспорт в Россию составляет 6,3 % от общего объема экспорта, в Литве — 4,4 %, в Эстонии — 5,5 %. Снижение экспорта будет обусловлено рецессией в России и падением рубля. По мнению экспертов *Bloomberg*, развитие экономики Балтии в 2015 г. окажется более медленным, чем прогнозировалось ранее, — 1,3—1,7 % [33].

Еще один важный момент — учет реэкспорта. Весь экспорт литовских товаров в Россию в 2014 г. составил 2,5 млрд литов, между тем стоимость товаров, реэкспортированных из других стран, была в 6 раз больше и превысила 14 млрд литов [34].

Задачу укрепления экономических связей с другими странами провозглашает президент Латвии [35], но советник президента по экономике и бывший еврокомиссар А. Пиебалгс дезавуирует эту позицию уходящего президента, прямо указывая на то, что от идеи «моста» между Западом и Востоком надо отказаться [36]. Реализация этой идеи, безусловно, скажется на общей устойчивости экономики Прибалтики.

Конечно, это скажется и на России. К примеру, выход государств Прибалтики из единой энергосистемы с Россией:

> Это значит, что мы должны будем строить в некоторых западных регионах России дополнительные генерирующие мощности. Поскольку линии электропередач шли через прибалтийские страны в некоторые регионы России и наоборот, а всё это будет переключено теперь в Европу, мы должны будем построить дополнительные, не существующие сегодня линии электропередач у нас, чтобы обеспечить передачу электроэнергии. Всё это будет нам стоить где-то 2—2,5 миллиарда евро [37].

Впрочем, для Прибалтики, а точнее Евросоюза, это будет стоить гораздо больше. Следует подчеркнуть и то, что Финляндия не только покупает электрическую энергию у России, но и продает ее России к взаимной выгоде [38].

В контексте внешнеэкономических связей и их роли в экономике следует упомянуть и туризм. Страны Балтии и Закавказья возглавили список самых доступных для россиян мест отдыха, но при этом турпоток из России в Эстонию сократился за год почти вдвое [39].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, а также амбициозные проекты государств Прибалтики в транспорте и энергетике [40], можно сделать вывод о том, что Эстония, Латвия и Литва приложат все усилия для подрыва остатков экономического суверенитета.

Следует подчеркнуть, что одной из важных проблем государств Прибалтики является отсутствие стратегии развития после 2004 г. Стратегические ориентиры были утрачены с момента вступления в ЕС, которое воспринималось как самоцель.

5. Финансово-экономические отношения с Европейским союзом

Рассматривая перспективы экономики государств Прибалтики, можно с уверенностью сказать то, что эти страны достаточно эффективно воспользовались всеми возможностями европейской интеграции.

> Если сравнить на уровне Балтии заплаченные в бюджет ЕС и полученные от ЕС суммы в период с 2000 по 2011 г., удачнее всего деньги в оборот пустила Литва, даже если не считать особую поддержку ЕС на закрытие Игналинской АЭС. Литовцы с каждого заплаченного в бюджет ЕС евро возвращают себе 4,4 евро, Латвия — 3,7 евро, а Эстония — 3,4 евро. Но если сравнивать общую полученную поддержку ЕС на одного жителя страны, в конкурентной борьбе между странами Балтии сильнее оказывается Эстония (2,72 евро на одного жителя), которая немного опережает Литву (2,68 евро на жителя) и на 20 % — Латвию (2,17 евро на жителя [41].
>
> Тем не менее существует опасность, что приток средств окажется пирровой победой… слишком большой поток может вызвать негативный эффект. Часто инвестиционные решения принимаются исходя из «возможностей», предлагаемых различными европейскими программами, а не на основе «потребностей» населения. В условиях, когда подрядчик не чувствует всех издержек распоряжения своим бюджетом, есть риск чрезмерного капиталовложения. Есть множество примеров, когда крупные строительные проекты начинались без учета реальной потребности в них или без достаточных ресурсов для покрытия хотя бы текущих расходов в долгосрочной перспективе [42, с. 13].

Вообще же в последние годы у правительств государств Прибалтики на переговорах о дотациях в национальные бюджеты были три приоритетные задачи: 1) увеличить средства Фонда сплочения; 2) увеличить субсидии фермерам по линии общей сельскохозяйственной политики (ОСП); 3) обеспечить финансирование проекта «Рэйл Балтика» по линии программы «Соединить Европу» [43].

Надежда на помощь ЕС — ключевой фактор формирования текущей политики государств Прибалтики. Однако экономические перспективы Евросоюза в целом не ясны. Существующие в настоящее время проекты взаимодействия прибалтийских государств и Европейского союза в области инфраструктуры потребуют затрат, сопоставимых с затратами на строительство советской инфраструктуры в 1950—1980-х гг. Разница заключается в том, что тогда окупаемость затрат на инфраструктуру опиралась на потенциал трехсотмиллионного советского рынка. Сегодня у ЕС нет возможностей оплачивать подобные проекты, однако нет и желания прямо сказать об этом Таллину, Риге и Вильнюсу.

Сегодня инвестиции в общественный сектор на 75—90 % осуществляются за счет различных дотаций Евросоюза. Если исходить из того, что бюджет Эстонии состоит из 100 единиц, то 76 из них зафиксированы законами — пенсии, пособия, прочие расходы. Свободны 24 % — это часть бюджета, которую может обсуждать парламент. В последние

годы доля средств ЕС составляла в бюджете Эстонии 16—18 % [44]. Прибалтийская модель экономики держится и будет держаться за счет денежных вливаний из ЕС. Сама система не генерирует постоянного потока средств.

6. Экономическая база социальной политики

В основе государственной социальной политики государств Прибалтики лежит отказ от концепции *социального государства*, предполагающей контракт между государством и гражданским обществом, а конкретно — между государством, работодателями, профсоюзами, общественными ассоциациями и неправительственными организациями. На практике это означало изменение и резкое сокращение изначально развитой системы социальной защиты и социальных гарантий, коммерциализацию здравоохранения.

> Изменения в экономической структуре не повысили производительность в намеченном масштабе и тормозят возможности решения внутригосударственных социальных проблем. Эстония по-прежнему тратит на социальную защиту одного жителя менее 40 % аналогичной средней суммы ЕС. Ставка социальной отверженности не сократилась в Эстонии за последнее десятилетие, в группу риска отверженности входит четверть населения [45].

Swedbank провел анализ расходов жителей Таллина, Риги и Вильнюса на питание и жилье. Его результаты показали, что семья из четырёх человек, живущая в принадлежащей ей квартире площадью 70 м^2, тратит на еду, жилье и транспорт в Риге 44 %, Вильнюсе 41,5 % и в Таллине 25,5 % семейных доходов. Семья, состоящая из двух взрослых и двух детей, тратит на минимальную продуктовую корзину, жилье и общественный транспорт: в Риге 591 евро в месяц, Вильнюсе — 513 и в Таллине — 499 [46]. Из стран Прибалтики самая высокая брутто-зарплата в I квартале 2015 г. была в Эстонии — 1010 евро, самая низкая — в Литве, где она составила 700 евро, сообщает *LETA* со ссылкой на данные Центрального статистического управления Латвии. В Латвии в этот же период брутто-зарплата составляла 785 евро. По сравнению с I кварталом 2014 г. быстрее всего росли брутто-зарплаты в Латвии — на 6,1 %. В Эстонии и Литве годовой прирост зарплат составил соответственно 4,5 и 4,3 %. Однако в Латвии после уплаты налогов работники получают более низкие зарплаты, чем в соседних странах: средняя нетто-зарплата в Латвии составила в I квартале 74 % от брутто-зарплаты, тогда как в Литве — 78 %, а в Эстонии — 81 % [47].

7. Политические препятствия экономической трансформации и модернизации

Предельная политизация процессов экономического развития — большая, чем где бы то ни было на постсоветском пространстве, — является характеристикой экономического режима Прибалтийских стран.

Экономическая мифология в Эстонии и Латвии стала частью политики, нормой государственного управления. Объяснение сложнейших экономических процессов дается через простые политические лозунги и критику предшествующих экономических практик. Отметим, что «запаса» политизации экономики хватило почти на 20 лет, но «в данный момент все большее количество людей интересуется конкретными результатами политики, а не ее идеологическими основами» [48, с. 211]. В качестве конкретных результатов общество требует предъявить западные стандарты качества жизни, но их-то в Прибалтике как раз и нет.

Дэвид Вудрафф, профессор политологии в Массачусетском технологическом институте, полемизируя с известнейшим экономистом-транзитологом М. Олсоном, пишет:

> Успех демократии состоял в том, что она способствовала выработке адекватной политики, приспособленной к локальным условиям. То есть речь идет о политике, основанной на понимании того, что просто взорвать унаследованную от социализма промышленность вряд ли будет наилучшим выбором… [49, с. 216].

Только 25% жителей Латвии, 25% — Литвы и 22% — Эстонии «скорее согласны» с мнением о том, что их голос учитывается в ЕС (в среднем по Евросоюзу — 33%). Впрочем, для сравнения: 32% латвийцев, 16% литовцев и 53% эстонцев «скорее согласны» с мнением, что их голос учитывается в их собственных государствах (в ЕС — 52%) [50].

* * *

Подведем итоги. Государства Прибалтики прошли два этапа трансформации. Первый пришелся на 1990—2004 гг. На этом этапе были в целом успешно решены задачи ключевых структурных реформ. Вступление государств Прибалтики в ЕС стало формальным подтверждением этого обстоятельства. С определенной долей условности данный период можно отнести к модернизационному проекту. Вместе с тем в это время были заложены основы для формирования экономической модели, которая — при всей ее неустойчивости — способна функционировать в режиме привилегированной периферии Европейского союза.

На втором этапе страны Прибалтики безуспешно пытались преодолеть периферийность путем догоняющего развития, но, несмотря на все попытки, остаются периферийной зоной затухающего модернизационного процесса, центр которого находится в Западной Европе. Безусловно, этот центр для своего функционирования нуждался в периферии и потому создавал ее в ходе собственной эволюции.

Формирование значительного массива эмпирических данных, творческое обобщение российских и мировых экономических теорий, а также опыта России позволяет экономистам и политологам перейти к построению концепций, основанных на новой модели исследования трансформаций в Прибалтике. Во-первых, она основана на использовании компаративистских методов исследования в транзитологии. Во-вторых, модель базируется на признании того факта, что время, когда в

российской науке использовались преимущественно линейно-прогрессивные концепции постсоветских трансформаций, закончилось. Условно рыночные и условно демократические экономические и политические системы в Эстонии, Латвии, Литве построены. Эти этапы трансформационного развития в Прибалтике и ЦВЕ оказались практически идентичными. Однако примерно с 2004 г. начался новый этап постсоветских трансформаций, исход которых далеко не предрешен и во многих случаях труднопредсказуем.

Еще один важный момент. Прибалтийская экономическая модель, несмотря на ритуальные заклинания о евроинтеграции, оказалась далека от базовых европейских ценностей и приоритетов, эволюционировав в направлении экономической практики англосаксонских неоконсерваторов 80-х гг. XX в. Параметры, формирующие основу европейской экономической политики, даже сегодня, в 2015 г., предполагают масштабное регулирование, связанное с идеей государства всеобщего благосостояния. Текущая ориентация на сферу обслуживания предполагает столетие(я) индустриального развития и протекционистское отношение к национальной промышленности. Проведение успешной экономической политики в Европе предусматривает политический плюрализм, сменяемость власти. В государствах Прибалтики этого нет. К примеру, в Эстонии полтора десятилетия у власти находятся правые партии, в оппозиции — не левые (их просто нет), а центристы Э. Сависаара — «отца» эстонских экономических реформ.

Сделаем некоторые выводы. Постсоветская трансформация в государствах Прибалтики завершена. Действующая экономическая модель может быть охарактеризована как либерально-англосаксонская. Однако классическая экономическая модель либерализма предполагает свободу рынка во всех географических и экономических направлениях. Но именно это не характерно для прибалтийских стран.

Список литературы

1. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

2. *Уайт С.* Европейский союз, Восточная Европа и «империализм ценностей» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. Вып. 4 (37). С. 116—124.

3. *Ханнес* Румм: аргумент о советских мигрантах в споре о квотах на Еврокомиссию не действует. URL: http://rus.err.ee/v/estonia/5c909cfb-3d92-4fa5-822e-8580d742d7bc (дата обращения: 03.06.2015).

4. *Кристина* Каллас: не следует путать беженцев с иммигрантами. URL: http://rus.err.ee/v/estonia/6cad0dc5-6e23-4df9-b9fe-3ed443853042 (дата обращения: 05.06.2015).

5. *Олсон М.* Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.

6. *Агафонов Н.Т., Литовка О.П., Исляев Р.А.* Государственная стратегия регионального развития России: смена парадигмы территориальной организации общества. СПб., 1998.

7. *Misiunas R., Taagepera R.* The Baltic States: Year of dependence 1940—1980. Berkeley, 1983.

8. *Гареева Н.Э., Шкель С.Н.* Теория модернизации и социально-экономические факторы демократизации в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве. URL: http://gisap.eu/ru/teoriya-modernizatsii-i-sotsialno-ekonomicheskie-faktory-demokratizatsii-v-kontekste-politicheskikh (дата обращения: 26.04.2015).

9. *Круминьш* Гатис: СССР Латвию потреблял. URL: http://nra.lv/latvija/138988-gatis-krumins-psrs-latviju-patereja.htm (дата обращения: 26.04.2015).

10. *Межевич Н.М.* Геополитическое положение Эстонской ССР: мифы и реальность // Политическая география и современность. Региональные и прикладные аспекты. Л., 1991.

11. *Самонис В.* Трансформация литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава, 1995.

12. *Григорьев Л.М.* Конкуренция и сотрудничество: экономические перспективы Восточной Балтики. М., 2005.

13. *Актуальные* вопросы мировой экономики: 2010—2012 / под общ. ред. Л.М. Григорьева, А.С. Иващенко // Балтийский форум. 2012. URL: http://www.balticforum.org/files_uploads/files/book_2012_grigorjev.pdf (дата обращения: 05.05.2015).

14. *Путь* в Европу / под общ. ред. И.М. Клямкина, Л.Ф. Шевцовой. М., 2008.

15. *Соэ Р.-М.* 2009 год: экономический рост 5,6%. URL: http://dv.ee/Default2.aspx?ArticleID=d329f296-517d-452b-8fef-70a83e1d52cb&open=fou (дата обращения: 14.07.2008).

16. *Economist*: Латвия смогла достичь невозможного. URL: http://rus.delfi.lv/news/daily/business/economist-latviya-smogla-dostich-nevozmozhnogo.d?id=30262511 (дата обращения: 01.03.2010).

17. *Пылендик К.* 6 причин, почему экономический спад продолжится. URL: http://www.dv.ee/article/2014/6/16/6-prichin-pochemu-jekonomicheskij-spad-ne-zakonchitsja (дата обращения: 16.06.2014).

18. *Åslund A., Dombrovskis V.* How Latvia Came Through the Financial Crisis. Peterson Institute, 2011.

19. *Банк*: экономика ЭР в грядущем году вырастет на 1,8%. URL: http://stolitsa.ee/77375 (дата обращения: 25.08.2014).

20. *Князева О.* Что подписал президент: десять главных фактов о бюджете-2015. URL: http://bb.lv/finansi/item/9160906-chto-podpisal-prezident-desyat-glavnykh-faktov-o-byudzhete-2015 (дата обращения: 31.12.2014).

21. *Домбровскис*: прогноз прироста латвийского ВВП, возможно, придется снизить. URL: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/dombrovskis-prognoz-prirosta-latvijskogo-vvp-vozmozhno-pridetsja-snizit-65892 (дата обращения: 24.04.2015).

22. *В 2015* году экономику Латвии ждет стагнация. URL: http://bb.lv/rinki-i-kompanii/item/9160837-v-2015-godu-ekonomiku-latvii-zhdet-stagnatsiya (дата обращения: 27.12.2014).

23. *Еврокомиссия*: Латвии предстоит бюджетная консолидация в размере 0,3% от ВВП. URL: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/evrokomissija-latvii-predstoit-bjudzhetnaja-konsolidacija-v-razmere-0-3-proc-ot-vvp-66196 (дата обращения: 14.05.2015).

24. *Официальный* сайт АО «Рижский бальзам». URL: http://www.lb.lv/ru/predpriyatie/obshchaya-informatsiya/ (дата обращения: 11.05.15).

25. *Каттель Р.* Взлет и падение Балтийских государств. URL: http://europeandcis.undp.org/data/show/6D3DABEF-F203-1EE9-B76AC2297A6967A (дата обращения: 06.06.2009).

26. *Министр* экономики: космическая индустрия — хороший бизнес для Латвии. URL: http://www. mixnews. lv/ru/economics/news/2015-0502/175319 (дата обращения: 02.05.2015);

27. *Бизнес* по выращиванию улиток в Латвии потерпел крах. URL: http://www.gorod.lv/novosti/256056-biznes-po-vyraschivaniu-ulitok-v-latvii-poterpel-krah (дата обращения: 29.05.2015).

28. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

29. *Кудряшов Н., Нечай А.* Транзитный потенциал: сущность, факторы реализации, подход к оценке // Журнал международного права и международных отношений. 2012. №3.

30. *Бронштейн М.* Латыши оказались мудрее нас // Бизнес & Балтия. 2007. №113 (3236).

31. *Козлов О.* Особенности внешнеторговых связей стран Балтии и России (1991—2012 гг.) // Власть. 2014. №3.

32. *Четырехмесячный* грузооборот портов стран Балтии уменьшился на 6,4%. URL: http://rup.ee/rus/novosti/ekonomika-i-biznes/chetyrekhmesiachnyi-gruzooborot-portov-stran-baltii-umenshilsia-na-6-4 (дата обращения: 09.06.2015).

33. *Bloomberg*: экспорт стран Балтии в Россию уменьшится в этом году на 18—25%. URL: http://www.freecity.lv/biznes/19629/ (дата обращения: 23.02.2015).

34. *Экспорт* литовских продуктов в РФ составлял почти 2 млрд литов. URL: http://ru.delfi.lt/news/economy/eksport-litovskih-produktov-v-rf-sostavlyal-pochti-2-mlrd-litov.d?id=65501216#ixzz3c6CElsoC (дата обращения: 07.08.2014).

35. *Берзиньш*: без стремительного развития Латвию ожидает мрачное будущее. URL: http://rus.db.lv/nachalo/politika/berzin-sh-bez-stremitel-no-razvitija-latviju-ozhidaet-mrachnoe-buduschee-66231 (дата обращения: 15.05.2015).

36. *Пиебалгс*: от идеи моста между Западом и Востоком надо отказаться. URL: http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/piebalgs-ot-idei-mosta-mezhdu-zapadom-i-vostokom-nado-otkazatsya.d?id=45839323 (дата обращения: 19.04.2015).

37. *Путин В.В.* Интервью итальянской газете *Il Corriere della Sera*. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/49629 (дата обращения: 06.06.2015).

38. *Россия* впервые в истории купила электричество у Финляндии. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/08/06/2015/973655.shtml (дата обращения: 01.06.2015).

39. *Турпоток* из России в Эстонию сократился за год почти вдвое. URL: http://rup.ee/rus/novosti/obshchestvo/turpotok-iz-rossii-v-estoniiu-sokratilsia-za-god-pochti-vdvoe (дата обращения: 10.04.2015).

40. *Межевич Н.М.* Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010—2014 годов // Балтийский регион. 2014. №1(19).

41. *Эксперт*: среди стран Балтии нет абсолютного лидера по освоению евро-фондов. URL: http://bnn-news.ru/ekspert-sredi-stran-baltii-net-absolyutnogo-lidera-po-osvoeniyu-evrofondov-84672 (дата обращения: 03.06.2015).

42. *Хольмгаард А.Р.* Эстония // Bulletin on European and CIS Studies EU Budget 2014—2020: Views from across Europe after 7—8 February 2013. M., 2013.

43. *Estonian* Government press release 'Peaminister Ansip osaleb Euroopa Ülemkogu kohtumisel' (February 6, 2012, in Estonian). URL: http://valitsus.ee/et/uudised/74044/peaminister-ansip-osaleb-euroopa-%C3%BClemkogu-kohtumisel (дата обращения: 01.06.2015).

44. *Варблане*: для нас государство — клуб миллиардеров. URL: http://rus.postimees.ee/1173604/varblane-dlja-nas-gosudarstvo-klub-milliarderov (дата обращения: 19.03.2013).

45. *Отчет* о человеческом развитии Эстонии указал на обилие иерархических ловушек. URL: http://rup.ee/rus/novosti/obshchestvo/otchet-o-chelovecheskom-razvitii-estonii-ukazal-na-obilie-ierarkhicheskikh-lovushek (дата обращения: 29.05.2015).

46. *Чтобы* жить в Таллине, нужно минимум 500 евро в месяц. URL: http://dv.ee/novosti/2015/04/27/chtoby-zhit-v-tallinne-nuzhno-minimum-500-evro-v-mesjac (дата обращения: 27.04.2015).

47. *Среди* стран Балтии самая высокая брутто-зарплата в Эстонии, самая низкая — в Литве. URL: http://www.delfi.lv/biznes/bnews/sredi-stran-baltii-samaya-vysokaya-brutto-zarplata-v-estonii-samaya-nizkaya-v-litve.d?id=46029481 (дата обращения: 28.05.2015).

48. *Гечев Р.* Институциональные рамки устойчивого развития в Восточной Европе // А. Олейник, О. Гаман-Голутвина. Административные реформы в контексте властных отношений. М., 2008.

49. *Вудрафф Д.М.* Власть и процветание: перерастание коммунистических и капиталистических диктатур // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. №2 (35).

50. *Special* Eurobarometer 379. Future of Europe. Report / TNS Opinion & Social. 2012, April. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf (дата обращения: 05.06.2015).

Об авторе

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

THE BALTIC ECONOMIC MODEL: SOME RESULTS OF THE 1990—2015 TRANSFORMATIONS

N. Mezhevich*

**Saint Petersburg State University*
7 – 9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Submitted on September 10, 2015

During the last 25 years, the economy of the Baltic States has been developing in the conditions of sovereignty, both de facto and de jure. This period has been sufficient to identify regular patterns in the national economic models. Studies into the nature of the economic development of the Baltic States have a considerable practical and scientific significance. On the one hand, the three Baltic States are a part of the post-Soviet space. The nature, success or failures of their economies contribute to a more accurate assessment of Russia's development. On the other hand, it is the second decade of the Baltic States' EU membership, and the countries' experience is very relevant. The article identifies and analyses key characteristics of the Baltic

States' economic model. The author puts forward a hypothesis on two stages of the economic transformation undergone by the Baltic States. The first stage is characterised by a combination of transformation and modernisation whereas the second - by transformation accompanied by a number of destructive trends in the economy. The current economic model demonstrates limited stability, partly due to deliberately severed economic ties with Russia.

Key words: transformation, modernisation, the Baltics, economic models, political limits to economic development

References

1. Fedotova, V.G. 1997, *Modernizacija «drugoj» Evropy* [Modernization of the "other" Europe], Moscow, 255 p.

2. White, S. 2014, Evropejskij Sojuz, Vostochnaja Evropa i «imperializm cennostej» [European Union, Eastern Europe and the "imperialism of values"], *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], no.4 (37), p.116 - 124.

3. Sokol, Ju. 2015, Rumm H: Argument o sovetskih migrantah v spore o kvotah na Evrokomissiju ne dejstvuet [Rumm H: The argument of Soviet immigrants in the debate about quotas for the European Commission does not act], *Eesti Rahvusringhääling*, available at: http://rus.err.ee/v/estonia/5c909cfb-3d92-4fa5-822e-8580d742d7bc (accessed 03.06.2015).

4. Sokol, Ju. 2015, Kristina Kallas: ne sleduet putat' bezhencev s immigrantami [Christina Kallas: refugees should not be confused with migrants], *Eesti Rahvusringhääling*, available at: http://rus.err.ee/v/estonia/6cad0dc5-6e23-4df9-b9fe-3ed443853042 (accessed 05.06.2015).

5. Olson, M. 2012, *Vlast' i procvetanie: Pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [The power and prosperity: outgrowing communist and capitalist dictatorship], Moscow, 201 p.

6. Agafonov, N.T, Litovka, O.P, Islyaev, R.A. 1998, *Gosudarstvennaja strategija regional'nogo razvitija Rossii: smena paradigmy territorial'noj organizacii obshhestva* [State Strategy of Regional Development of Russia: the paradigm shift in the territorial organization of society], St. Petersburg, 52 p.

7. Misiunas, R. Taagepera, R. 1983, *The Baltic States: Year of dependence 1940-1980*, Berkeley.

8. Gareeva, N.E., Shkel, S.N. 2011, *Teorija modernizacii i social'no-jekonomicheskie faktory demokratizacii v kontekste politicheskih transformacij na postsovetskom prostranstve* [The theory of modernization and socio-economic factors of democratization in the context of political transformations on the post-Soviet space], available at: http://gisap.eu/ru/teoriya-modernizatsii-i-sotsialno-ekonomicheskie-faktory-demokratizatsii-v-kontekste-politicheskikh (accessed 26.04.2015).

9. Mediņa, I. 2015, Gatis Krūmiņš: PSRS Latviju patērēja..., *SIA "Mediju nams",* available at: http://nra.lv/latvija/138988-gatis-krumins-psrs-latviju-patereja.htm (accessed 26.04.2015).

10. Mezhevich, N.M. 1991, Geopoliticheskoe polozhenie Jestonskoj SSR: mify i real'nost' [The geopolitical position of the Estonian SSR: Myths and Reality]. In: *Politicheskaja geografija i sovremennost'. Regional'nye i prikladnye aspekty* [Political geography and modernity. Regional and applied aspects], Leningrad.

11. Samonis, V. 1995, *Transformacija litovskoj jekonomiki: ot Moskvy k Vil'njusu i ot plana k rynku* [The transformation of the Lithuanian economy from Moscow to Vilnius and from plan to market], Warsaw.

12. Grigoryev, L.M. 2005, *Konkurencija i sotrudnichestvo: jekonomicheskie perspektivy Vostochnoj Baltiki* [Competition and cooperation: economic prospects of Eastern Baltic], Moscow.

13. Grigoryev, L.M., Ivashchenko, A.S. (eds.), 2012, Aktual'nye voprosy mirovoj jekonomiki: 2010 – 2012 [Topical issues of the world economy: 2010 - 2012], *Baltijskij forum* [Baltic Forum], Kaliningrad, available at: http://www.balticforum.org/files_uploads/files/book_2012_grigorjev.pdf (accessed 05.05.2015).

14. Klyamkin, I.M., Shevtsova, L.F. (eds.), 2008, *Put' v Evropu* [Way in Europe], Moscow.

15. Ral'f-Martin Soje 2009 god: jekonomicheskij rost 5,6% [Ralph Martin Soe 2009: growth of 5.6%], 2013, *Delovye vedomosti* [Business News], available at: http://dv.ee/Default2.aspx?ArticleID=d329f296-517d-452b-8fef-70a83e1d52cb&open=fou (accessed 14.07.2008).

16. Economist: Latvija smogla dostich' nevozmozhnogo [Economist: Latvia managed to achieve the impossible], 2010, *DELFI - Vadošais ziņu portāls Latvijā*, available at: http://rus.delfi.lv/news/daily/business/economist-latviya-smogla-dostich-nevozmozhnogo.d?id=30262511 (accessed 01.03.2010).

17. Pylendik, K. 2014, 6 prichin, pochemu jekonomicheskij spad prodolzhitsja [6 reasons why the economic downturn continues], *Delovye vedomosti* [Business News], available at: http://www.dv.ee/article/2014/6/16/6-prichin-pochemu-jekonomicheskij-spad-ne-zakonchitsja (accessed 16.06.2014).

18. Åslund, A., Dombrovskis, V. 2011, *How Latvia Came Through the Financial Crisis*, Peterson Institute.

19. Bank: jekonomika JeR v grjadushhem godu vyrastet na 1,8% [Bank: Economy of Estonia in the coming year will increase by 1.8%], 2014, *Gazeta «Stolica»* [Newspaper "Metropolis"], available at: http://stolitsa.ee/77375 (accessed 25.08.2014).

20. Knyazeva, O. 2013, Chto podpisal prezident: desjat' glavnyh faktov o bjudzhete-2015 [What the president has signed ten key facts about the budget-2015], *Gazeta «Biznes&Baltija»* [The newspaper "Biznes & Baltija"], available at: http://bb.lv/finansi/item/9160906-chto-podpisal-prezident-desyat-glavnykh-faktov-o-byudzhete-2015 (accessed 31.12.2014).

21. Dombrovskis: prognoz prirosta latvijskogo VVP, vozmozhno, pridetsja snizit' [Dombrovskis: Latvia's GDP growth forecast may need to reduce], 2015, *Rus.lsm.lv*, available at: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/dombrovskis-prognoz-prirosta-latvijskogo-vvp-vozmozhno-pridetsja-snizit-65892 (accessed 2.04.2015).

22. V 2015 godu jekonomiku Latvii zhdet stagnacija [In 2015, the Latvian economy is waiting for stagnation], 2014, *Gazeta «Biznes&Baltija»* [The newspaper "Biznes & Baltija"], available at: http://bb.lv/rinki-i-kompanii/item/9160837-v-2015-godu-ekonomiku-latvii-zhdet-stagnatsiya (accessed 27.12.2014).

23. Evrokomissija: Latvii predstoit bjudzhetnaja konsolidacija v razmere 0,3% ot VVP [European Commission: Latvia should fiscal consolidation of 0.3% of GDP], 2015, *LETA*, available at: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/ evrokomissija-latvii-predstoit-bjudzhetnaja-konsolidacija-v-razmere-0-3-proc-ot-vvp-66196 (accessed 14.05.2015).

24. *Oficial'nyj sajt AO «Rizhskij bal'zam»* [Official site of JSC "Riga Black Balsam"], 2015, available at: http://www.lb.lv/ru/predpriyatie/obshchaya-informatsiya/ (accessed 11.05.2015).

25. Kattel' Rajner Vzlet i padenie Baltijskih gosudarstv [Rainer Kattel The Rise and Fall of the Baltic States], 2015, *Europeandcis*, available at: http://europeandcis.undp.org/data/show/6D3DABEF-F203-1EE9-B76AC2297A6967A (accessed 06.06.2009).

26. Ministr jekonomiki: kosmicheskaja industrija - horoshij biznes dlja Latvii [Economy Minister: space industry - good business for Latvia], 2015, *Mix Media*

Group, available at: http://www.mixnews.lv/ru/economics/news/2015-05-02/175319 (accessed 02.05.2015).

27. Biznes po vyrashhivaniju ulitok v Latvii poterpel krah [Business on cultivation of snails in Latvia crashed], 2015, *DELFI*, available at: http://www.gorod.lv/novosti/256056-biznes-po-vyraschivaniu-ulitok-v-latvii-poterpel-krah (accessed 29.05.2015).

28. Polanyi, K. 2002, *Velikaja transformacija. Politicheskie i jekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation. Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg, p. 270.

29. Kudryashov, N., Nechay, A. 2012, Tranzitnyj potencial: sushhnost', faktory realizacii, podhod k ocenke [Transit potential: essence, factors implementation approach to assessing], *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij* [Journal of International Law and International Relations], no. 3.

30. Bronstein, M. 2007, Latyshi okazalis' mudree nas [Latvians have proved wiser], *Biznes & Baltija* [Business & Baltics], no. 113 (3236), June 15th.

31. Kozlov, O. 2014, Osobennosti vneshnetorgovyh svjazej stran Baltii i Rossii (1991–2012 gg.) [Features of foreign trade relations of the Baltic States and Russia (1991-2012], *Vlast'* [Power], no. 3.

32. Chetyrehmesjachnyj gruzooborot portov stran Baltii umen'shilsja na 6,4% [The four turnover of Baltic ports decreased by 6.4%], 2015, *Buhgalterskie novosti* [Accounting news], available at: http://rup.ee/rus/novosti/ekonomika-i-biznes/chetyrekhmesiachnyi-gruzooborot-portov-stran-baltii-umenshilsia-na-6-4 (accessed 09.06.2015).

33. «Bloomberg»: jeksport stran Baltii v Rossiju umen'shitsja v jetom godu na 18-25% [«Bloomberg»: Baltic States exports to Russia will decrease this year by 18-25%], 2015, *Freecity.lv*, available at: http://www.freecity.lv/biznes/19629/ (accessed 23.02.2015).

34. Jeksport litovskih produktov v RF sostavljal pochti 2 mlrd. litov [Exports of Lithuanian products in Russia amounted to almost 2 billion. Litas], 2014, *RU.DELFI*, available at: http://ru.delfi.lt/news/economy/eksport-litovskih-produktov-v-rf-sostavlyal-pochti-2-mlrd-litov.d?id=65501216#ixzz3c6CElsoC (accessed 07.08.2014).

35. Berzin'sh: bez stremitel'nogo razvitija Latviju ozhidaet mrachnoe budushhee [Berzins: without rapid development of Latvia is waiting for a bleak future], 2015, *LETA*, available at: http://rus.db.lv/nachalo/politika/berzin-sh-bez-stremitel-no-razvitija-latviju-ozhidaet-mrachnoe-buduschee-66231 (accessed 15.05.2015).

36. Piebalgs: ot idei mosta mezhdu zapadom i vostokom nado otkazat'sja [Piebalgs: the idea of a bridge between East and West must abandon], 2015, *RU.DELFI*, available at: http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/piebalgs-ot-idei-mosta-mezhdu-zapadom-i-vostokom-nado-otkazatsya.d?id=45839323 (accessed 19.04.2015).

37. Putin, V.V. 2015, *Il Corriere della Sera*, available at: http://kremlin.ru/events/president/news/49629 (accessed 06.06.2015).

38. Prokhorov, P. 2015, Rossija vpervye v istorii kupila jelektrichestvo u Finljandii [Russia for the first time in the history of buys electricity from Finland],*the RBC*, available at: http://top.rbc.ru/spb_sz/08/06/2015/973655.shtml (accessed 01.06.2015).

39. Turpotok iz Rossii v Jestoniju sokratilsja za god pochti vdvoe [Arrivals from Russia to Estonia decreased by almost half], 2015, *Buhgalterskie novosti* [Accounting news], available at http://rup.ee/rus/novosti/obshchestvo/turpotok-iz-rossii-v-estoniiu-sokratilsia-za-god-pochti-vdvoe (accessed 10.04.2015).

40. Mezhevich, N. M. 2014, Major infrastructure projects and the foreign policy of the Baltic states in 2010—2014, Balt. Reg., no. 1, p. 4–20. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-1.

41. Jekspert: sredi stran Baltii net absoljutnogo lidera po osvoeniju evrofondov [Expert: the Baltic States there is no absolute leader in the development of EU funds], 2013, *BNN-NEWS*, available at: http://bnn-news.ru/ekspert-sredi-stran-baltii-net-absolyutnogo-lidera-po-osvoeniyu-evrofondov-84672 (accessed 03.06.2015).

42. Holmgard, R. A. 2013, Estonia, *Bulletin on European and CIS Studies EU Budget 2014–2020: Views from across Europe after 7–8 February 2013*, Moscow, p. 13.

43. Estonian Government press release 'Peaminister Ansip osaleb Euroopa Ülemkogu kohtumisel', 2012, *Valitsus.ee*, available at: http://valitsus.ee/et/uudised/74044/peaminister-ansip-osaleb-euroopa-%C3%BClemkogu-kohtumisel (accessed 01.06.2015).

44. Argo, I. 2013, Varblane: dlja nas gosudarstvo — klub milliarderov [Varblane: for our state - the club of billionaires], *RUS.POSTIMEES.EE*, available at: http://rus.postimees.ee/1173604/varblane-dlja-nas-gosudarstvo-klub-milliarderov (accessed 19.03.2013).

45. Otchet o chelovecheskom razvitii Jestonii ukazal na obilie ierarhicheskih lovushek [The Human Development Report of Estonia have the abundance of hierarchical traps], 2015, *Buhgalterskie novosti* [Accounting news], available at: http://rup.ee/rus/novosti/obshchestvo/otchet-o-chelovecheskom-razvitii-estonii-ukazal-na-obilie-ierarkhicheskikh-lovushek (accessed 29.05.2015).

46. Chtoby zhit' v Tallinne, nuzhno minimum 500 evro v mesjac [To live in Tallinn, you need a minimum of 500 euros per month], 2015, *Delovye vedomosti* [Business News], available at: http://dv.ee/novosti/2015/04/27/chtoby-zhit-v-tallinne-nuzhno-minimum-500-evro-v-mesjac (accessed 27.04.2015).

47. Sredi stran Baltii samaja vysokaja brutto-zarplata v Jestonii, samaja nizkaja - v Litve [Among the Baltic States the highest gross wages in Estonia, the lowest - in Lithuania], 2015, *DELFI.LV,* available at: http://www.delfi.lv/biznes/bnews/sredi-stran-baltii-samaya-vysokaya-brutto-zarplata-v-estonii-samaya-nizkaya-v-litve.d?id=46029481 (accessed 28.05.2015).

48. Gechev, R. 2008, Institucional'nye ramki ustojchivogo razvitija v Vostochnoj Evrope [Institutional framework for sustainable development in Eastern Europe]. In: Oleinik, A., Gaman-Golutvina, O. *Administrativnye reformy v kontekste vlastnyh otnoshenij* [Administrative reforms in the context of power relations], Moscow.

49. Woodruff, D. M. 2001, Vlast' i procvetanie: pererastanie kommunisticheskih i kapitalisticheskih diktatur [Power and Prosperity: escalating communist and capitalist dictatorships], *Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropejskoe obozrenie* [Constitutional law: the East Europe review], no. 2 (35), p. 216.

50. Future of Europe, 2012, *Special Eurobarometer*, Report , no. 379, April, available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf p. 23—25 (accessed 05.06.2015).

About the author

Prof Nikolai Mezhevich, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

ПОЛИТИКА

УДК 323

К ВОПРОСУ О КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СФЕРЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ СТРАН ПРИБАЛТИКИ

В.А. Смирнов*

Рассматриваются проблемы легитимности политических режимов в странах Прибалтики посредством анализа трех ключевых индикаторов: уровень доверия политическим институтам, распространенность коррупции и состояние партийной системы. Выявляются причины кризисных тенденций в сфере легитимности политических режимов Литвы, Латвии и Эстонии. Обозначается проблема воспроизводства легитимности вследствие фрагментированности и ограниченной репрезентативности национальных партийных систем. Отдельное внимание уделяется компенсаторным механизмам, используемым политическими элитами для «искусственного» воспроизводства легитимности.

Отмечается правомерность постановки вопроса о дефиците легитимности в странах Прибалтики не только с позиций угроз демократическим институтам, но и в контексте слабости государственных институтов, отсутствия достаточных ресурсов для обеспечения госдарственной состоятельности. В этом отношении дальнейшей разработки заслуживает гипотеза об «экспорте» («заимствовании») ресурсов легитимности малыми странами из крупных государств и межгосударственных объединений, в орбиту влияния которых они входят.

Дефицит легитимности усугубляет риски раскола политических элит в странах Прибалтики, который может стать прологом к глубокому политическому кризису. В этих условиях компенсаторные механизмы не могут рассматриваться лишь как ориентированные на широкие социальные слои. Важнейшим объектом их применения становятся также политические элиты.

Ключевые слова: легитимность, кризис, тенденции, политический режим, Прибалтика, Литва, Латвия, Эстония, политический институт, политические элиты

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 05.06.2015 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-4-3

© Смирнов В.А., 2015

С момента вступления стран Прибалтики в ЕС и НАТО прошло более 10 лет. В последнее десятилетие конфронтационность внешней политики прибалтийских режимов не снизилась, несмотря на гарантии безопасности со стороны евроатлантического альянса и интеграцию в Европейский союз. Дискриминационный институт «неграждан» продолжает существовать в Латвии и Эстонии, наращиваются усилия в области исторической политики и эксплуатации «российской угрозы». В Литве и Латвии введено уголовное наказание за отрицание «советской оккупации». Политические элиты стран Прибалтики активно выступили против переговоров с Россией по вопросам реализации программы «Восточное партнерство».

В прошедшее десятилетие прибалтийские политические элиты оказались перед вызовом формулирования новой положительной цели развития своих государств, которая могла бы заменить завершившееся «возвращение на Запад». Стремясь определить новую «большую идею», столь необходимую для обществ прибалтийских стран, находящихся в сложном социально-экономическом положении[1], местные властные группы задействуют доступные им инструменты, в том числе и политико-идеологического характера: тезисы об «освобождении от советского прошлого» и о «российской угрозе»[2]. Фоном для усиливающихся кризисных тенденций в сфере легитимности режимов стран Прибалтики стала все более взрывоопасная международная обстановка.

С. Липсет дал определение легитимности политической системы как «способности порождать и поддерживать веру, что существующие политические институты являются наиболее подходящими для общества» [24, p. 77]. Р. Коллинз существенно дополняет данное определение, подчеркивая, что легитимность непосредственно связана не только с энтузиазмом или покорностью масс, но и с лояльностью среди политических групп. Делегитимация определяется расколом политических элит и их сомнениями в своей легитимности, а также переходом масс от отчужденности к активным оппозиционным действиям [11].

Легитимность — не абсолютная константа, но скорее величина, подверженная изменениям[3]. Проблема эмпирического измерения ее уровня — дискуссионный вопрос в политической науке. Не выработано и четких подходов к выявлению эмпирического порога наступления кризиса легитимности. Последний может быть определен как потеря доверия к государственным институтам среди значительной части населения [9]. Однако данное определение нуждается в уточнении и опе-

[1] Показательным индикатором социально-экономического положения является демографическая статистика. По данным последних переписей населения, с 1989 г. население Литвы сократилось на 616 тыс. (более 17 %); население Латвии потеряло около 600 тыс. (более 22 %); население Эстонии уменьшилось более чем на 270 тыс. (около 17 %). Подробнее см.: [3].

[2] Об интенсификации исторической политик в Восточной Европе см.: [4].

[3] Х. Линц отмечает: «Ни один политический режим не является легитимным для 100 % населения… и, вероятно, очень мало режимов полностью нелегитимны и держатся лишь на принуждении» [23, p. 66].

рационализации. Тем более что утрата доверия не означает автоматического «опрокидывания» существующих властных групп или политического порядка в целом.

Отличительная черта кризиса легитимности — его непроявленность до определенного критического момента, постепенное (подчас скрытое даже от внимательного наблюдателя) вызревание. Наблюдая начало посткоммунистических трансформаций в 1990 г., Я. Пакульски утверждал, что коммунистические режимы в Восточной Европе практически мгновенно утратили легитимность в результате массовых протестов на рубеже 1990-х гг. [27]. Однако данное заключение, сделанное в момент стремительного развития событий, было ситуативным. Из поля зрения исследователя выпали кризисные политические процессы и события, нараставшие в Восточной Европе на протяжении нескольких десятилетий. Отсутствие революций и переворотов вовсе не обязательно свидетельствует об идеальном состоянии легитимности власти. «Было бы ошибкой полагать, что режим является легитимным, так как ему открыто не бросают вызов», — подчеркивает М. Доган [15, p. 203].

Политический кризис, ведущий к смене режима или дисфункции (параличу) политической системы в целом, становится кульминацией кризисных тенденций, складывавшихся из ряда менее масштабных конфликтов и изменений в восприятии власти населением и политическими группами. Кризис легитимности с высокой вероятностью может перейти в стадию острого политического кризиса в моменты утраты государством внешнеполитического престижа и/или тяжелого финансового кризиса, социально-экономического коллапса и вызванного этим раскола элит [11]. Сочетание внутренних и внешних кризисных факторов создает условия для усугубления кризиса легитимности.

В рамках настоящей статьи кризис рассматривается как переломный момент в развитии системы, когда нарушения в ее функционировании делают невозможным инерционное движение, приводя к развилке: упрощению (в пределе — распаду) или усложнению системы. Данное определение является наиболее общим и нуждается в дальнейшем уточнении, однако оно позволяет выделить этапы кризисной динамики:

1) накапливающиеся по мере функционирования системы противоречия приобретают качество кризисных тенденций при отсутствии (слабости) противоположных тенденций, ведущих к стабилизации системы в существующем виде;

2) постепенное усугубление кризисных тенденций пересекает «отметку» кризиса в тот момент, когда система больше не может функционировать прежним образом;

3) разрешение кризиса предполагает дестабилизацию системы, ведущую к ее преобразованию — упрощению или усложнению.

С исследовательской точки зрения интерес представляет выбор переменных (индикаторов), которые позволяли бы зафиксировать изменения уровня легитимности и набирающие силу кризисные тенденции до начала полномасштабного политического кризиса. Данные переменные необходимым образом будут связаны с источниками воспроизводства

легитимности. Общим местом стало утверждение, что легитимность в современных обществах основывается на принятии решений согласно установленным процедурам и правилам (обычаям). Однако процедура также нуждается в легитимации посредством указания на высшие инстанции[4], обоснованные господствующей идеологией [6]. Источником легитимности в случае прибалтийских стран служит идеология либеральной демократии, активно продвигаемая евроатлантическим сообществом и воплотившаяся в демократических институтах. Следовательно, первым индикатором уровня легитимности может служить уровень доверия населения центральным политическим институтам.

Вторым ключевым источником легитимности является эффективное функционирование политических институтов, соответствующее запросам граждан. Кризис легитимности и последующий политический кризис выступают следствиями отставания процесса институционализации от возрастающих социальных запросов [16]. Основными индикаторами уровня легитимности в данном случае могут служить распространенность коррупции и состояние партийной системы, в том числе устойчивость ведущих политических партий. От функционирования партийных организаций и их поддержки в обществе зависит прочность социальной опоры власти [7].

Проблемы легитимности политических элит в странах Прибалтики целесообразно не вырывать из контекста научного осмысления проблем легитимности в Восточной Европе. Западные политологи, как правило, рассматривают нехватку легитимности под углом рисков для либерально-демократической модели. Однако перечень острых вопросов не исчерпывается жизнеспособностью одной только демократической доктрины. Легитимность является необходимым условием бесперебойного функционирования государственных институтов в целом. В этой связи важно отметить, что понятие «посткоммунизм» и теории транзитологии были проблематизированы еще в прошлом десятилетии [10]. В результате в западной политологии вопросы преодоления «коммунистического наследия» постепенно уступают приоритет изучению проблем институциональной дисфункции «молодых демократий» в Восточной Европе [13].

Акцент в научных дискуссиях постепенно сдвигается от условий успешности демократических транзитов к факторам их дальнейшей устойчивости. Так, Ф. Фукуяма оспаривает известную теорию консолидированной демократии, якобы наступающей после успешной передачи власти в рамках двух демократических электоральных циклов, указывая на возможность отката демократизировавшихся режимов к авторитаризму [14]. Т. Карозерс отмечает, что «шаткая половинчатая позиция между развитой демократией и явной диктатурой наиболее распро-

[4] Так, в последние десятилетия в США фиксируется возрастающее недовольство граждан текущим функционированием политических институтов, однако при этом сохраняется достаточно высокий уровень доверия самим институтам — см. подробнее: [15].

странена сегодня в странах развивающегося и посткоммунистического мира» [10, p. 8].

С этой точки зрения становится понятно, что определения демократии на основе формальных институтов и даже успешной передачи власти на демократических выборах недостаточно, так как неформальные институты могут «перехватывать» управление. В результате демократические институты и принципы могут лишиться определяющего влияния на процесс принятия решений по ключевым вопросам, что может вести к формированию «фасадных демократий». Чрезмерное исследовательское внимание к формальным правилам[5] оставляет в тени еще одно обстоятельство: вследствие неустойчивости «молодых демократий» их сохранение зависит от «способности широких социальных групп мобилизоваться и защищать свои интересы» [14, p. 88] в отношениях с властными группами. И здесь мы вновь возвращаемся к отмеченной выше центральной роли стабильных партийных систем, отражающих запросы общества, для воспроизводства легитимности.

Неустойчивость и слабые связи политических партий с обществом не могут обеспечить стабильное воспроизводство легитимности, что особенно остро проявляется в странах, переживших в недавнем прошлом глубокие политические трансформации. Как подчеркивает В. И. Коваленко, политические элиты, приходящие к власти в переломные политические периоды, стремительно теряют доверие населения, если за фасадом демократических преобразований не стоят решения назревших социальных задач [2]. Перевод ситуации из режима «трансформации» в режим нормального функционирования предполагает строительство работоспособных институтов. Однако предпосылки для эффективных институтов формируются на протяжении длительного периода политического развития общества, отражая особенности его исторического опыта и политической траектории.

Следовательно, существенное значение для оценки устойчивости «молодых» демократических институтов имеет характер причин и движущих сил политической трансформации, в результате которой они были учреждены. Ф. Фукуяма делает различие между «завоеванными» и «подаренными» демократиями (*granted democracy*), отмечая, что несмотря на относительно кратковременную массовую политическую мобилизацию населения в ходе «бархатных революций» в странах бывшего коммунистического блока, все же «первоначальный толчок исходил от Горбачева» [14, p. 87]. Данный тезис косвенно предполагает, что демократические институты в Восточной Европе остаются уязвимыми, так как в обществе слабы социальные предпосылки для их укрепления и формирования стабильных партийных систем. Поэтому особое значение имеет внешняя поддержка данных институтов в рамках отдельных стран

[5] Причины данной асимметрии могут заключаться в более сложных процедурах анализа неформальных аспектов политического процесса, предполагающих качественные оценки и не всегда поддающихся формализованной аргументации.

— как политическая, так и информационно-пропагандистская. В сложившихся условиях обращают на себя внимание утверждения экспертов в Соединенных Штатах, настаивающих на необходимости активного продвижения и *защиты* демократий в мире [21].

На фоне украинского кризиса эксперты Института Кеннана (США) заявили об уязвимости демократических институтов прибалтийских государств и необходимости включения в политический процесс национальных меньшинств[6]. Вместе с тем защита демократии предполагает существование ее *врагов* — как внешних, так и внутренних («пятая колонна»). «Демократический режим не разрушается, потому что нет лучшей альтернативы, кроме как реформировать его демократическим путем» [15, p. 203], — утверждают оптимисты. Пессимисты апеллируют к многочисленным историческим примерам упадка легитимности демократических режимов не только вследствие революций, военных поражений и политических кризисов, но также в связи с потерей малыми государствами политического покровительства крупных империй [15].

Опираясь на приведенные выше теоретические основания, рассмотрим более предметно ситуацию с легитимностью в прибалтийских странах, руководствуясь ключевыми индикаторами: уровень доверия населения политическим институтам, уровень коррупции и состояние партийной системы.

В 2001 г. 50 % эстонцев, 51 % латышей и 59 % литовцев считали, что управление страной улучшится в случае возврата к коммунистическому режиму или установления диктатуры [32]. Литовский ученый М. Дягутис, исследуя литовскую политическую культуру, обосновал вывод об отсутствии в стране условий для долгосрочной стабильности демократического режима [12]. «Выживание демократического режима в странах Прибалтики следует рассматривать в контексте перспектив членства в ЕС», — заключал С. Спурга [35, p. 64].

Учитывая приведенные данные на фоне периодически вспыхивающих политических конфликтов[7] в прибалтийских государствах, лозунг «возвращения на Запад» служил важнейшим, если не ключевым, фак-

[6] Директором Центра Вудро Вильсона при Институте Кеннана в США М. Рожански было выдвинуто предложение провести «аудит уязвимостей членов НАТО» в Восточной Европе. Выражая понимание озабоченности данных государств «подпитываемыми Россией пятыми колоннами» (очевидно, речь идет, прежде всего, о государствах Прибалтики, хотя они прямо не называются), американские эксперты полагают, что страны региона «не могут закрывать глаза на национальную напряженность во внутренней политике и игнорировать проблемы русскоязычных меньшинств». Поэтому предлагается «увеличить инклюзивность» политических систем. См. подробнее: [31].

[7] В Латвии в период с 1993 по 2000 г. сменилось восемь кабинетов министров [37]. По данным А. Загайновой, в Эстонии в период с 1991 по 2007 г. ни одно правительство не сумело отработать полный четырехлетний срок. В Литве присоединение к ЕС в 2004 г. совпало с мощнейшим политическим кризисом в связи с досрочным отрешением Р. Паксаса от должности главы государства, в том числе по коррупционным основаниям [38].

тором сохранения легитимности политических режимов в Прибалтике. После вступления в ЕС и НАТО политологи рассматривали как достижение тот факт, что страны Прибалтики не пошли «по пути Молдавии или Югославии» [28, p. 128].

На новейшем этапе развития, в последние 3—5 лет, социологические данные дают противоречивую картину, однако тенденции 1990-х — начала 2000-х гг. по-прежнему заметны. Так, более 80 % граждан стран Прибалтики считают, что демократия является подходящей системой управления страной. Однако 41 % литовцев и 57 % латышей полагают, что более сильный государственный лидер, который не считается с институтами парламентаризма и выборов, был бы полезнее для страны. Кроме того, 10 % респондентов в Латвии и 6 % в Литве предпочли бы в своей стране военную диктатуру демократии [8]. Фоном для этого служит усиление негативной риторики в СМИ в адрес России, что не проходит бесследно: так, в Литве в 2006 г. Россию врагом считали 61,5 % жителей, в 2014-м — 72,5 % [1]. В отношении Литвы и Латвии ряд местных исследователей придерживаются тезиса о «порочном круге политического отчуждения», который стимулирует возникновение популистских партий, что усиливает разочарование избирателей политической системой [1].

Текущие социологические данные о доверии граждан стран Прибалтики политическим институтам позволяют внести уточнения в представленные выше общие тенденции. Так, в Литве и Латвии уровень доверия основным политическим институтам — парламенту, правительству и политическим партиям — существенно ниже среднего показателя в рамках Евросоюза. В Эстонии аналогичные показатели превышают европейские (табл. 1). При этом во всех прибалтийских государствах доверие к ЕС заметно превышает средние показатели среди стран-членов Евросоюза.

Таблица 1

Уровень недоверия политическим институтам, %

Политический институт	Литва	Латвия	Эстония	Средний уровень в ЕС
Парламент	84	79	61	69
Правительство	74	75	58	72
Политические партии	85	90	80	82
Европейский союз	35	45	33	58

Источник: [36].

Следует отметить, что за последние 2—3 года показатели доверия политическим институтам в странах Евросоюза несколько увеличились после падения 2008—2009 гг., вызванного экономическим кризисом. Однако уровень недоверия политическим институтам в Литве и Латвии

сохраняется на тревожно высоком уровне (табл. 1). Вразрез с общей тенденцией низкого доверия политическим институтам в странах Прибалтики выстраивается отношение граждан к Евросоюзу. В Литве, Латвии и Эстонии показатели доверия Европейскому союзу значительно превышают средний уровень среди стран — членов ЕС.

По основным индикаторам распространения коррупции страны Прибалтики превышают средние показатели в рамках ЕС (табл. 2). Эмпирические исследования фиксируют в Эстонии наиболее низкий уровень распространения коррупции среди прибалтийский государств. Эстонский опыт противодействия коррупции часто рассматривается как образец для других государств Восточной Европы [22]. Но Литва и Латвия по-прежнему остаются одними из лидеров в ЕС по распространению коррупции.

Таблица 2

Уровень толерантности к коррупции среди населения стран ЕС, %

Страна	Толерантны	Нетолерантны
Литва	62	29
Латвия	68	26
Эстония	38	59
Средний показатель в ЕС	33	64

Источник: [34].

В 2014 г. опубликованы результаты социологического исследования коррупции в ЕС [34]. Согласно полученным данным, Литва занимает первые позиции по убежденности граждан в широком распространении коррупции в стране (95 %, выше показатели только в Греции — 99 % и Италии — 97 %). В Литве больше всего респондентов среди европейских стран утверждают, что знают тех, кто берет взятки (35 %); Латвия по данному показателю находится на четвертом месте (25 %). Литва также удерживает лидерство в ЕС по количеству респондентов, испытавших на себе или наблюдавших проявления коррупции (25 %). На вопрос о том, допустимо ли предлагать чиновнику взятку в обмен на государственную услугу, больше всего респондентов отвечают положительно в Литве (42 %); Латвия удерживает третье место (38 %). Отдельного внимания заслуживает восприятие коррупции в полиции и таможенной службе. Литва и Латвия занимают по данному показателю второе (63 %) и третье место (58 %) соответственно, уступая лишь Румынии (67 %).

Приведенные данные отражают общую ситуацию с распространением коррупции в странах Балтии. Если ограничить угол обзора только политической сферой, то следует отметить, что коррупционные скандалы неоднократно сотрясали в последние годы политическую систему всех трех прибалтийских стран. Детальное описание данных эпизодов выходит за рамки настоящей работы, поэтому обратим вни-

мание лишь на некоторые. В литовской политике можно отметить скандал в партии «Союз Отечества — христианские демократы», связанный с подозрениями в коррупции членов семьи Гарбаравичюсов, влиятельного каунасского клана. Большой резонанс вызвали коррупционные скандалы вокруг деятельности мэра Вильнюса А. Зуокоса — предметом парламентских и судебных расследований стал самый широкий круг эпизодов: от коррупции в сфере городского ЖКХ и махинаций с недвижимостью до «покупки» голосов на выборах мэра. Судебные процессы, несмотря на наличие неопровержимых доказательств, не привели к отставке мэра[8], он ушел лишь после проигрыша в ходе очередных выборов в 2015 г.

Президент Латвии В. Затлерс в 2011 г. инициировал референдум о роспуске парламента в связи с многочисленными коррупционными скандалами, но уголовное «дело олигархов» так и не было доведено до конца. Доминирование проблематики коррупции укрепило в политологическом дискурсе Латвии категорию «олигархов», которые часто рассматриваются как основные субъекты латвийской политики [8].

В Эстонии в 2013 г. произошел громкий скандал в связи с доказанным фактом подделки голосов, позволивших экс-главе МИДа и депутату Европарламента К. Оюланд войти в правление Реформистской партии Эстонии. Политик была исключена из партии, однако сохранила мандат евродепутата[9].

Указанные факты отражают тенденции, которые подтверждаются и при более широком эмпирическом анализе в показателях восприятия населением коррумпированности политических институтов (табл. 3).

Таблица 3

Восприятие коррупции по отдельным институтам[10]
(1 — некоррумпированный, 5 — полностью коррумпированный)

Страна, год		Партии	Парламент	Армия	НКО	Медиа	Церковь	Бизнес	Образование	Судебная система	Медицина, здравоохранение	Полиция	Публичные чиновники, госслужащие
Эстония	2013	3,7	3,1	2,0	2,4	2,6	2,1	3,3	2,3	2,8	2,7	2,6	3,2
	2004	3,5	3,1	2,0	2,8	2,8	1,7	3,1	2,4	3,1	2,7	2,9	—

[8] См. об этом: *Прокуроры* пытаются перейти «Рубикон» // Экспресс неделя. 2008. 27 июня.

[9] См.: *Коррупция* и подделка голосов: больше всего кандидатов с темным прошлым в Ляэне-Вирумаа // Delfi. ee. 2015. 13 янв.

[10] По данным Глобального барометра коррупции *Transparency International* за 2004—2013 гг. Для сравнения в таблице также приводятся данные, полученные в результате исследования в Финляндии. См. подробнее: [17].

Окончание табл. 3

Страна, год		Партии	Парламент	Армия	НКО	Медиа	Церковь	Бизнес	Образование	Судебная система	Медицина, здравоохранение	Полиция	Публичные чиновники, госслужащие
Латвия	2013	4,0	3,7	2,3	2,4	3,0	2,1	3,4	2,5	3,5	3,4	3,5	3,8
	2004	4,2	4,0	2,5	2,4	3,1	2,0	3,7	3,0	4,1	3,6	4,0	—
Литва	2013	4,2	4,3	2,4	2,6	3,3	2,5	3,6	3,2	4,3	4,1	3,9	3,9
	2004	4,2	4,2	2,4	2,8	3,2	2,3	3,5	3,0	4,2	3,8	4,1	—
Финлянд-ия	2013	3,4	2,9	1,9	2,4	3,1	2,3	3,3	2,1	2,0	2,4	1,8	2,8
	2004	3,0	2,6	1,6	2,0	2,9	2,3	2,7	1,6	2,0	1,9	1,7	—

Приведенные данные о доверии политическим институтам и уровне коррупции указывают на сохраняющуюся уязвимость и хрупкость политических режимов в прибалтийских государствах. По ряду ключевых показателей Литва, Латвия и Эстония существенно отстают от среднего уровня в ЕС, нередко уступают и многим странам Восточной Европы.

Государственное строительство требует не только формального закрепления свободных выборов и декларации о намерениях политического класса, но и более фундаментальных ресурсов общества. При этом высокий уровень коррупции, будучи индикатором нестабильности государственного образования, далеко не обязательно является основной причиной кризиса легитимности и политических рисков. «Скорее, проблема заключается в недостаточности человеческих и материальных ресурсов, — отмечает Ф. Фукуяма. — Там, где запуск демократических процедур открытости (имеется в виду прозрачность и подотчетность. — *В. С.*) предшествовал реформе государства, результатом часто являлось широкое распространение клиентализма» [16, p. 12].

Коррупция и дефицит легитимности — широко распространенные проблемы на современном этапе политического развития, и не только в молодых и хрупких, но и в более сильных государствах. Принципиальный вопрос заключается в наличии противовесов, которые могли бы частично нивелировать негативные тенденции. Речь идет о политических институтах, способных «включать» политическую активность и артикулировать интересы граждан, обеспечивая тем самым консолидацию политического сообщества. В современных обществах одними из ключевых инструментов выполнения подобной функции являются политические партии.

Направлять активность политических субъектов в институциональное русло могут различные организации, но в демократических обществах функциональной альтернативы политическим партиям пока не существует. В последние годы ведутся дискуссии об общественных движениях и ситуативных политических ассоциациях, которые якобы могут заменить массовые партии. Однако данные структуры не справ-

ляются с масштабными организационными задачами по регулярной агитации и мобилизации избирателей для обеспечения стабильного выборного процесса. Очевидно, эти задачи не могут решить в полной мере профсоюзы и деловые объединения. Поэтому в случае дисфункции партийной системы центр тяжести политической активности неизбежно смещается в сферу неформальных институтов — клик и клиентел, а также организованных преступных групп, — что увеличивает криминализацию госаппарата. Некоторые симптомы данных процессов в прибалтийских государствах были рассмотрены выше. Таким образом, партийная система выступает основным средством взаимодействия общества и правящей элиты, способным поддерживать легитимность за счет эффективной обратной связи.

Партийные системы Литвы, Латвии и Эстонии демонстрируют как существенные общие черты, так и особенности. Во всех трех странах партийные системы характеризуются слабыми связями с обществом и фрагментированностью[11]. В Эстонии на протяжении 2000-х гг. наблюдались относительная стабилизация электоральных предпочтений и уменьшение фрагментации партийной системы. Однако парламентские выборы в 2015 г. вновь показали увеличение фрагментации по сравнению с электоральным циклом 2011 г. — в парламент прошли шесть партий вместо четырех[12]. Примечательно, что ряд исследователей из стран Прибалтики, диагностируя слабое институциональное развитие, фрагментированность и «коммерциализацию» прибалтийских партийных систем, указывают на связанные с этим риски возрастания податливости российскому влиянию[13].

> Фактически размежевание в партийной борьбе сегодня все больше происходит по отношению к России, при этом эпитет «пророссийский» приобретает сугубо отрицательное звучание. Однако понятие «коммунизм» попрежнему играет роль важного маркера, линии раскола между различными политическими силами Литвы. На законодательном уровне коммунизм при-

[11] В основе данной оценки — анализ данных по явке на избирательные участки, доверию населения партиям, членству в партиях и устойчивость электоральных предпочтений. Партийные системы Литвы и Латвии демонстрируют низкие показатели относительно не только Западной Европы, но и ЕС в целом, учитывая Восточную Европу, тогда как в Эстонии ситуация несколько лучше. См. подробнее: [33].

[12] См. подробнее: *The 2015* Parliamentary Elections In Estonia. Rewarding The Squirrels // Baltic worlds. 2015. 9 марта. URL: http://balticworlds. com/rewarding-the-squirrels/ (дата обращения: 25.03.2015).

[13] См. подробнее: [18]. Примечательно, что с констатацией данных проблем выступают не только исследователи, но и действующие на высшем уровне политики. Так, Президент Латвии А. Берзиньш в 2015 г. заявил: «…нашу партийную систему нельзя назвать сильной. Она находится в стадии формирования. У партийной системы нет крепких корней в гражданском обществе, поэтому большинство жителей обоснованно считает, что партии не представляют интересы общества» (*Президент*: век латвийских партий — слишком недолгий // Latvijas Sabiedriskie mediji. 2015. 23 февр.).

равнен к фашизму. Если открытое декларирование коммунистических взглядов может привести к уголовному преследованию, то антикоммунистические заявления стали распространенными популистскими приемами. Вместе с тем именно разделение на «посткоммунистов» (к которым относили «Демократическую партию труда Литвы», а затем Социал-демократическую партию Литвы) и «антикоммунистов» (главным образом, «Союз Отечества» как продолжатель традиций «Саюдиса») используется в работах многих литовских исследователей. См. подробнее: [30].

Общей чертой прибалтийских стран является межпартийный раскол по вопросу отношения к коммунистическому прошлому. Политические силы, не поддерживающие доктрину «советской оккупации», автоматически зачисляются в категорию «коммунистических» или «пророссийских» партий. Для партийной борьбы в странах Прибалтики характерно использование «стратегии антагонизации России» [20] — не только с целью маргинализации оппонентов, но и для обоснования собственных политических решений.

Для партийных систем Латвии и Эстонии определяющим также выступает раскол, обусловленный этническим фактором. В результате оппозиционные партии, представляющие значительную часть избирателей, в том числе русскоговорящее меньшинство, не допускаются к формированию правящей коалиции и правительства. В. Петтаи обозначает данный феномен как «остракизм» [29], а Ю. Розенвалдс характеризует сложившуюся ситуацию как «герметизацию» правящих элит [5].

В Литве этнический раскол менее выражен, и основной водораздел проходит между левыми и правыми партиями (при всей условности этой маркировки в литовском случае), отношением к советскому прошлому и взаимодействию с Россией, а также (отчасти) отношением к польскому меньшинству. Можно сказать, что украинский кризис оказал мощное консолидирующее влияние на негативной основе — главные политические партии в Литве (консерваторы и социал-демократы), прежде считавшиеся системообразующими оппонентами, предлагавшими различные повестки дня, в том числе касающиеся отношений с Россией, теперь, по сути, монолитны по большинству внешнеполитических вопросов.

В Латвии партии правящей коалиции опираются на идеологию этнонационализма и используют для конкуренции с имеющей поддержку русскоязычного меньшинства партией «Согласие» не только собственные партийные организации, но и комбинации формальных и неформальных механизмов вне рамок партийной системы. Так, по итогам парламентских выборов в 2011 и 2014 гг. одержавшая победу партия «Центр согласия» (затем — «Согласие») не получила права на формирование правящей коалиции. Это позволяет нескольким правоконсервативным партиям объединяться в коалицию, раз за разом не допуская «Согласие», имеющее альтернативную программу левоцентристского толка, к участию в формировании правительства. В 2011 г. лидеры консервативных партий потребовали от «Центра согласия» признания «со-

ветской оккупации» и латышского языка в качестве единственного государственного в качестве условия допуска к формированию правящей коалиции [8], и это требование не снято. Правящие в Латвии партии националистического толка требуют от социал-демократического «Согласия» принятия их «красных линий» (признания «оккупации» и т. д.), тем самым заведомо консервируя внутриполитический конфликт, «питаясь» от него и удерживая конкурента, имеющего мощную электоральную поддержку, в изоляции.

Во многом схожая ситуация сложилась и в Эстонии. Центристская партия, несмотря на прочное второе место на выборах в парламент (23,3 % голосов в 2011 г. и около 24,8 % в 2015-м)[14] и минимальное отставание от лидера — Эстонской партии реформ, — остается за рамками правящей коалиции (но, как и «Согласие» в Латвии, контролирует столичное самоуправление).

Анализ вышеприведенных данных позволяет сделать предположение о значительном дефиците легитимности политических режимов в странах Прибалтики. Нехватка легитимности, низкое доверие политическим институтам на фоне распространенности коррупционных практик и неформальных институтов существенно повышают риски политической дестабилизации. Слабость партийных систем и политические институты, дискриминирующие национальные меньшинства, ограничивают возможности саморегулирования политической системы в вопросах легитимности. Политические элиты оказываются перед вызовом создания *компенсаторных* механизмов, которые могли бы противостоять негативным тенденциям утраты легитимности.

Одной из приоритетных для них задач в данной связи становится оправдание дискриминационных институтов массового «негражданства» в Латвии и Эстонии, ограничивающих в политических и экономических правах национальные меньшинства. Неразрывно с данной задачей была связана и потребность придать легитимность политическим группам, пришедшим к власти на волне общественных движений — «народных фронтов» в Прибалтике. Эти организации были протестными движениями, создавшими «параллельные органы власти», что требовало прочной идейной основы для их дальнейшего закрепления на властных позициях.

Этнонационализм стал основной программно-идеологической опорой новых политических элит. Провозглашенная доктрина континуитета и популяризация идеологемы «советской оккупации» были использованы для укрепления легитимности этнократической модели демократии в Прибалтике. Роль «положительной» политической программы отводилась интеграции в евроатлантические структуры под лозунгом «возвращения на Запад».

[14] По данным Избирательной комиссии Эстонии — см.: *Upcoming* elections in Estonia: 2015 Elections to the Riigikogu. URL: http://vvk.ee/general-info/ (дата обращения: 25.03.2015).

В этом контексте широкое распространение получил «дискурс секьюритизации» — использование аргументов о защите от «российской угрозы» для консолидации внутренней поддержки вступления в ЕС и НАТО, а также для укрепления переговорной позиции с западными элитами. Итогом стала выработка и прочное закрепление в политическом дискурсе темы Прибалтики как «форпоста» Запада на границах с «восточным соседом». Данная тема продолжает активно эксплуатироваться в информационном пространстве стран Литвы, Латвии и Эстонии.

Другим компенсаторным механизмом дефицита легитимности политических режимов в Прибалтике стало активное продвижение и институционализация исторической политики. В Литве, Латвии и Эстонии при непосредственном участии государства были созданы многочисленные музеи, исследовательские центры и официальные комиссии по разработке тематики «советской оккупации» и «жертв двух тоталитаризмов», заключающейся в приравнивании нацизма и коммунизма, но с акцентом на «историческую вину» последнего. Можно предположить, что данное направление работы играло вспомогательную роль для обоснования сюжетов этнонационализма и «секьюритизации». Однако со временем историческая политика приобрела самостоятельную логику развития в связи с настойчивыми и небезуспешными попытками участия прибалтийских элит в формировании общеевропейской политики памяти и экспорте своих практик в этой сфере в другие регионы (в частности, это касается Украины). Во внутренней политике стран Прибалтики системная разработка исторических тем была призвана компенсировать «дефицит» истории суверенной государственности. В результате тема «советской оккупации» стала своеобразным маркером в рамках элитных групп, позволяющим провести черту между сторонниками властных режимов и «другими», тем самым способствуя консолидации правящей элиты на основе идей этнонационализма.

Однако данные компенсаторные механизмы имеют известные ограничения. Административные средства и государственная поддержка задавали определенный вектор исторической политики и идеологической деятельности, содействовали их интенсификации, но столкнулись с серьезными проблемами при наполнении ее смысловым содержанием.

> Речь идет, прежде всего, о кратковременности суверенной истории прибалтийских государств, проблеме «преодоления» многочисленных фактов коллаборационизма с нацистским режимом и др. В результате особое внимание уделяется акцентировке внешней угрозы со стороны «другого» («восточного соседа»). В этой связи уместно процитировать норвежского исследователя Ойвинда Джагера, охарактеризовавшего ситуацию в странах Прибалтики следующим образом: «...обращение к исторической памяти как средству легитимации государственного строительства воспроизводит тему угрозы и укрепляет дискурс опасности... [Таким образом] обеспечивается оправдание широкой секьюритизации и воспроизводится непрочная идентичность. Именно в силу непрочности и иллюзорности

идентичности, а также по причине слабости и ненадежности государственных институтов весь проект государственного строительства является уязвимым. Дискурс опасности служит инструментом по поддержке государственных институтов, границ и идентичности с тем, чтобы ослабить чувство уязвимости» [19, p. 33]. Схожую оценку ситуации в Литве на фоне последних международных событий дает литовский историк Альгимантас Каспаравичюс, подчеркивая, что «поиск врагов — не говорит о политической и культурной зрелости государства и общества» (*Историк*: литовцы сами стимулируют информационную войну // Delfi.lt. 2014. 2 июня).

Вышесказанное позволяет утверждать, что ситуация в странах Прибалтики соответствовала известному тезису Ю. Хабермаса о том, что «административного производства смысла не существует» [6, с. 118]. Свидетельством недостаточной эффективности исторической политики стала законодательная «криминализация» отрицания «советской оккупации». Соответствующие законы, предусматривающие уголовное преследование и лишение свободы за отрицание «советской оккупации», были приняты в Литве и Латвии в 2010 и 2014 гг. соответственно.

Данные новации были резонансными, но далеко не единственными в ряду действий, которые можно было бы назвать репрессивными компенсаторными механизмами. В их реализации традиционно ведущую роль играли силовые структуры и специальные службы государств Прибалтики. Дискурс «секьюритизации» в силу внутренней логики предполагает активное присутствие специальных служб в публичной сфере страны. Детальный анализ данной темы выходит за рамки настоящей работы, поэтому приведем лишь несколько примеров, позволяющих охарактеризовать ситуацию в целом. Так, Департамент полиции безопасности Эстонии (КаПо) периодически публикует открытые доклады, в которых персонально обозначаются так называемые «враги государства».

В 2012 г. в список «врагов государства» попал вице-мэр Таллина М. Кылварт (см.: *Кылварт*: упоминание моего имени КаПо и вотум недоверия я просто так не оставлю // Delfi.ee. 2012. 18 апр.). В ежегодном публичном отчете полиции безопасности Эстонии за 2011—2012 гг. было выдвинуто обвинение против депутата эстонского парламента Яны Тоом в антигосударственной деятельности, которая выражалась в поддержке русскоязычного образования. В 2014 г. в ответ на обращение Яны Тоом Таллинский окружной суд вынес решение, согласно которому КаПо должно было публично опровергнуть дискредитирующие заявления в отношении политика, однако суд не вынес решений о возмещении морального ущерба и изъятии из обращения опубликованных докладов (см.: *Какие* аргументы привел суд, признавший победу Тоом над полицией безопасности // Delfi.ee. 2014. 27 октября). В конце 2010 г. накануне парламентских выборов был обнародован отчет КаПо, в котором содержались бездоказательные предположения относительно получения денег от российских бизнесменов председателем Центристской партии Эстонии Э. Сависааром на избирательную кампанию (см.: *КаПо* опубликовала отчет о скандале вокруг финансирования Сависаара из России // Delfi.ee. 2010. 21 дек.).

Обращает на себя внимание и практика проведения КаПо регулярных закрытых семинаров для учителей обществознания в Эстонии[15]. В Литве методы специальных служб по работе с общественно-политическими процессами во многом схожи (там тоже есть ежегодные доклады Департамента госбезопасности, которые активно продвигаются в СМИ и в основном посвящены отражению «угрозы с Востока»), но отличаются большей демонстративностью. Аналогичные доклады с указанием на «нелояльные элементы» в политических кругах, СМИ и правозащитных организациях выпускаются и латвийскими специальными службами — Бюро по защите Конституции и полицией безопасности МВД. В 2014 г. литовские силовые структуры провели обыски в русских школах Вильнюса в связи с поездками учащихся в российские детско-юношеские лагеря[16]. В 2015 г. большой резонанс вызвала волна обысков в квартирах известных литовских журналистов и представителей творческой интеллигенции, заподозренных в «распространении антилитовской информации».

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать ряд выводов о состоянии легитимности политических режимов стран Прибалтики и перспективах их дальнейшего развития. Дефицит легитимности политических режимов в Прибалтике подтверждается рядом эмпирических показателей — прежде всего, низким доверием политическим институтам и распространенностью коррупции. Данные индикаторы характерны и для стран Восточной Европы в целом, однако страны Прибалтики демонстрируют ряд особенностей. Проблема недоверия политическим институтам особенно остро стоит в Литве и Латвии. Фрагментированность и слабая социальная укорененность партийных систем стран Прибалтики затрудняет воспроизводство легитимности традиционным для демократических обществ путем. Дискриминационные институты массового «негражданства», существующие в Латвии и Эстонии, усугубляют проблему регулирования легитимности, блокируя политическое участие и артикуляцию интересов значительных социальных групп. Политическая система в данных государствах не является сбалансированной и устойчивой, а механизм выборов не ведет к формированию репрезентативного состава органов представительной и исполнительной власти. Совокупность данных признаков позволяет говорить о нарастающих кризисных тенденциях, ведущих прибалтийские режимы к усугублению кризиса легитимности, что чревато все большим заимствованием легитимности за счет эксплуатации ресурса внешней угрозы и ведет к политической дестабилизации. Единственной существенной преградой, снижающей темпы развертывания негативных тенденций, выступает сохраняющийся относительно высокий уровень доверия граждан прибалтийских стран к институтам Европейского союза.

---

[15] См., например: *В обстановке* особой секретности полиция безопасности продолжает наставлять учителей // Delfi. ee. 2015. 19 марта.

[16] См. об этом: *В двух* русских школах Вильнюса проводятся обыски // Delfi. lt. 2014. 3 дек.

Дефицит легитимности ведет к расширению применения политическим режимом средств принуждения [15]. Концептуализировать данную зависимость позволяет различение между «репрессивным» и «инфраструктурным» типами власти [25]. Инфраструктурная власть предполагает не прямое принуждение, но процесс эффективного участия государства в организации общественной жизни, обеспечивающий доверие граждан власти как действующей в интересах общества [26]. Слабость институциональных механизмов воспроизводства легитимности требует активного участия властных групп в воспроизводстве легитимности административными методами, «искусственной» консолидации социальных групп и политических элит в рамках существующих режимов. Данная тенденция находит выражение в широком применении политическими элитами прибалтийских государств компенсаторных механизмов: формирования образа «нации как жертвы» посредством интенсивного использования инструментов исторической политики, нагнетания внешней «российской угрозы», насаждения образа страны как «осажденной крепости». Указанные направления получают идеологическое обоснование в синтезе этнонационалистического и демократического дискурсов, закрепляются в формальных институтах и поддерживаются за счет активного и публичного участия государственных силовых структур и специальных служб в общественно-политических процессах.

Правомерна постановка вопроса о дефиците легитимности в странах Прибалтики не только с позиций угроз демократическим институтам, но и в контексте слабости государственных институтов, отсутствия достаточных ресурсов для обеспечения государственной состоятельности[17]. В этом отношении дальнейшей разработки заслуживает гипотеза об «экспорте» («заимствовании») ресурсов легитимности малыми странами из крупных государств и межгосударственных объединений, в орбиту влияния которых они входят. Иначе говоря, ЕС и НАТО могут обеспечивать малые страны не только экономическими и военными ресурсами, но и «ресурсами» легитимации, поддерживая своим престижем веру местных жителей в безальтернативность существующей системы политического устройства общества.

Дефицит легитимности усугубляет риски раскола политических элит в странах Прибалтики, который может стать прологом к глубокому политическому кризису. В этих условиях компенсаторные механизмы не могут рассматриваться лишь как ориентированные на широкие социальные слои. Важнейшим объектом их применения выступают также политические элиты, консолидация и «герметизация» которых

[17] Ф. Фукуяма характеризует данную проблему следующим образом: «Неопатримониальные государства, притворяющиеся современными политиями, но фактически являющиеся клептократиями, обеспечивающими получение ренты для частной выгоды властных групп» [16, p. 12].

достигается за счет нагнетания внешней угрозы и использования репрессивных мер для формирования этнонационального «консенсуса» элит. Применение данных методов продиктовано соображениями самосохранения прибалтийских политических режимов в текущих идеологических и институциональных конфигурациях.

Список литературы

1. *Данные* агентств социсследований Vilmorus и Spinter tyrimai. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/opros-spisok-vragov-litvy-shokiroval-politologa.d?id=64939033 (дата обращения: 25.05.2015).

2. *Коваленко В.И.* Проблемы трансформирующейся демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. №2. С. 8—14.

3. *Межевич Н.М., Шадурский А.В., Грозовский А.М.* Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам. СПб., 2013.

4. *Плохие* предчувствия. Телемост с историком Алексеем Миллером. URL: http://gefter.ru/archive/14325 (дата обращения: 26.02.2015).

5. *Розенвалдс Ю.* Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. №3(9). С. 149—161.

6. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.

7. *Эдингер М.* Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с нею вызовы // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия : сб. ст. / под ред. Я.А. Пляйса. М., 2010. С. 13—28.

8. *Baltic* Way(s) of Human Development: Twenty Years On. Tallinn, 2011.

9. *Bogason P.* Legitimacy Crisis // Encyclopedia of Governance / ed. by M. Bevir. Sage, 2007. P. 522.

10. *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, No 1. P. 7—21.

11. *Collins R.* Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100, No 6. P. 1566—1569.

12. *Degutis M.* Politinë kultûra // Lietuvos politinë sistema: sàranga ir raida / A. Krupavièius, A. Lukoðaitis (red.). Poligrafija ir informatika, 2004. P. 98 —104.

13. *Diamond L.* Facing Up to the Democratic Recession // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26, No 1. P. 141—155.

14. *Diamond L., Fukuyama F., Horowitz D., Plattner M.* Reconsidering the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2015. Vol. 25, No 1. P. 86—100.

15. *Dogan M.* Political Legitimacy: New Criteria and Anachronistic Theories // International Social Science Journal. 2009. Vol. 60, Is. 196. P. 203—208.

16. *Fukuyama F.* Why is Democracy Performing So Poorly? // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26, No 1. P. 12—17.

17. *Global* Corruption Barometer // Transparency International. URL: http://www.transparency.org/research/gcb/overview (дата обращения: 25.03.2015).

18. *Grigas A.* Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States. L. : The Royal Institute of International Affairs, 2012. P. 2—3.

19. *Jæger Ø.* Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States // Peace and Conflict Studies. 2000. Vol. 7, No 2. P. 33—37.

20. *Jakobson M., Balcere I., Loone O. et al.* Populism in the Baltic States. Tallinn, 2012.

21. *Kagan R.* The Weight of Geopolitics // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26, No 1. P. 21—31.

22. *Kalniņš V.* Background paper on Estonia // Anti-Corruption Policies Revisited. Hertie School of Government, 2014.

23. *Linz J.* Legitimacy of democracy and the socioeconomic system // Comparing Pluralist Democracies: Strains on Legitimacy / ed. by M. Dogan. Boulder, 1988. P. 66—72.

24. *Lipset S.* Political Man. The Social Basis of Politics. N. Y., 1959.

25. *Mann M.* The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results // Archives Européenes de Sociologie. 1984. Vol. 25. P. 185—213.

26. *Mann M.* The Sources of Social Power. Volume I. A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge, 1986.

27. *Pakulski J.* Eastern Europe and 'Legitimacy Crisis' // Australian Journal of Political Science. 1990. Vol. 25, No 2. P. 272—288.

28. *Pettai V.* Explaining Ethnic Politics in the Baltic States: Reviewing the Triadic Nexus Model // Journal of Baltic Studies. 2006. Vol. 37, No 1. P. 124—136.

29. *Pettai V., Auers D., Ramonaitė A.* Political development // Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. Tallinn, 2011. P. 144—163.

30. *Ramonaite A.* Posovietinės Lietuvos politinė anatomija. Pilietinės visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Tarptautinių santykių ir politikos mokslų institutas. Vilnius, 2007.

31. *Rojansky M.* Why Ukraine's future is vital to West // CNN. November 2014. URL: http://edition.cnn.com/2014/11/03/opinion/rojansky-west-ukraine-elections (дата обращения: 25.03.2015).

32. *Rose R.* Advancing Into Europe? The Contrasting Goals of Post-Communist Countries. In Nations in Transition. N. Y., 2002.

33. *Saarts T.* Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States. 2011. Vol 3, No 3. P. 83—104.

34. *Special* Eurobarometer 397. February 2014. URL: ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_397_en.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

35. *Spurga S.* Europeanization of Civil Society in the Baltic States: Promotion or Constraint of Democratization? // Viešoji Politika Ir Administravimas. 2007. No 22. P. 64—76.

36. *Standard* Eurobarometer 80. November 2013. URL: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb80/eb80_anx_en.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

37. *The Baltic* States: Estonia, Latvia and Lithuania / ed. by D. Smith [et al.]. N. Y., 2002.

38. *Zagainova A.* Challenges of Anti-Corruption Politics in Post-Communist Countries // Corruption and Development of the Anti-Corruption Campaigns. Palgrave Macmillan, 2007.

Об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

ON CRISIS TRENDS IN THE LEGITIMACY OF THE POLITICAL REGIMES OF THE BALTIC STATES

V. Smirnov*

*Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

Submitted on June 05,2015

This article considers the legitimacy of political regimes in the Baltic States by analysing three major parameters: confidence in political institutions, level of corruption, and the development of their party systems. The author identifies the major crisis trends in the legitimacy of the political regimes of Lithuania, Latvia, and Estonia. The article stresses the problem of legitimacy reproduction resulting from the limited representation of the national party systems. Special attention is paid to compensatory mechanisms used by political elites to 'artificially' reproduce legitimacy. It makes sense to analyse the deficit of legitimacy in the Baltic States not only in the context of threats to democratic institutions but also considering weaknesses of public institutions and insufficient resources to ensure stateness. This requires developing a hypothesis about smaller states 'importing' legitimacy from larger states and intergovernmental organisations, in whose zone of influence they are included. In other words, the EU and NATO can provide smaller states not only with economic and military resources but also legitimation 'resources' using their prestige to support the belief of local residents that there is no alternative to the current political system of social organisation. Legitimacy deficit increases the risks of a rift between political elites in the Baltic States, which can become a prologue to a deep political crisis. In these conditions, compensatory mechanisms cannot be considered as targeted exclusively at broad social strata. They are also aimed at political elites, whose consolidation or 'encapsulation' is achieved by exaggerating external threats and resorting to repressive measures in an attempt to develop an ethnonational consensus. These methods are used to ensure self-preservation of the Baltic States political regimes within the current ideological and institutional configuration.

Key words: legitimacy, crisis, trends, political regimes, the Baltic States, Latvia, Lithuania, Estonia, political institutions, political elites

References

1. *Vilmorus u Spinter tyrimai*, 2015, available at: http://ru.delfi.lt/news/live/opros-spisok-vragov-litvy-shokiroval-politologa.d?id=64939033 (accessed 25.05.2015).

2. Kovalenko, V.I. 2007, Problemy transformirujushhejsja demokratii v uslovijah novyh vyzovov [Problems of transforming democracy in the face of new challenges], *Vestnik MGU. Serija 12. Politicheskie nauki* [Vestnik MSU. Series 12. Political sciences], no. 2, p. 8.

3. Mezhevich, N.M., Shadurski, A.V., Grozovsky, A.M. 2013, *Otnoshenija Rossii i stran Pribaltiki: ot upushhennyh vozmozhnostej k real'nym perspektivam* [Relations between Russia and the Baltic countries from missed opportunities to real prospects], St. Petersburg.

4. *Plohie predchuvstvija. Telemost s istorikom Alekseem Millerom* [Bad feeling. Teleconference with historian Alexei Miller], 2015, available at: http://gefter.ru/archive/14325 (accessed 26.02.2015).

5. Rozenvalds, Yu. 2012, Problema «(de)germetizacii» politicheskoj jelity Latvii i Jestonii: perspektivy russkojazychnogo men'shinstva [The problem of "(de) sealing" of the political elite of Latvia and Estonia: Russian-speaking minority perspectives], *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], no. 3(9), p. 149-161.

6. Habermas, Yu. 2010, *Problema legitimacii pozdnego kapitalizma* [The problem of legitimation of late capitalism], Moscow, p. 118.

7. Edinger, M. 2010, Politicheskie jelity v postkommunisticheskih gosudarstvah: smena jelit i svjazannye s neju vyzovy [The political elites in post-communist states: a change of elites and the related challenges]. In: Plyays, Ya. A. (ed.), *Demokratija. Vlast'. Jelity: Demokratija vs jelitokratija* [Democracy. Power. Elite: democracy vs elitokratiya], festschrift,Moscow, p. 13–28.

8. *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On*, 2011, Tallinn, Printon Trükikoda, p.163.

9. Bogason, P. 2007, Legitimacy Crisis. In: Bevir, M. (ed.), *Encyclopedia of Governance*, Sage, p. 522.

10. Carothers, T. 2002, The End of the Transition Paradigm, Journal of Democracy, Vol. 13, no. 1, p. 7-21.

11. Collins, R. 1995, Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse, *American Journal of Sociology*, Vol. 100, no. 6, p. 1566.

12. Degutis, M. 2004, Politinë kultûra. In: Krupavièius, A., Lukoðaitis, A. (eds.), *Lietuvos politinë sistema: sàranga ir raida*, Poligrafija ir informatika, p. 98.

13. Diamond, L. 2015, Facing Up to the Democratic Recession, *Journal of Democracy*, Vol. 26, no. 1, p. 141-155.

14. Diamond, L., Fukuyama, F., Horowitz, D., Plattner, M. 2015, Reconsidering the Transition Paradigm, *Journal of Democracy*, Vol. 25, no. 1, p. 86-100.

15. Dogan, M. 2009, Political Legitimacy: New Criteria and Anachronistic Theories, *International Social Science Journal*, Vol. 60, no. 196, p. 203.

16. Fukuyama, F. 2015, Why is Democracy Performing So Poorly? *Journal of Democracy*, Vol. 26, no. 1, p. 12.

17. Global Corruption Barometer, 2015, *Transparency International*, available at: http://www.transparency.org/research/gcb/overview (accessed 25.03.2015).

18. Grigas, A. 2012, *Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*, London, The Royal Institute of International Affairs, p. 2-3.

19. Jæger, Ø. 2000, Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States, *Peace and Conflict Studies*, Vol. 7, no. 2, p. 33.

20. Jakobson, M., Balcere, I., Loone, O., Nurk, A., Saarts, T., Zakeviciute, R. 2012, *Populism in the Baltic States*, Tallinn University.

21. Kagan, R. 2015, The Weight of Geopolitics, *Journal of Democracy*, Vol. 26, no.1, p. 21-31.

22. Kalniņš, V. 2014, Background paper on Estonia. In: *Anti-Corruption Policies Revisited*, Hertie School of Government.

23. Linz, J. 1988, Legitimacy of democracy and the socioeconomic system. In: Dogan, M. (ed.), *Comparing Pluralist Democracies: Strains on Legitimacy*, Boulder, Westview Press, p. 66.

24. Lipset, S. 1959, *Political Man. The Social Basis of Politics,* New York, Doubleday, p.77.

25. Mann, M. 1984, The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results, *Archives Européenes de Sociologie*, Vol. 25, p. 185-213.

26. Mann, M. 1986, *The Sources of Social Power. Volume I. A History of Power from the Beginning to AD 1760*, Cambridge, Cambridge University Press.

27. Pakulski, J. 1990, Eastern Europe and 'Legitimacy Crisis', *Australian Journal of Political Science*,Vol. 25, no. 2, p. 272-288.

28. Pettai, V. 2006, Explaining Ethnic Politics in the Baltic States: Reviewing the Triadic Nexus Model, *Journal of Baltic Studies,* Vol. 37, no. 1, p. 124-136.

29. Pettai, V., Auers, D., Ramonaitė, A. 2011, Political development. In: *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On,* Tallinn, Printon Trükikoda, p.144-163.

30. Ramonaite, A. 2007, *Posovietinės Lietuvos politinė anatomija. Pilietinės visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Tarptautinių santykių ir politikos mokslų institutas*, Vilnius: Versus aureus, p. 208.

31. Rojansk,y M. 2014, Why Ukraine's future is vital to West, *CNN*, November 2014, available at: http://edition.cnn.com/2014/11/03/opinion/rojansky-west-ukraine-elections (accessed 25.03.2015).

32. Rose, R. 2002, *Advancing Into Europe? The Contrasting Goals of Post-Communist Countries. In Nations in Transition*, New York, Freedom House, p. 42.

33. Saarts, T. 2011, *Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States*, Vol. 3, no. 3, p. 83-104.

34. *Special Eurobarometer,* 2014, no. 397, February, available at: ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_397_en.pdf (accessed 25.03.2015).

35. Spurga, S. 2007, Europeanization of Civil Society in the Baltic States: Promotion or Constraint of Democratization? *Viešoji Politika Ir Administravimas*, no. 2, p.64.

36. *Standard Eurobarometer*, 2013, no. 80, November 2013, available at: ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb80/eb80_anx_en.pdf (accessed 25.03.2015).

37. Smith, D., Pabriks, A., Purs, A., Lane, T. (eds.), 2002, *The Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania*, New York, Routledge, p. 83.

38. Zagainova, A. 2007, Challenges of Anti-Corruption Politics in Post-Communist Countries. In: *Corruption and Development of the Anti-Corruption Campaigns*, Palgrave Macmillan.

About the author

Dr Vadim Smirnov, Senior Research Fellow, the Faculty of Political Science, Moscow State University, Russia.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

УДК 341.16

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННОЙ ИММИГРАЦИЕЙ

В. В. Войников*

Рассматриваются вопросы, связанные с принятием и развитием законодательства о борьбе с незаконной иммиграцией, в том числе в связи с неконтролируемым ростом потока иммигрантов в ЕС из стран Северной Африки и Ближнего Востока.

Основная цель статьи состоит в анализе законодательства ЕС по борьбе с нелегальной иммиграцией, систематизации и классификации законодательных актов Евросоюза в данной сфере, а также перспектив развития иммиграционного законодательства ЕС в свете обострения ситуации, связанной с ростом нелегальной иммиграции.

С использованием метода правового анализа автором предложена следующая система законодательства ЕС о борьбе с незаконной иммиграцией: нормы, направленные на предотвращение оказания содействия незаконной иммиграции; нормы, направленные на предотвращение трудоустройства нелегальных иммигрантов; нормы, регулирующие вопросы возвращения незаконных иммигрантов и реадмиссии; нормы, регулирующие отношения по охране внешних границ; нормы, касающиеся сотрудничества с третьими странами.

Подробно рассматривается текущая ситуация с незаконной иммиграцией в ЕС, которая уже получила название «крупнейший миграционный кризис в Европе».

Делается вывод о том, что ЕС разработал законодательство о борьбе с незаконной иммиграцией, которое отражает передовой опыт в данной сфере и может служить основой для рецепции другими странами.

Однако последние события ставят на повестку дня вопрос кардинальной реформы законодательства ЕС о борьбе с незаконной иммиграцией.

Ключевые слова: Европейский союз, незаконная иммиграция, внешняя граница ЕС, агентство «Фронтекс»

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 27.08.2015 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-4-4

© Войников В. В., 2015

В последние годы Европейский союз сталкивается с возрастающей угрозой безопасности своих внешних рубежей.

Согласно данным Агентства по управлению внешними границами («Фронтекс»), в 2014 г. зафиксировано 283 532 случая нелегального въезда на территорию ЕС, что составляет 164 % по сравнению с 2013 г. [1].

Европейская комиссия нелегальным иммигрантом признает гражданина третьей страны или лицо без гражданства, которое въехало на территорию государства — члена ЕС незаконно, либо лицо, въехавшее на территорию Евросоюза на законных основаниях, но оставшееся здесь после окончания установленного срока пребывания или изменившее цель своего пребывания без соответствующего разрешения властей принимающего государства [2].

Таким образом, исходя из указанного понимания определения «нелегальный иммигрант», можно выделить два вида нелегальных иммигрантов: незаконно въехавшие на территорию ЕС (*illegally entering*) и незаконно находящиеся на территории ЕС после истечении разрешенного срока пребывания (*illegally overstaying*).

Набор правовых инструментов для борьбы с каждой из указанных категорий нелегальной иммиграции может отличаться друг от друга. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены преимущественно вопросы, связанные с предотвращением *нелегального въезда* на территорию ЕС.

В зависимости от места пересечения незаконный въезд имеет две основные формы: вне пунктов пропуска через зеленую (по суше) или голубую (по морю) границу; через пункты пропуска с использованием поддельных документов, тайников и т. д. При этом наиболее распространенным видом незаконного пересечения границы является въезд вне пунктов пропуска.

В настоящее время, по данным Европейской комиссии, существуют три основных маршрута незаконного въезда иммигрантов: центральный средиземноморский путь (из стран Северной Африки через Средиземное море в Италию и Мальту); восточный средиземноморский путь (через Турцию в Грецию, Болгарию или Кипр); западный балканский путь (через Западно-Балканские страны в Венгрию) [3]. По информации агентства «Фронтекс», в 2014 г. на этих маршрутах было зафиксировано 93 % от всех незаконных пересечений границы в ЕС [1].

По характеру пересечения границы следует выделить два основных способа: незаконный въезд иммигранта (*illegal entering*) и незаконный ввоз иммигранта (*human smuggling*). В первом случае иммигрант самостоятельно (как правило, без посторонней помощи) незаконно пересекает границу. Ключевой признак указанного деяния — отсутствие посторонней помощи, непосредственно связанной с организацией незаконного пересечения границы. При этом иммигрант может использовать помощь третьих лиц для получения визы, изготовления поддельных документов, аренды транспорта и т. д. Однако эти действия не формируют состава такого правонарушения, как незаконное пересечение границы, а выступают самостоятельными правонарушениями либо вообще не являются наказуемыми деяниями [4].

Во втором случае имеет место незаконный ввоз иммигранта [5]. Отличительным признаком этого вида нелегальной иммиграции можно назвать то, что операция по незаконному въезду лица осуществляется не им самим, а организованной преступной группой, специализирующейся на указанном виде преступной деятельности. Нелегальный иммигрант фактически является пассивным участником процесса пересечения границы, выступая при этом либо в роли заказчика, либо в роли жертвы незаконного ввоза. В зависимости от обстоятельств, т. е. от характера отношения иммигранта к перемещению его через границу, незаконный ввоз можно разделить на два вида: незаконный ввоз, осуществляемый по просьбе или с согласия иммигранта, и незаконный ввоз без согласия и вопреки воле иммигранта, т. е. торговля людьми (*human trafficking*) [6].

Торговля людьми относится к наиболее опасным видам незаконной миграции, поскольку представляет собой в первую очередь преступление против личности, в связи с чем борьба с торговлей людьми выступает в качестве относительно самостоятельного направления политики ЕС. С учетом данного обстоятельства данная проблема вынесена за рамки настоящего исследования.

Формирование законодательства ЕС по борьбе с нелегальной иммиграцией началось в начале 2000-х гг. Пятнадцатого ноября 2001 г. Европейская комиссия подготовила Сообщение для Совета и Европейского парламента об общей политике в области нелегальной иммиграции [7], в соответствии с которым было определено шесть основных направлений борьбы с нелегальной иммиграцией: визовая политика, инфраструктура для обмена информацией; управление границами; полицейское сотрудничество; законодательство об иностранцах и уголовное право; возвращение нелегальных иммигрантов и реадмиссия. На основе указанного Сообщения в феврале 2002 г. был подготовлен проект плана действий по борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми [8], где содержался конкретный перечень мер по предотвращению нелегальной иммиграции.

В дальнейшем в Европейском союзе принимается ряд нормативно-правовых актов, преимущественно в форме директив, посредством которых был создан комплекс правовых инструментов, направленных на борьбу с различными аспектами нелегальной иммиграции.

Систему законодательства ЕС по борьбе с нелегальной иммиграцией можно представить в следующем виде.

1. Нормы, направленные на предотвращение оказания содействия незаконной иммиграции.

В рамках Европейского союза понятие «содействие нелегальной иммиграции» (*facilitation of illegal immigration*) приобрело самостоятельное правовое значение.

С целью более эффективного противодействия данному явлению в ноябре 2002 г. Совет ЕС принял два акта: Директиву № 2002/90/ЕС [9, p. 17—18], определяющую понятие «содействие в незаконном въезде, транзите и пребывании», и Рамочное решение № 2002/946/JHA

[10, p. 1—3] об усилении наказания за содействие в незаконном въезде, транзите и пребывании на территории ЕС. В соответствии с действующим на тот момент законодательством первый акт был принят в рамках первой опоры, а второй — в рамках третьей опоры.

Согласно Директиве №2002/90/ЕС было установлено, что субъектом оказания содействия в нелегальной иммиграции признается лицо, которое:

а) намеренно оказывает содействие другому лицу, не являющемуся гражданином государств — членов ЕС, в незаконном пересечении границы или транзите через территорию Евросоюза;

б) с целью получения финансовой выгоды оказывает содействие другому лицу, не являющемуся гражданином государств — членов ЕС, в проживании на территории Евросоюза в нарушение законодательства о пребывании иностранцев.

Рамочное решение №2002/946/JHA устанавливает для государств-членов общие требования к уголовной ответственности за деяния, названные в Директиве №2002/90/ЕС. Кроме того, в силу ст. 2 и 3 Рамочного решения государства — члены ЕС обязаны предусмотреть также ответственность юридических лиц за совершение указанных выше деяний.

Кроме того, в 2006 г. [11; 12] Европейский союз присоединился к Протоколу против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющему Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [5].

2. Нормы, направленные на предотвращение трудоустройства нелегальных иммигрантов.

Важным шагом в этом направлении стало принятие в 2009 г. Директивы №2009/52/ЕС о минимальных стандартах при установлении ответственности за трудоустройство нелегальных иммигрантов [13, p. 24—32].

Указанная директива направлена на сдерживание так называемого «притягивающего фактора» нелегальной иммиграции. Подавляющее большинство нелегальных иммигрантов въезжают на территорию ЕС с целью осуществления трудовой деятельности. Директива №2009/52/ЕС предусматривает запрет на трудоустройство незаконно находящихся на территории ЕС граждан третьих стран.

В части применения положений Директивы под незаконно находящимся иностранным гражданином понимается лицо, находящееся на территории государства — члена ЕС, которое не отвечает или более не отвечает условиям пребывания в этом государстве.

Таким образом, Директива исключает из сферы своего применения лиц, законно находящихся на территории ЕС, но осуществляет трудовую деятельность без получения необходимого разрешения.

Согласно Директиве в случае нарушения запрета на трудоустройство незаконно находящихся граждан третьих стран государства — члены ЕС обязаны предусмотреть определенную ответственность для работодателей. Директива предусматривает следующие виды такой ответственности:

а) финансовая ответственность, выражающаяся в обязанности работодателя возместить расходы, связанные с возвращением нелегального иммигранта на родину;

б) административная ответственность в виде временного или постоянного закрытия учреждения, отзыв лицензии;

в) уголовная ответственность при наличии квалифицирующих признаков; при этом к уголовной ответственности может привлекаться как физическое, так и юридическое лицо;

г) иные меры воздействия в виде ограничения на получение общественных благ, финансовой помощи, на участие в заключении государственных контрактов и т. д.

3. Нормы, регулирующие вопросы возвращения незаконных иммигрантов и процедуру реадмиссии.

Для реализации задач, предусмотренных Планом по возвращению нелегальных иммигрантов 2002 г., в 2008 г. Совет и Парламент ЕС приняли Директиву об общих стандартах и процедурах в государствах-членах для возвращения незаконно пребывающих на их территории граждан третьих стран (*Return Directive*) [14, p. 98—107].

Цель Директивы состояла в том, чтобы обеспечить более ясные, прозрачные и общие правила, касающиеся возвращения нелегалов, использования принудительных мер, временного лишения свободы и повторного возвращения. Для повышения эффективности возвращения нелегальных иммигрантов в рамках ЕС принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы оперативного и правового сотрудничества между государствами — членами Евросоюза. К указанным актам относятся: Директива об оказании содействия в депортации при осуществлении транзита авиатранспортом [15, p. 26—31], Решение об организации объединенных рейсов для депортации с территории двух и более государств-членов [16, p. 28—35], Решение Совета о взаимном признании решений о высылке иностранных граждан [17, p. 34—36].

Одним из направлений политики ЕС по возвращению нелегальных иммигрантов является реадмиссия. Она представляет собой основанное на международно-правовом договоре обязательство государства принимать обратно на свою территорию своих граждан или иностранных граждан, ранее находившихся или проживавших в этом государстве, которые подлежат депортации из другого государства. По информации Европейской комиссии, за период 2010—2012 гг. на территории ЕС было выполнено лишь около 36 % всех решений о выдворении (депортации) нелегальных иммигрантов [18]. Одной из основных причин такого низкого показателя стало отсутствие должного уровня взаимодействия со страной — донором иммиграции.

Именно по этой причине Европейский союз активно проводит политику, направленную на заключение с третьими странами соглашений о реадмиссии. В ноябре 1994 г. Совет принял Рекомендацию государствам — членам ЕС по заключению двухсторонних соглашений о реадмиссии [19, p. 20—24]. Однако после вступления в силу Амстердамского договора полномочия по заключению соглашений о реадмиссии были переданы на уровень Евросоюза.

По состоянию на май 2015 г. Европейский союз является стороной 17 соглашений о реадмиссии, среди его партнеров — государства Европы, Азии и Африки [20].

4. Нормы, регулирующие отношения по охране внешних границ.

В рамках ЕС функции охраны и контроля границы реализуются национальными пограничными службами. При этом законодательство, касающееся охраны границы, по-прежнему устанавливается государствами-членами на национальном уровне. Задача Евросоюза в данной области сводится к тому, чтобы государства-члены выполняли данную функцию эффективнее, в том числе посредством более тесного сотрудничества друг с другом. Одним из механизмов здесь стала Европейская система по наблюдению за внешними границами (*European border surveillance system*), или ЕВРОСУР (*EUROSUR*).

В октябре 2013 г. был принят Регламент Совета и Парламента, устанавливающий Европейскую систему по наблюдению за границами [21, p. 11—26]. ЕВРОСУР представляет собой механизм сотрудничества и обмена информацией, позволяющий государствам-членам осуществлять охрану границ, а Агентству по управлению внешними границами («Фронтекс») сотрудничать на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях. В работе данной системы принимают участие 18 государств — членов ЕС, имеющих внешнюю границу с третьими странами.

Основа ЕВРОСУРа представлена в виде сети национальных координационных центров (NCCs), основная роль которых сводится к согласованию деятельности по наблюдению за границами на национальном уровне. Национальные координационные центры собирают всю релевантную информацию о ситуации на границе и формируют ситуационный план. Далее этот план передается другим государствам-членам и агентству «Фронтекс», которое, в свою очередь, отвечает за подготовку европейского ситуационного плана и обеспечивает доступ к нему всех государств — членов ЕС.

По сути, данная система не создает никакую новую структуру управления внешними границами и не заменяет действующие системы, она ориентирована на упорядочение существующих национальных систем охраны границ с целью недопущения незаконного пересечения границы, борьбы с трансграничной преступностью и спасения жизни иммигрантов.

5. Нормы, касающиеся сотрудничества с третьими странами.

Сотрудничеству с третьими странами в вопросе предотвращения нелегальной иммиграции уделяется особое внимание. Необходимо отметить то, что такое взаимодействие носит многоотраслевой характер: от заключения международных соглашений до предоставления экономической помощи.

Одной из форм взаимодействия является создание сети офицеров связи по вопросам иммиграции. Основное ее назначение состоит в том, что офицеры, делегированные в третьи страны, должны способствовать осуществлению в ЕС мероприятий по борьбе с нелегальной иммиграцией.

Совет ЕС 19 февраля 2004 г. принял Регламент о создании сети офицеров связи по делам иммиграции [22, p. 1—4]. В силу этого Регламента каждое из государств — членов ЕС обязано направить в консульскую службу, расположенную в третьем государстве, своего офицера связи по делам иммиграции в целях установления и поддержания контактов с властями принимающей страны. В задачи офицера входит осуществление взаимодействия и обмен информацией с миграционными властями принимающей страны. Кроме того, офицеры связи сотрудничают с коллегами из других государств — членов ЕС, находящихся в том же третьем государстве, посредством формирования так называемой местной сети (*local network*).

Описанная система законодательства ЕС заложила основы для создания механизма, позволяющего противостоять традиционным угрозам безопасности в сфере нелегальной иммиграции.

Однако по мере формирования союзного законодательства о борьбе с нелегальной иммиграцией Европейский союз начал сталкиваться с новыми вызовами. С каждым годом отмечался не только рост численности нелегальных иммигрантов, но и расширение круга потенциальных угроз безопасности границ ЕС.

В 2015 г. иммиграционная ситуация в Европейском союзе существенно обострилась. Эксперты стали фиксировать значительное увеличение потока нелегальных иммигрантов по всем основным маршрутам. По оценкам ООН, за 5 месяцев 2015 г. Средиземное море уже пересекли около 60 тыс. иммигрантов [23]. Кроме того, возросло число жертв их незаконной транспортировки. По тем же данным, примерно каждый тридцатый иммигрант, пересекающий Средиземное море, погибает, не достигая берегов ЕС.

Для транспортировки иммигрантов через Средиземное море используются не приспособленные для дальнего плавания транспортные средства. Нередко лица, организующие транспортировку, при возникновении опасности оставляют судно, бросая пассажиров на произвол судьбы.

В апреле 2015 г. в Средиземном море произошла очередная трагедия, связанная с гибелью судна, перевозившего из Северной Африки в Европу несколько сотен нелегальных иммигрантов. В результате, по разным оценкам, погибли от 700 до 900 человек.

Новую угрозу представляет также опасность проникновения в ЕС членов экстремистских группировок, вербующих жителей Евросоюза для участия в региональных вооруженных конфликтах. По мнению ряда экспертов, боевики Исламского государства Ирака и Леванты (ИГИЛ) уже начали внедряться в поток мигрантов, направляющихся из Северной Африки и Ближнего Востока в Европу через Средиземное море [24]. Эта информация была подтверждена и специалистами Евроюста [25]. Увеличение числа террористических атак в странах Северной Африки, Ближнего Востока, а также ЕС доказывает приближение терроризма к границам ЕС.

В июле 2015 г. проблема незаконной миграции вновь дала о себе знать, однако теперь уже не на средиземноморском побережье, а на от-

носительно спокойном побережье пролива Ла-Манш. Вблизи французского города Кале большая группа иммигрантов попыталась штурмом взять грузовой терминал, обслуживающий железнодорожный тоннель под Ла-Маншем (Евротоннель) с целью нелегального въезда в Великобританию. Надо сказать, что проблема транспортировки иммигрантов из Франции в Британию не нова, и этот маршрут используется многие годы.

По данным французского издания «Ле Фигаро», в настоящее время имеется как минимум четыре способа нелегальной транспортировки иммигрантов через Евротоннель, стоимость которой варьируется от 500 до 10 тыс. евро в зависимости от объема предоставляемых «услуг» [26]. Однако именно сейчас, на фоне возрастающей угрозы роста нелегальной иммиграции, кризис в Кале обнажил новую проблему иммиграционной политики ЕС.

Указанные события заставили говорить еще об одном аспекте борьбы с нелегальной иммиграцией: помимо предотвращения въезда нелегалов в ЕС, необходимо вырабатывать механизмы по предотвращению их свободного перемещения внутри Евросоюза.

События в Кале стали логическим продолжением иммиграционного кризиса в Европейском союзе. Война и тяжелейшее экономическое положение в странах Северной Африки и Ближнего Востока заставляют жителей этих регионов перебираться в благополучную Европу, используя для этого весьма опасные способы [27]. В качестве ответа на рост числа нелегальных иммигрантов государства — члены ЕС приступили к укреплению своих южных рубежей: Венгрия, Болгария, Греция, Испания начали возведение стен на своих внешних границах.

Многие эксперты, анализирующие сложившуюся ситуацию, говорят о крупнейшем за всю историю иммиграционном кризисе в Европейском союзе [28]. Стало очевидно, что бороться с нелегальной иммиграцией прежними мерами не представляется возможным. Усугубляют ситуацию сразу несколько факторов.

1. Существенное увеличение числа незаконного и неконтролируемого въезда в ЕС.

2. Гибель иммигрантов.

3. Рост криминальной деятельности, связанной с незаконной перевозкой людей и рабством.

4. Проникновение в Европу экстремизма.

5. Существенное ухудшение политической и экономической ситуации в непосредственной близости от границ ЕС.

6. Дополнительное финансирование терроризма от организации незаконной транспортировки иммигрантов.

Очевидно, что проблема незаконной иммиграции приобрела для Европейского союза новый характер, поэтому 23 апреля 2015 г. состоялся внеочередной саммит Европейского совета [29], посвященный вопросам борьбы с незаконной иммиграцией.

Европейский совет обозначил четыре основных направления усиления борьбы с нелегальной иммиграцией: усиление присутствия на мо-

ре; противодействие любым формам оказания содействия незаконной иммиграции (борьба с контрабандой людьми); перекрытие потоков нелегальной иммиграции; усиление внутренней солидарности и ответственности государств — членов ЕС.

Европейская комиссия 13 мая 2015 г. подготовила сообщение под названием «Европейская повестка дня по миграции» (*European Agenda on Migration*) [30].

В нем обозначен ряд законодательных и организационных мер, которые должны способствовать более эффективной борьбе с нелегальной иммиграцией и условиями, способствующими ее росту. Указанные мероприятия условно поделены на две группы — первоочередные и осуществляемые в средне- и долгосрочной перспективе.

Среди первоочередных мер главная роль отводится проведению спасательных операций на море, а также отслеживанию и возможному уничтожению инфраструктуры контрабандистов, главным образом судов. Причем такие операции ЕС планирует осуществлять как в нейтральных водах, так и в территориальных водах стран Северной Африки (Ливии).

Такие меры сразу вызвали вопросы с точки зрения их соответствия нормам международного права. Очевидно, что затопление судов в международных водах возможно только при наличии соответствующего решения Совета Безопасности ООН. Кроме того, абсолютно непонятно, каким образом соответствующие службы стран ЕС планируют идентифицировать суда, используемые для транспортировки иммигрантов.

Представитель центрального правительства Ливии при ООН уже заявил о категорическом несогласии с подобными мерами [31]. Генеральный секретарь ООН также выразил озабоченность по поводу планов ЕС, связанных с уничтожением судов, используемых для перевозки мигрантов.

Европейская комиссия посчитала необходимым усилить сотрудничество со странами — донорами нелегальной иммиграции и оказать материально-техническое и организационное содействие приграничным странам — членам ЕС.

Среди законодательных мер Европейская комиссия предложила новую временную схему переселения (*resettlement*) и расселения (*relocation*) иностранных граждан, нуждающихся в защите. Переселение в данном контексте означает перемещение иностранных граждан, нуждающихся в международной защите, с территории третьей страны в страны ЕС. А под расселением имеется в виду распределение среди государств — членов ЕС иностранных граждан, нуждающихся в международной защите и уже прибывших на территорию Евросоюза.

Совет 20 июля 2015 г. выработал проект Резолюции, согласно которой государства — члены ЕС договорились утвердить временный механизм расселения из Италии и Греции 32 256 иностранных граждан, нуждающихся в международной защите. До конца 2015 г. должно быть принято решение о расселении еще 7 744 человек [32]. Расселение первого этапа должно осуществляться в соответствии с квотами, определенными в приложении к Резолюции. Самая большая квота — у Германии и Франции, соответственно 10 500 и 6752 человека.

Схема временного расселения основана на объективных критериях, отражающих способность государства — члена ЕС принять и интегрировать определенное число иммигрантов. Эти критерии состоят из четырех элементов, имеющих различный вес: численность населения государства (40 %); размер ВВП (40 %); среднее число заявок о предоставлении убежища (10 %); уровень безработицы (10 %).

Данный механизм расселения носит временный и экстраординарный характер. Это означает, что он подлежит применению одномоментно, в силу чрезвычайных обстоятельств. Однако впоследствии ЕС должен выработать постоянную схему расселения при возникновении аналогичных исключительных обстоятельств.

Дания и Великобритания в указанном механизме участие не принимают.

В соответствии со ст. 1 Протокола № 21 к Договору о функционировании ЕС [33, p. 295] о позиции Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в отношении инициативы «Пространство свободы, безопасности и правосудия» они не участвуют в принятии решений в рамках этой инициативы (включая вопросы миграции). Однако в силу указанного протокола данные государства могут принять участие в тех или иных механизмах на добровольной основе. Аналогичная позиция (с некоторыми особенностями) зафиксирована в отношении Королевства Дании в соответствии с Протоколом № 22 к Договору о функционировании ЕС. В силу названных положений Великобритания и Дания приняли решение не участвовать во временном механизме расселения иммигрантов. В то же время Ирландия в соответствии со ст. 3 Протокола № 21 к Договору о функционировании ЕС изъявила желание участвовать в принятии данного решения.

Кроме того, Совет одобрил решение о переселении из третьих стран лиц, нуждающихся в международной защите, в государства Евросоюза. Всего предполагается переселить 22 504 человека во все страны — члены ЕС (включая Великобританию, Ирландию и Данию), а также в Швейцарию, Исландию, Норвегию и Лихтенштейн. Наибольшее число потенциальных беженцев предполагается переселить в Норвегию (3 500 человек).

Резолюция от 20 июля 2015 г. носит предварительный характер, юридическое оформление посредством принятия соответствующих решений Совета намечено на осень 2015 г.

Кроме рассмотренных выше первоочередных мер Европейский союз в среднесрочной и долгосрочной перспективе планирует расширить предоставление финансовой поддержки государствам — членам ЕС, а также третьим странам; кроме того, предусматривается дальнейшее совершенствование законодательства о предоставлении убежища и о борьбе с нелегальной иммиграцией. Особая роль отводится усилению сотрудничества с третьими странами, являющимися донорами нелегальной иммиграции. Эти вопросы предполагается обсудить в ходе саммита в Валлетте (Мальта), который пройдет 11—12 ноября 2015 г. с участием лидеров ЕС и африканских стран. В рамках саммита планиру-

ется рассмотреть вопросы усиления взаимодействия с целью нейтрализации причин нелегальной иммиграции, а также борьбы с незаконным ввозом иммигранта и торговлей людьми.

Подводя итог настоящему исследованию, можно сделать вывод о том, что за минувшие полтора десятилетия Европейскому союзу удалось разработать и ввести в действие правовые инструменты, позволяющие эффективно противодействовать традиционным вызовам безопасности в области незаконной иммиграции и торговли людьми. Описанная система законодательства отражает передовой опыт по борьбе с нелегальной иммиграцией и может служить основой для ее рецепции другими странами.

Вместе с тем недальновидная политика ряда стран ЕС в регионе Северной Африки и Ближнего Востока, связанная со свержением неугодных режимов, привела к появлению новых вызов, с которыми Европейский союз не в состоянии бороться традиционными средствами. В связи с этим в настоящее время на повестке дня стоит вопрос о кардинальном изменении спектра правовых средств борьбы с незаконной иммиграцией, эффективность которых может быть апробирована в самое ближайшее время.

Список литературы

1. *Frontex* Annual Risk Analysis 2015. URL: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2015.pdf (дата обращения: 09.06.2015).

2. *Communication* from the Commission on Policy priorities in the fight against illegal immigration of third-country nationals, Brussels, 19.7.2006, COM(2006) 402 final. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/site/en/com/2006/com2006_0402en01.pdf (дата обращения: 10.05.2015).

3. *Report* from the Commission to the European Parliament and the Council Fifth bi-annual report on the functioning of the Schengen area 1 November 2013—30 April 2014. Brussels, 26.5.2014 COM(2014) 292 final. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/borders-and-visas/schengen/docs/fifth_biannual_report_on_the_functioning_of_the_schengen_area_en.pdf (дата обращения: 11.06.2015).

4. *Войников В. В.* Правовое регулирование Европейского пространства свободы, безопасности и правосудия : монография. Калининград, 2013.

5. *Протокол* против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml (дата обращения: 25.08.2015).

6. *Потемкина О. Ю.* Иммиграционная политика Европейского союза: проблемы и перспективы. М., 2010.

7. *Communication* from the Commission to the Council and European Parliament on a common policy on illegal immigration [COM(2001) 672 final. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.
do?uri=COM:2001:0672:FIN:EN:PDF, (25.08.2015)

8. *Proposal* for a comprehensive plan to combat illegal immigration and trafficking of human beings in the European Union // Official Journal C 142. 2002. 14.06.

9. *Council* Directive 2002/90/EC of 28 November 2002 defining the facilitation of unauthorised entry, transit and residence // Official Journal L 328. 2002. 05.12. P. 17—18.

10. *2002/946/JHA:* Council framework Decision of 28 November 2002 on the strengthening of the penal framework to prevent the facilitation of unauthorised entry, transit and residence // Official Journal L 328. 2002. 05.12. P. 1—3.

11. *2006/616/EC:* Council Decision of 24 July 2006 on the conclusion, on behalf of the European Community, of the Protocol Against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organised Crime concerning the provisions of the Protocol, in so far as the provisions of this Protocol fall within the scope of Articles 179 and 181a of the Treaty establishing the European Community // Official Journal L 262. 2006. 22.09. P. 24—33.

12. *2006/617/EC:* Council Decision of 24 July 2006 on the conclusion, on behalf of the European Community, of the Protocol Against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organised Crime concerning the provisions of the Protocol, in so far as the provisions of the Protocol fall within the scope of Part III, Title IV of the Treaty establishing the European Community // Official Journal L 262. 2006. 22.09. P. 34—43.

13. *Directive* 2009/52/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 providing for minimum standards on sanctions and measures against employers of illegally staying third-country nationals // Official Journal L 168. 2009. 30.06. P. 24—32.

14. *Directive* 2008/115/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2008 on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals // Official Journal L 348. 2008. 24.12. P. 0098—0107.

15. *Council* Directive 2003/110/EC of 25 November 2003 on assistance in cases of transit for the purposes of removal by air // Official Journal L 321. 2003. 06.12. P. 26—31.

16. *2004/573/EC:* Council Decision of 29 April 2004 on the organisation of joint flights for removals from the territory of two or more Member States, of third-country nationals who are subjects of individual removal orders // Official Journal L 261. 2004. 06.08. P. 28—35.

17. *Council* Directive 2001/40/EC of 28 May 2001 on the mutual recognition of decisions on the expulsion of third country nationals // Official Journal L 149. 2001. 02.06. P. 34—36.

18. *Communication* from the Commission to the Council and the European Parliament on on EU Return Policy. COM/2014/0199 final URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52014DC0199 (дата обращения: 20.08.2015).

19. *Council* Recommendation of 30 November 1994 concerning a specimen bilateral readmission agreement between a Member State and a third country // Official Journal C 274. 1996. 19.09. P. 20—24.

20. *Return* & readmission. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/irregular-migration-return-policy/return-readmission/index_en.htm (дата обращения: 10.08.2015).

21. *Regulation* (EU) No 1052/2013 of the European Parliament and of the Council of 22 October 2013 establishing the European Border Surveillance System (Eurosur) // Official Journal L 295. 2013. 06.11. P. 11—26

22. *Council* Regulation (EC) No 377/2004 of 19 February 2004 on the creation of an immigration liaison officers network // Official Journal L 064. 2004. 02.03. P. 0001—0004.

23. *У берегов* Сицилии спасены более 740 мигрантов. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2015/05/150529_rn_mediterranean_migrants (дата обращения: 29.05.2015).

24. *Террор* в Европе: опасны ли мигранты Средиземного моря? // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/02/150224_migrants_sea_terror_europe_is (дата обращения: 10.07.2015).

25. *ISIS* terrorists are arriving in Europe hidden among migrants crossing the Mediterranean on boats, warns EU's top prosecutor. URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3151326/ISIS-terrorists-arriving-Europe-hidden-migrants-crossing-Mediterranean-boats-warns-EU-s-prosecutor.html#ixzz3joky50lG (дата обращения: 10.08.2015).

26. *Pour* les migrants, le prix de la traversée à Calais varie en fonction du risque encouru. URL: http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2015/08/18/20002-20150818ARTFIG00119-pour-les-migrants-le-prix-de-la-traversee-a-calais-varie-en-fonction-du-risque-encouru. php (дата обращения: 18.08.2015).

27. *Войников В.* Кризис в Кале: проблемы незаконного пересечения французско-британской границы. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6476#top-content (дата обращения: 20.08.2015).

28. *Soeren* Kern Europe's Great Migration Crisis. July 12, 2015. URL: http://www.gatestoneinstitute.org/6146/europe-migration (дата обращения: 21.08.2015).

29. *Special* meeting of the European Council, 23 April 2015 — statement. URL: http://www. consilium. europa. eu/en/press/press-releases/2015/04/23-special-euco-statement/ (дата обращения: 11.06.2015).

30. *Communication* from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. European Agenda on Migration. Brussels, 13.5.2015. COM(2015) 240 final. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf (дата обращения: 10.06.2015).

31. *Ливия* против идеи ЕС о спецоперации против судов с мигрантами. URL: http://ria.ru/world/20150511/1063862485.html (дата обращения: 01.07.2015).

32. *Outcome* of the Council Meeting 3405th Council meeting Justice and Home Affairs Brussels, 20 July 2015. URL: http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/jha/2015/07/20/ (дата обращения: 10.08.2015).

33. *Consolidated* version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal C 326. 2012. 26.10. P. 47—390.

Об авторе

Вадим Валентинович Войников, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: voinicov@yandex.ru

LEGAL ASPECTS OF EU POLICY ON IRREGULAR IMMIGRATION

V. Voinikov*

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia.

Submitted on August 27, 2015

This article addresses the issues pertaining to the adoption and development of legislation on irregular migration in the context of uncontrolled growth in the number of immigrants from North Africa and the Middle East to the EU. The article attempts at studying the EU legislation on irregular migration, classifying it, and analysing the prospects of EU migration legislation in the light of an increase in irregular immigration into the EU.

The author systematises, classifies the current EU legislation on irregular immigration, and analyses the conditions, in which this legislation was developed. Using the legislation analysis method, the author proposes the following system of EU legislation on irregular immigration: rules preventing assistance to irregular immigration, rules preventing employment of irregular immigrants, rules on the return of irregular migrants and readmission, rules on border control, and rules on collaboration with third countries. The author pays special attention to analysing the current state of irregular immigration to the EU, which was dubbed the 'greatest migration crisis in Europe'. The conclusion is that the European Union succeeded in the development of pioneering legislation on irregular immigration, which can serve as the basis for reception by other states. However, changes in the political and economic situation in the EU's southern borderlands made the current legal mechanisms incapable of withstanding new threats. It necessitates a radical reform of the legislation on irregular immigration.

Key words: European Union, irregular immigration, external EU border, Frontex

References

1. Frontex Annual Risk Analysis 2015, 2015, available: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2015.pdf (accessed 09.06.2015).

2. Communication from the Commission on Policy priorities in the fight against illegal immigration of third-country nationals, Brussels, 19.7.2006, 2006, *COM*, no. 402 final, available: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/site/en/com/2006/com2006_0402en01.pdf (accessed 10.05.2015).

3. REPORT FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL Fifth bi-annual report on the functioning of the Schengen area 1 November 2013 - 30 April 2014. Brussels, 26.5.2014, 2014, *COM*, no. 292 final, available at: //http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/borders-and-visas/schengen/docs/fifth_biannual_report_on_the_functioning_of_the_schengen_area_en.pdf (accessed 11.06.2015).

4. Voinikov, V.V. 2013, *Pravovoe regulirovanie Evropejskogo prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija* [Legal regulation of the European area of freedom, security and justice], Kaliningrad, 397 p.

5. *Protokol protiv nezakonnogo vvoza migrantov po sushe, morju i vozduhu, dopolnjajushhij Konvenciju Organizacii Obedinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti, prinjat rezoljuciej 55/25 General'noj Assamblei ot 15 nojabrja 2000 goda* [The Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime, adopted by General Assembly resolution 55/25 of 15 November 2000], 2000, available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml (accessed 25.08.2015).

6. Potemkina, O.Yu. 2010, *Immigracionnaja politika Evropejskogo Sojuza: problemy i perspektivy* [The migration policy of the European Union: Challenges and Prospects], Moscow, p. 38.

7. Communication from the Commission to the Council and European Parliament on a common policy on illegal immigration, 2001, *COM*, no. 672 final, available at: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0672:FIN:EN:PDF, (accessed 25.08.2015).

8. Proposal for a comprehensive plan to combat illegal immigration and trafficking of human beings in the European Union, 2002, *Official Journal C,* no. 142, 14.06.2002.

9. Council Directive 2002/90/EC of 28 November 2002 defining the facilitation of unauthorised entry, transit and residence, 2002, *Official Journal L,* no. 328, 5.12.2002, p. 17–18.

10. 2002/946/JHA: Council framework Decision of 28 November 2002 on the strengthening of the penal framework to prevent the facilitation of unauthorised entry, transit and residence, 2002, *Official Journal L,* no. 328, 5.12.2002, p. 1–3.

11. 2006/616/EC: Council Decision of 24 July 2006 on the conclusion, on behalf of the European Community, of the Protocol Against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organised Crime concerning the provisions of the Protocol, in so far as the provisions of this Protocol fall within the scope of Articles 179 and 181a of the Treaty establishing the European Community, 2006*, Official Journal L*, no. 262, 22.9.2006, p. 24–33.

12. 2006/617/EC: Council Decision of 24 July 2006 on the conclusion, on behalf of the European Community, of the Protocol Against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organised Crime concerning the provisions of the Protocol, in so far as the provisions of the Protocol fall within the scope of Part III, Title IV of the Treaty establishing the European Community, 2006*, Official Journal L*, no. 262, 22.9.2006, p. 34–43.

13. Directive 2009/52/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 providing for minimum standards on sanctions and measures against employers of illegally staying third-country nationals, 2009*, Official Journal L,* no. 168, 30.6.2009, p. 24–32.

14. Directive 2008/115/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2008 on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals, 2008m *Official Journal L,* 348, 24.12.2008, p. 98 – 107.

15. Council Directive 2003/110/EC of 25 November 2003 on assistance in cases of transit for the purposes of removal by air, 2003, *Official Journal L*, no. 321, 6.12.2003, p. 26–31

16. 2004/573/EC: Council Decision of 29 April 2004 on the organisation of joint flights for removals from the territory of two or more Member States, of third-country nationals who are subjects of individual removal orders, 2004, Official Journal L, no. 261, 6.8.2004, p. 28–35.

17. Council Directive 2001/40/EC of 28 May 2001 on the mutual recognition of decisions on the expulsion of third country nationals, 2001, *Official Journal L*, no. *149,* 2.6.2001, p. 34–36.

18. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on on EU Return Policy, 2014, COM, no. 0199 final, available at: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52014DC0199 (accessed 10.08.2015).

19. Council Recommendation of 30 November 1994 concerning a specimen bilateral readmission agreement between a Member State and a third country, 1996, *Official Journal C*, no. 274, 19.9.1996, p. 20–24

20. Return & readmission, *European Commission*, 2015, available at: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/irregular-migration-return-policy/return-readmission/index_en.htm (accessed 10.08.2015).

21. Regulation (EU) No 1052/2013 of the European Parliament and of the Council of 22 October 2013 establishing the European Border Surveillance System (Eurosur), 2013, *Official Journal L*, no. 295, 6.11.2013, p. 11–26

22. Council Regulation (EC) No 377/2004 of 19 February 2004 on the creation of an immigration liaison officers network, 2004, *Official Journal L*, no. 064 , 02.03.2004, p. 0001 – 0004.

23. U beregov Sicilii spaseny bolee 740 migrantov [Off the coast of Sicily rescued more than 740 migrants], 2015, *BBC*, available at: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2015/05/150529_rn_mediterranean_migrants (accessed 29.05.2015).

24. Terror v Evrope: opasny li migranty Sredizemnogo morja? [Terrorism in Europe: whether workers are dangerous Mediterranean Sea?], 2015, *BBC*, available at: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/02/150224_migrants_sea_terror_europe_is (accessed10.07.2015).

25. Newton, J. 2015, ISIS terrorists are arriving in Europe hidden among migrants crossing the Mediterranean on boats, warns EU's top prosecutor, *Dailymail*, available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3151326/ISIS-terrorists-arriving-Europe-hidden-migrants-crossing-Mediterranean-boats-warns-EU-s-prosecutor.html#ixzz3joky50lG (accessed 10.08.2015).

26. Candau, A. 2015, Pour les migrants, le prix de la traversée à Calais varie en fonction du risque encouru, *Le Figaro,* available at: http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2015/08/18/20002-20150818ARTFIG00119-pour-les-migrants-le-prix-de-la-traversee-a-calais-varie-en-fonction-du-risque-encouru.php (accessed 18.08.2015).

27. Voinikov, V. Krizis v Kale: problemy nezakonnogo peresechenija francuzsko-britanskoj granicy [The crisis in Calais: the problem of illegal crossing the French-British border], *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)* [Russian Council on International Affairs], available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6476#top-content (accessed 20.08.2015).

28. *Soeren Kern*. 2015, Europe's Great Migration Crisis, *Gatestone Institute*, July 12, available at: http://www.gatestoneinstitute.org/6146/europe-migration (accessed 20.08.2015).

29. Special meeting of the European Council, 2015, 23 April 2015 – statement, *European Council – Council of the European Union*, available at: http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/04/23-special-euco-statement/ (accessed 11.06.2015).

30. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. European Agenda on Migration. Brussels, 2015, 13 May, *COM*, no. 240 final, available at: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf (accessed 10.06.2015).

31. Livija protiv idei ES o specoperacii protiv sudov s migrantami [Libya against the idea of the EU's special operation against the ship with migrants], 2015, *RIA Novosti* [RIA News], available at: http://ria.ru/world/20150511/1063862485.html (accessed 01.07.2015).

32. OUTCOME OF THE COUNCIL MEETING, 2015, *Justice and Home Affairs Brussels*, 3405th Council meeting, 20 July 2015, available at: http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/jha/2015/07/20/ (accessed 10.08.2015).

33. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union, 2012, *Official Journal C*, no. 326, 26.10.2012, p. 47–390.

About the author

Dr Vadim Voinikov, Associate Professor, the Department of International and European Law, IKBFU, Russia.

E-mail: voinicov@yandex.ru

УДК 327, 327.8

СУЩНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ «НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Е.В. Саворская*

Традиционно, исследуя внешнюю политику того или иного государства, специалисты фокусируют свое внимание на международной обстановке и национальных интересах сторон, однако подобный подход не в полной мере соответствует задачам изучения внешней политики Европейского союза, который является примером уникальной в своем роде интеграции государств. Одним из современных подходов, стремящихся описать природу ЕС как актора мировой политики, выступает концепция «нормативной силы» Европейского союза, согласно которой «сила» ЕС заключается в способности изменять представления международного сообщества о «норме». Именно описанию особенностей концепции «нормативной силы» Европейского союза и посвящена настоящая статья. Принимая во внимание, что идея нормативности внешней (а в определенной степени и внутренней) политики ЕС — во многом «продукт» своего времени, автор описывает исторические предпосылки ее возникновения. Рассматриваются три подхода к пониманию данной концепции, анализируется соотношение понятий «нормативной» и «мягкой силы», а также сокрытые в данном подходе противоречия. В заключение определяются перспективы развития исследований, основанных на концепции «нормативной силы» Европейского союза.

Ключевые слова: внешняя политика Европейского союза, Европейский союз, «нормативная сила»

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 05.08.2015 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-4-5

© Саворская Е.В., 2015

Вот уже более десяти лет заметная часть европейских исследований посвящена изучению роли Европейского союза на международной арене. При оценке степени и способов воздействия ЕС на мировую политику необходимо учитывать его струк-

турные и концептуальные особенности, которые разительно отличают Евросоюз от классических государств вестфальского типа. Несмотря на расширение круга его возможностей и компетенций, ЕС остается объединением государств, добровольно передавших часть своего суверенитета на наднациональный уровень. Вступление в силу Лиссабонского договора не решило проблему единства и согласованности во внешней политике Европейского союза: увеличение числа задействованных в определении внешнеполитического курса акторов лишь усложнило переговорный процесс, и теперь требуется согласование позиции не только между государствами-членами и наднациональными институтами, но и между последними. Это обстоятельство продолжает накладывать ограничения на возможности Европейского союза в части внешней проекции своей «силы». Кроме того, учитывая сложности, с которыми Европейский союз сталкивается при пересмотре основополагающих договоров (и ярчайший пример здесь — провал переговоров о Евроконституции), весьма маловероятно, что в ближайшем будущем ЕС обретет достаточную степень институционального оформления и политической воли, чтобы оперировать наиболее радикальными инструментами «жесткой силы».

В этой связи возникает закономерный вопрос: коль скоро Европейский союз ограничен в выборе инструментов воздействия на мировую политику, каков характер «силы» ЕС?

Настоящая статья сфокусирована на изучении подходов к определению «силы» Европейского союза, при этом особое внимание уделяется концепции «нормативной силы» ЕС и ее критическому анализу. Для этого рассмотрены исторические предпосылки возникновения идеи о «нормативной силе» Европейского союза, приведены три подхода к ее пониманию, соотношение «нормативной силы» с иными формами «силы» и проанализированы основные противоречия, скрытые в данной концепции.

* * *

Зарубежными авторами было разработано множество терминов, призванных отразить особенности ЕС как международного актора и описать его «силу», как, например, концепции «гражданской силы» (civilian power) [16; 36], ***«нормативной силы» (normative power)*** [14; 22; 24], «тихой сверхдержавы» (quiet superpower) [30; 31], «мягкого империалиста» (soft imperialist) [20], «торговой силы» (trade power) [29], «ответственной силы» (responsible power) [6], «реалистической силы» (realist power) [39], «этической силы» (ethical power) [7], «прагматичной силы» (pragmatic power) [38], «рыночной силы» (market power) [13] и др. Характерной чертой всех этих концепций является представление о целостности Европейского союза как актора, но с некоторыми допущениями. Примечательно также, что большинство из этих исследований представляют собой скорее гипотезы и приглашение к обсуждению роли ЕС на международной арене, что говорит о стремлении определить

место Евросоюза в современной мирополитической системе, одновременно подчеркнув его уникальность.

Пожалуй, наиболее популярной из указанных идей можно назвать концепцию «нормативной силы» ЕС, согласно которой Европейский союз стремится оказывать влияние на представления иных международных акторов (прежде всего — государств) относительно ценностей и норм поведения как на международной арене, так и во внутренней политике. Именно эта концепция вызвала большое оживление в академических кругах и привела, как выразился Кристофер Бикертон, к целой веренице «прилагательных префиксов», описывающих природу ЕС [10, p. 4].

Необходимо понимать, что, как и многие иные политические концепции, концепция «нормативной силы» ЕС является продуктом реалий своего времени, а потому предлагаем остановиться на концепциях, ей предшествовавших, кратко описав условия, в которых они были сформированы.

В начале 1970-х гг., в период разрядки международной напряженности возникают первые дискуссии относительно потенциальной роли Европейского сообщества. Наиболее заметный вклад в обсуждение был внесен Франсуа Дюшеном, который сформулировал понятие «гражданской силы» Европы. Согласно этой концепции, Европейское сообщество стремится использовать не военные, а гражданские способы влияния на другие государства. При этом сама политика, базирующаяся на принципах коллективного действия и ответственности, общего социального равенства, толерантности и справедливости, направлена не только на конкретные цели, но в первую очередь на формирование благоприятной международной среды [17, p. 19—20]. Такое новое прочтение «силы» считалось в тот период весьма прогрессивным. В то же время было очевидно, что мировая политика тогда формировалась исходя из взаимоотношений двух сверхдержав, а потому ЕС не мог претендовать на то, чтобы стать ролевой моделью для других государств в краткосрочной перспективе.

Обострение отношений между СССР и США в 1980-е гг. привнесло свои коррективы в развитие идеи привлекательности «гражданской силы», на первый план вновь вышел политический реализм с его трактовкой «силы» государства. Согласно мнению австралийского реалиста Хедли Булла, концепция «гражданской силы» Европы содержала «противоречие терминов»: «прогрессивное мышление» 1970-х гг. базировалось на слабом фундаменте, так как «сила», которой обладало Европейское сообщество, основывалась на военной мощи государств-членов, а не самого Сообщества. Булл также полагал, что Европе следует в меньшей степени полагаться на поддержку США и стать более самодостаточной в вопросах обороны и безопасности [11, p. 150—153]. Впоследствии тренд на укрепление военной составляющей «силы» Европейского союза был оформлен Европейской политикой безопасности и обороны (ЕПБО) в 1999 г.

Распад Советского Союза и окончание холодной войны открыли новый этап развития дискуссии относительно регионального и гло-

бального статуса Европейского союза. Набиравший обороты процесс глобализации, помимо вопросов войны и мира, выдвинул на передний план в международной повестке дня такие проблемы, как соблюдение прав человека, экономическое равенство, продвижение демократии, гуманитарные интервенции, глобальные изменения климата и др. Все эти изменения позволили ЕС определить основные векторы собственной внешней политики, опираясь на международные этические нормы, заложенные в уставе Организации Объединенных Наций[1], и выстраивать ее сообразно целям поддержания демократических ценностей, защиты прав человека и «хорошего управления» (good governance) на глобальном уровне. С этого периода в европейских исследованиях начинает преобладать идея нормативности «силы» Европейского союза.

В 2002 г., в ответ на критику концепции «гражданской силы» Франсуа Дюшена австралийским реалистом Хедли Буллом датский политолог Иан Маннерс предлагает академическим кругам концепцию «нормативной силы», согласно которой «сила» Европейского союза заключается в «способности формировать представления о “норме” в международных отношениях» [22, p. 239]. И. Маннерс утверждал, что изменения, произошедшие с глобальной политикой с 1990-х гг., требуют пересмотра понятий «гражданской» и «военной силы», поскольку разделяемые этими понятиями базовые положения утратили актуальность с окончанием холодной войны [22, p. 236—238]. Таким образом, в основе сформулированной в русле либерально-идеалистической парадигмы концепции «нормативной силы» лежит отказ от тоталитаристских и государственно-центристских взглядов традиционных подходов, а значит, «сила» ЕС не может быть сведена к экономическим или военным ее составляющим, поскольку выражается через «идеи, мнения и совесть» [14, p. 175].

В то же время и это концептуальное направление не лишено определенных недостатков. В частности, центральным для концепции «нормативной силы» является тезис о «силе» идей, при этом их привлекательность рассматривается вне привязки к материальным стимулам. В этом и заключается сущностное отличие «нормативной силы» от ее предшественника — «гражданской силы», которая подразумевала взаимосвязь между материальными и нематериальными источниками «силы». И хотя такого допущения не было в первой статье, представившей концепцию, в более поздней работе 2009 г. И. Маннерс пишет о том, что на практике «нормативная сила» часто используется совместно с материальными стимулами или физическим принуждением [27]. Это обстоятельство ставит под вопрос внутреннюю согласованность и самобытность всей концепции.

Кроме того, среди исследователей не наблюдалось согласия относительно того, каким образом необходимо рассматривать «нормативную силу». В 2011 г. И. Маннерс систематизирует свое видение «норматив-

[1] Впоследствии, базируясь на этом положении, Лисбет Аггестам охарактеризовала Европейский союз на этом этапе развития как «этическую силу» [7].

ной силы» и выделяет три подхода к ее пониманию: с точки зрения нормативного подхода к международным отношениям (normative international theory), как формы «силы» актора и, наконец, как характеристики актора с точки зрения его международной идентичности [28]. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Первый подход подразумевает понимание того, что есть нормативный подход к международным отношениям. Согласно мнению американского политолога Молли Кокран, все теории международных отношений базируются на нормативном подходе в том смысле, что любой исследователь, даже придерживающийся позитивистского подхода и стремящийся проводить свое исследование при помощи методов, наиболее приближенных к естественно-научным, не может избежать нормативных предположений относительно того, почему его исследование имеет научную значимость, или какие данные наиболее важны для его работы, или как их интерпретировать [12, p. 1]. Рассмотрение «нормативной силы» Европейского союза с точки зрения нормативного подхода к международным отношениям, согласно мнению И. Маннерса, требует внимания к подобного рода предположениям; иными словами, необходимо учитывать, каким образом исследователь оценивает и оправдывает эти нормативные предположения, а также критически к ним относиться [28, p. 228]. И. Маннерс подчеркивает: чтобы наиболее полно раскрыть то, «чем Европейский союз является, что он делает и должен делать на международной арене», необходим более широкий и подходящий для современных условий подход, отвергающий «бездумный и некритический анализ», но стремящийся к «анализу и критической оценке нормативной силы ЕС в мировой политике» [25, p. 45—46].

Второй подход, выделенный И. Маннерсом, предлагает рассматривать «нормативную силу» в качестве особой формы «силы» актора мировой политики, при этом необходимо принимать во внимание, что в своем идеальном типе она не проявляется через материальные стимулы или физическое принуждение, но выражается в способности применять принцип нормативной оправданности действий (normative justification). Как отмечает И. Маннерс, данная форма «силы» близка по своим характеристикам к социальной «власти» (social power), для которой «власть» над кем-либо вторична по сравнению с *возможностью* воздействовать на поведение индивидов. Это отражается в такой ключевой характеристике «нормативной силы», как способности актора формулировать и применять нормативные принципы на международной арене в «нормативно устойчивой» (normatively sustainable) форме, т. е. нормативно объяснимой и оправданной для прочих акторов и устойчивой для будущих поколений [28, p. 230].

Третий подход основывается на понимании «нормативной силы» как характеристики актора мировой политики с точки зрения его международной идентичности. Иными словами, как отмечает И. Маннерс, речь идет о том, насколько каждый отдельно взятый актор мировой политики приблизился к «идеальному типу нормативной державы». Предполагается, что актор такого рода будет использовать идею о

«нормативной оправданности» действий для того, чтобы привить международному сообществу идею о том, что более справедливый и космополитный мир является «нормой», к которой необходимо стремиться [28, p. 232]. Этот тезис исключительно важен для концепции «нормативной силы», поскольку любое сильное государство способно оказывать влияние на представление о «нормальном» в международных отношениях, однако, если при этом государство не исходит из принципа «нормативной устойчивости», оно не может считаться «нормативной державой», так как применяет имперский подход, выстраивая свои взаимоотношения с внешним миром.

Несколько спорным и одновременно малоизученным аспектом концепции «нормативной силы» можно назвать вопрос о том, как «нормативная сила» соотносится с другими видами «силы», в первую очередь с введенной в научный оборот в начале 1990-х гг. американским ученым Джосефом Наем «мягкой силой», которую он противопоставил «жесткой» [32]. Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» — «способность влиять на других посредством сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов» [33, p. 20—21][2]. Интересное видение концепции «силы» Дж. Ная представлено в работе Николая Юдина, который, исходя из контекстно-ориентированного подхода, предлагает рассматривать «мягкую силу» в качестве «особой формы взаимодействия, отличительной чертой которой становится направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путем косвенного, неявного воздействия на объект. Использование “мягкой силы” направлено на “санацию” окружающего государства пространства — минимизацию рисков появления непосредственных вызовов, масштабных угроз, требующих более затратного реагирования, применения “жесткой силы”» [5, с. 101]. В этом смысле может показаться, что по своей сути «нормативная сила» близка к «мягкой», однако, согласно убеждениям И. Маннерса и Т. Диеза, это не совсем так. Они отмечают, что «мягкая сила» является эмпирической концепцией, т. е. она — внешнеполитический инструмент, который может быть использован в том числе и для негативных целей. «Нормативная сила», напротив, представляет собой исключительно теоретическую концепцию, требующую понимания процессов социальной диффузии и нормативных практик, и не выступает внешнеполитическим инструментом, направленным на соблюдение национальных интересов [14, p. 179].

Этот тезис вызывает ряд вопросов. Коль скоро «нормативная сила» не является внешнеполитическим инструментом, распространение норм осуществляется иными методами, включая и «перенос» норм в процессе торговли, оказания финансовой и технической помощи или

[2] Здесь необходимо отметить, что концепция «мягкой» силы вызывает массу споров среди ученых-международников, поскольку содержит в себе ряд противоречий. Весьма подробно они рассмотрены в работе Н. В. Юдина «Жесткий взгляд на “мягкую силу”: критический анализ монографии Дж. Ная “Будущее власти”» [4].

посредством санкционной политики в отношении третьих стран [22, p. 245], а следовательно, не исключены ситуации, при которых негативные последствия для третьих сторон от применения экономических санкций не рассматриваются в качестве моральной преграды на пути достижения конечной цели — «привития» нужных норм поведения. Не вполне ясно, каким образом это соотносится с принципом «нормативной устойчивости» и где находится грань между «нормативной силой» и имперским подходом. Вызывает сомнения и тезис о том, что «нормативная сила» не направлена на соблюдение национальных интересов. Национальные интересы государства нельзя рассматривать в отрыве от ценностей и норм, поскольку, как отмечают Е. Б. Павлова и Т. А. Романова, «осознание интереса также исходит исключительно из мироощущения актора и его ценностей в конкретный момент» [2]. Таким образом, весьма опрометчиво отрицать наличие рациональной составляющей «нормативной силы».

Кроме того, по мнению И. Маннерса, термин «мягкая сила» был использован Дж. Наем в основном для описания внешней политики США, которая подразумевала комбинирование механизмов «мягкой» и «жесткой силы», что делает его не вполне пригодными для изучения Европейского союза [14, p. 179]. С исторической точки зрения дополнительным стимулом к популяризации концепции «нормативной силы» Европейского союза в научных и политических кругах стала односторонняя внешняя политика США при администрации Джорджа Буша после событий 11 сентября 2001 г. Европейский союз, в отличие от США, которые были склонны к применению военной силы, стремился использовать дипломатические средства при решении внешнеполитических споров, чем, по мнению сторонников данного подхода, заработал себе репутацию актора, уважающего нормы международного права. Таким образом, представления о «нормативной силе» Европейского союза были выстроены на противопоставлении ЕС как США, так и остальным акторам мировой политики. Согласно воззрениям сторонников концепции «нормативной силы», классические государства Вестфальского типа участвуют в процессе материальной конкуренции для достижения собственных целей. Европейский союз в силу своих особенностей, напротив, осуществил качественный переход на новый уровень взаимоотношений на международной арене и включился в ценностную конкуренцию с прочими субъектами за формирование благоприятной среды международных отношений. По сути, речь идет о своеобразном моральном превосходстве и идеализации Европейского союза как актора мировой политики, достигшего достаточного уровня развития для того, чтобы оценивать степень развитости своих партнеров на основе собственных представлений о «норме» и в случае необходимости оказывать на них влияние с целью «привития» недостающих до идеального типа качеств. Как и любой подход, основанный на позициях превосходства, идея о «нормативной силе» Европейского союза не может не вызывать непонимания у третьих сторон, и в первую очередь это проявляется во взаимоотношениях ЕС с Россией, которая не разделяет

взглядов ЕС относительно универсальности трактовки проецируемых им норм[3].

Отдельного внимания заслуживает вопрос относительно происхождения «нормативной силы» Европейского союза; иными словами, делает ЕС «нормативной силой» то, чем он является, или то, какую политику проводит [22; 23]. Как отмечают британские авторы Томас Диез и Мишель Пейс, Европейский союз обладает характеристиками «нормативной силы» обоих типов: и как особой формы «силы», и как идентичности актора [15, p. 210—211].

Согласно мнению И. Маннерса, «нормативная сила» ЕС базируется на трех основаниях: на особом историческом опыте (имеется в виду, в первую очередь, наследие двух Мировых войн), на особом гибридном характере политического устройства и на политико-правовой природе ЕС [22, p. 240—241]. Эти три обстоятельства позволили государствам-членам объединить ключевые принципы и ценности под эгидой ЕС и обеспечить их соблюдение на национальном и наднациональном уровнях, что и сделало их «нормой» для Европейского союза. Общие для государств — членов ЕС ценности заложены в основополагающих договорах Евросоюза, которые и составляют основу его идентичности:

> Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин[4].

Более того, Европейский союз опирается на эти ценностные ориентиры на международной арене:

> В своих отношениях с остальным миром Союз утверждает и продвигает свои ценности и интересы и содействует защите своих граждан. Он способствует миру, безопасности, устойчивому развитию планеты, солидарности и взаимному уважению народов, свободной и справедливой торговле, искоренению бедности и защите прав человека, в том числе прав ребенка, а также неукоснительному соблюдению и развитию международного права, особенно соблюдению принципов Устава Организации Объединенных Наций[5].

Таким образом, Европейский союз выстраивает свои взаимоотношения с внешним миром, базируясь на «силе», легитимность[6] которой, согласно воззрениям И. Маннерса, основана на этих фундаментальных принципах и ценностях [22, p. 244].

---

[3] Подробнее о проблематике восприятия ЕС как «нормативной силы» в России см., например: [1—3].

[4] *The Treaty* on the Functioning of the European Union, TFEU. P. 1. Art. 2.

[5] Ibid. Art. 3.

[6] Проблематика легитимности «нормативной силы» вызывает, пожалуй, самые жаркие споры между сторонниками и противниками этой концепции. Подробнее по этому вопросу см., например: [10].

Однако в теории и на практике в политике государства можно выявить противоречия между определенными ценностями, и как в таком случае приверженность одной из них может оправдывать пренебрежение другой? В этой связи встает вопрос приоритета ценностей и их трактовки. Европейский союз в настоящий момент исходит из приоритета прав человека над принципом национального суверенитета государств; иначе говоря, такой подход оставляет за ЕС право на вмешательство во внутренние дела государства в том случае, если в нем нарушаются базовые права человека, а поскольку подобная трактовка норм международного права не разделяется большинством государств, в частности Россией и Китаем, легитимность «нормативной силы» ЕС не может считаться абсолютной.

Можно оспорить и тезис о том, что «нормативная сила» присуща исключительно ЕС, поскольку перечисленные ценности заложены и в конституциях многих иных государств. Принимая во внимание это обстоятельство, можно говорить о том, что роль ЕС как актора, способного влиять на понятие «нормы» в международных отношениях, зиждется в таком случает лишь на особом историческом опыте и гибридном характере его политического устройства.

Необходимо отметить, что мнения относительно роли и значимости ЕС на международной арене серьезно разнятся среди европейских и неевропейских исследователей, причем заметная часть авторов из Европы склонна идеализировать природу ЕС. Особенно отчетливо это проявляется у сторонников концепции «нормативной силы». Проблема в этом случае кроется в том, что рассмотрение исследуемого объекта как «глобальной силы, выступающей за все хорошее», в своем роде воплощения основных ценностей, в которые верит автор, ограничивает его способность к критическому анализу привлекательности Евросоюза как примера для подражания. Кроме того, концепция «нормативной силы» предполагает *добровольное* желание прочих акторов перенять нормы и практики ЕС в условиях критической трансформации Вестфальской модели мира, что также воспринимается многими ее сторонниками как постулат, не требующий верификации. Представляется, что в вопросах идеализации роли Европейского союза на международной арене дальше всех зашел И. Маннерс, написавший в 2008 г.: «ЕС всегда был, есть и будет нормативной силой в мировой политике» [25, p. 45]. Подобное утверждение и вовсе переводит идею о «нормативной силе» Евросоюза в категорию идеологических концепций.

Тем не менее зарубежными авторами был проведен ряд исследований, призванных проверить аргумент относительно нормативности силы ЕС и его последовательности во внутренней и внешней политике. Результаты этих исследований не всегда однозначны и указывают на то, что при определенных обстоятельствах Евросоюз «теряет запал» [37, p. 114], отстаивая некоторые из норм, например права человека, которые, казалось бы, являются основной ценностью для «нормативной силы» ЕС [8; 9; 21]. Такого рода непоследовательность уменьшает убедительность «нормативной силы» ЕС, которая в реальности оказывается обусловленной политическими целями, средствами и обоснованиями, а следова-

тельно, степень ее потенциала варьируется в зависимости от проблемной области. Представляется, что «нормативная сила» Европейского союза наиболее значительна в областях, связанных с решением вопросов морального и этического характера, как, например, защита прав человека, содействие международному развитию, защита окружающей среды и борьба с глобальным изменением климата. Таким образом, будущее состоятельности Европейского союза как «нормативной державы» будет во многом зависеть от успехов по этим направлениям.

С другой стороны, не следует принимать самовосприятие или стремление Европейского союза быть «нормативным актором» за свершившийся факт. ЕС может позиционировать себя в качестве любой «силы», которой только пожелает, однако степень его влияния на международную среду будет зависеть от того, насколько этот образ разделяют прочие субъекты международных отношений. Как ни парадоксально, эта сфера исследований до сих пор остается малоизученной, в особенности европейскими авторами, несмотря на то, что внешнее восприятие и имидж государства являются весьма важными факторами внешней политики. Существует ряд исследований относительно внешнего восприятия ЕС в таких странах, как Россия, Китай, Бразилия, Индия и Япония, результаты которых говорят о том, что, хотя образ Евросоюза в этих государствах скорее положителен, так как не ассоциируется с использованием «жесткой силы», он в равной степени не ассоциируется и с «нормативной силой» [3; 18; 19; 34; 35]. То обстоятельство, что ЕС действует на международной арене так, будто его имидж соответствует его самовосприятию, способно привести к опасному когнитивному диссонансу, который негативно скажется на его отношениях с внешним миром. По всей видимости, для Европейского союза настал момент завершить стадию саморефлексии и определения своей роли как глобального актора и обратить больше внимания на мнение своих партнеров.

Что же касается перспектив самой концепции, то здесь необходимо отметить, что, несмотря на ее противоречивость и высокую степень идеализации предложенной формы «силы» ЕС, это концептуальное направление позволило по-новому взглянуть на природу Европейского союза и его роль в мировой политике, отразив такие важные аспекты, как целеполагания и сущностные основы проводимых ЕС политик. Не вызывает сомнения и то, что с учетом происходящих в мировой политике изменений это исследовательское направление далеко не исчерпано и в ближайшем будущем появится немало эмпирических и теоретических работ, отправной точкой для которых станет концепция «нормативной силы» Европейского союза. В то же время представляется, что дальнейшие исследования в этой области требуют более гибкого подхода к рассмотрению норм, а также критического осмысления не только реальных политических практик, но и исходных концептуальных основ идеи о «нормативной силе» ЕС.

Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

Список литературы

1. *Игумнова Л. О.* Критика нормативной силы Европы в России // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 122—133.

2. *Павлова Е., Романова Т.* Идейное соперничество или «треш-дискурс»? // Россия в глобальной политике. 2014. №3. С. 50—59.

3. *Романова Т. А.* Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2011. Вып. 1. С. 52—66.

4. *Юдин Н. В.* Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. №4. С. 134—163.

5. *Юдин Н. В.* Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. 2015. Т. 13, №2. С. 96—105.

6. *A Responsible* Europe? Ethical Foundations of EU External Affairs / H. Mayer, H. Vogt (eds). Basingstoke, 2006.

7. *Aggestam L.* Introduction: Ethical Power Europe? // International Affairs. 2008. Vol. 84, is. 1. P. 1—11.

8. *Bailes A. J. K.* The EU and a “Better World” // International Affairs. 2008. Vol. 84, is. 1. P. 115—130.

9. *Balfour R.* Principles of Democracy and Human Rights // Values and Principles in European Union Foreign Policy / S. Lucarelli, I. Manners (eds.). L., 2006. P. 114—130.

10. *Bickerton C. J.* Legitimacy Through Norms: The Political Limits to Europe’s Normative Power // Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / R. Whitman (ed.). Basingstoke, 2011. P. 25—44.

11. *Bull H.* Civilian power Europe. A contradiction in terms? // Journal of Common Market Studies. 1982. Vol. 21, is. 2. P. 149—170.

12. *Cochran M.* Normative Theory in International Relations: A Pragmatic Approach. Cambridge, 1999.

13. *Damro C.* Market power Europe. Paper prepared for EUSA Biennial Conference. Boston, 2011.

14. *Diez T., Manners I.* Reflecting on Normative Power Europe // Power in World Politics / F. Berenskoetter, M. Williams (eds.). L., 2007. P. 173—88.

15. *Diez T., Pace M.* Normative Power Europe and Conflict Transformation // Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / R. Whitman (ed.). Basingstoke, 2011. P. 210—225.

16. *Duchêne F.* Europe’s Role in World Peace // Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead / R. Mayne (ed.). L., 1972. P. 32—47.

17. *Duchêne F.* The European community and the uncertainties of interdependence // A nation writ large? Foreign-policy problems before the European community / M. Kohnstamm, W. Hager (eds.). L., 1973. P. 1—21.

18. *EU* Foreign Policy in a Globalized World: Normative Power and Social Preferences / Z. Laidi (ed.). L., 2008.

19. *European* Foreign Affairs Review. 2007. Vol. 12, is. 3.

20. *Hettne B., Söderbaum F.* Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism // European Foreign Affairs Review. 2005. Vol. 10, is. 4. P. 535—552.

21. *Lerch M., Schwellnus G.* Normative by Nature? The Role of Coherence in Justifying the EU’s External Human Rights Policy // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13, is. 2. P. 304—321.

22. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, is. 2. P. 235—258.

23. *Manners I.* The European Union as a normative power: A response to Thomas Dietz // Millennium: Journal of International Studies. 2006. Vol. 35, is. 1. P. 167—180.

24. *Manners I.* Normative Power Europe Reconsidered: Beyond the Crossroads // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13, is. 2. P. 182—199.

25. *Manners I.* The Normative Ethics of the European Union // International Affairs. 2008. Vol. 84, is. 1. P. 45—60.

26. *Manners I.* The EU's normative power in changing world politics // Normative power Europe in a changing world: A discussion (Clingendael European Papers No 5) / G. Andre (ed.). Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2009.

27. *Manners I.* The Concept of Normative Power in World Politics // Danish Institute of International Studies Brief. Copenhagen, 2009.

28. *Manners I.* The European Union's Normative Power: Critical Perspectives and Perspectives on the Critical // Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / R. Whitman (ed.). Basingstoke, 2011. P. 226—247.

29. *Meunier S., Nicolaidis K.* The European Union as a trade power // International relations and the European Union (4th ed.) / C. Hill, M. Smith (eds.). Oxford, 2005.

30. *Moravscik A.* The Quiet Superpower // Newsweek, 17 June 2002. URL: http://www.princeton.edu/~amoravcs/commentary.html (accessed: 02.08.2015).

31. *Moravscik A.* Europe is the New RoleModel for the World // Financial Times. 2004. 5 October. URL: http://www.princeton.edu/~amoravcs/library/rifkin.pdf (accessed: 02.08.2015).

32. *Nye J.* Bound to lead: The changing nature of American Power. N. Y., 1990.

33. *Nye J. S.* The future of power. N. Y., 2011.

34. *The Search* for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union / F. Cerutti, S. Lucarelli (eds.). L. ; N. Y., 2008.

35. *Wang Y.* The Identity Dilemmas of EU Normative Power: Observations from Chinese Traditional Culture // Normative Power Europe in Changing World: a Discussion / A. Gerrits (ed.). Netherlands Institute of International Relations, 2009.

36. *Whitman R.* From Civilian Power to Superpower? The International Identity of the European Union. L., 1998.

37. *Wood S.* The European Union: A Normative or Normal Power? // European Foreign Affairs Review. 2009. Vol. 14, is. 1. P. 113—128.

38. *Wood S.* Pragmatic power EUrope? // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46, is. 2. P. 242—261.

39. *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // Journal of Common Market Studies. 2007. Vol. 45, is. 4. P. 813—832.

Об авторе

Екатерина Владимировна Саворская, кандидат политических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: esavorskaya@gmail.com

THE CONCEPT OF THE EUROPEAN UNION'S NORMATIVE POWER

E. Savorskaya*

*Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

Submitted on August 05, 2015

Traditionally, studies into a state's foreign policy focus on the international situation and national interests of the parties. However, such approach does not completely conform to the objectives of studies into the foreign policy of the European Union – an example of unique integration of states. One of the modern approaches aimed to describe the nature of the EU as an actor in world politics is the concept of the EU's 'normative power' arguing that the 'power' of the EU lies in the ability to change the international community's idea of the 'norm'. The concept of the EU's 'normative power' is the focus of the article. The author describes the historical background of EU's foreign (and to a degree, domestic) policy, assuming that the policy is a 'product' of its time. The article examines three approaches to understanding these concepts and analyses the correlation between the 'normative' and 'soft power' as well as related contradictions. In conclusion, the author identifies prospects of studies into the concept of 'normative power' of the European Union.

Key words: foreign policy of the European Union, European Union, EU, 'normative power'

References

1. Igumnova, L. O. 2014, Kritika normativnoj sily Evropy v Rossii [Normative Power Europe Critique in Russia], *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija. Religiovedenie»,* T. 7, p. 122–133.

2. Pavlova, E., Romanova, T. 2014, Idejnoe sopernichestvo ili «tresh-diskurs»? [Ideological rivalry or "trash-discourse"?], *Rossija v global'noj politike,* no 3, p. 50–59.

3. Romanova, T. A. 2011, Evrosojuz kak normativnaja sila i problemy ee vosprijatija v Rossii kak bar'er na puti politiko-pravovogo sblizhenija [European Union as a normative power and problems of perception in Russia as an obstacle for political and legal convergence], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta,* Ser. 6, no. 1, p. 52–66.

4. Yudin, N. V. 2013, Zhestkij vzgljad na «mjagkuju silu»: kriticheskij analiz monografii Dzh. Naja «Budushhee vlasti» [Hard look at 'soft power': critical reflections on 'The Future Power' by Joseph S. Nye], *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 4, p. 134–163.

5. Yudin, N. V. 2015, Sistemnoe prochtenie fenomena mjagkoj sily [A systemic approach to "soft power"]. *International Trends*, Vol. 13, no. 2, p.96–105.

6. Mayer, H., Vogt, H. (eds.), 2006, *A Responsible Europe? Ethical Foundations of EU External Affairs,* Basingstoke, Palgrave Macmillan.

7. Aggestam, L. 2008, Introduction: Ethical Power Europe? *International Affairs,* Vol. 84, no. 1, p. 1–11.

8. Bailes, A. J. K. 2008, The EU and a "Better World", *International Affairs*, Vol. 84, no.1, p. 115–130.

9. Balfour, R. 2006, Principles of Democracy and Human Rights. In: Lucarelli, S., Manners, I. (eds.), *Values and Principles in European Union Foreign Policy*, London, p. 114–130.

10. Bickerton, C.J. 2011, Legitimacy Through Norms: The Political Limits to Europe's Normative Power. In: Whitman, R. (ed.), *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, p. 25–44.

11. Bull, H. 1982, Civilian power Europe. A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, Vol. 21, no. 2, p. 149–170.

12. Cochran, M. 1999, *Normative Theory in International Relations: A Pragmatic Approach.* Cambridge.

13. Damro, C. 2011, Market power Europe, *Paper prepared for EUSA Biennial Conference Boston*, MA, USA, March 3–5, 2011.

14. Diez, T., Manners, I. 2007, Reflecting on Normative Power Europe. In: Berenskoetter, F., Williams, M. (eds.), *Power in World Politics*. London, Routledge, p. 173–88.

15. Diez, T., Pace, M. 2011, Normative Power Europe and Conflict Transformation. In: Whitman, R. (ed.), *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, p. 210–225.

16. Duchêne, F. 1972, Europe's Role in World Peace. In: Mayne, R. (ed.), *Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead*, London, Fontana, p. 32–47.

17. Duchêne, F. 1973, The European community and the uncertainties of interdependence. In: Kohnstamm, M., Hager, W. (eds.), *A nation writ large? Foreign-policy problems before the European community*, London, Macmillan, p. 1–21.

18. Laidi, Z. (ed.), 2008, *EU Foreign Policy in a Globalized World: Normative Power and Social Preferences*, London, Routledge.

19. *European Foreign Affairs Review*, 2007, Vol. 12, no. 3.

20. Hettne, B., Söderbaum, F. 2005, Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism, *European Foreign Affairs Review,* Vol. 10, no. 4, p. 535–552.

21. Lerch, M., Schwellnus, G. 2006, Normative by Nature? The Role of Coherence in Justifying the EU's External Human Rights Policy, *Journal of European Public Policy*, Vol. 13, no. 2, p. 304–321.

22. Manners, I. 2002, Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies,* Vol. 40, no. 2, p. 235–258.

23. Manners I. 2006a. The European Union as a normative power: A response to Thomas Dietz. *Millennium: Journal of International Studies,* vol. 35, is. 1, p. 167–180.

24. Manners I. 2006b. Normative Power Europe Reconsidered: Beyond the Crossroads. *Journal of European Public Policy,* vol. 13, is. 2, p. 182–199.

25. Manners, I. 2008, The Normative Ethics of the European Union, *International Affairs*, Vol. 84, no. 1, p. 45–60.

26. Manners, I. 2009a, The EU's normative power in changing world politics. In: Andre, G. (ed.). Normative power Europe in a changing world: A discussion, Clingendael*, European Papers,* no.5, Netherlands Institute of International Relations Clingendael, The Hague, Netherlands.

27. Manners, I. 2009b, The Concept of Normative Power in World Politics, *Danish Institute of International Studies Brief,* Copenhagen, Danish Institute of International Studies.

28. Manners, I. 2011. The European Union's Normative Power: Critical Perspectives and Perspectives on the Critical. In: Whitman, R. (ed.), *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, p. 226–247.

29. Meunier, S., Nicolaidis, K. 2005, The European Union as a trade power. In: Hill, C., Smith, M. (eds.), *International relations and the European Union,* Oxford, Oxford University Press.

30. Moravscik, A. 2002, The Quiet Superpower. *Newsweek*, 17 June, available at: http://www.princeton.edu/~amoravcs/commentary.html (accessed 02.08. 2015).

31. Moravscik, A. 2004, Europe is the New RoleModel for the World, *Financial Times*, 5 October, available at: http://www.princeton.edu/~amoravcs/library/rifkin.pdf (accessed 02.08.2015).

32. Nye, J. 1990, *Bound to lead: The changing nature of American Power*, New York, Basic Books.

33. Nye, J. S. 2011, *The future of power*, New York, Public Affairs.

34. Cerutti, F., Lucarelli, S. (eds.), 2008, *The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union,* London and New York, Routledge.

35. Wang, Y. 2009, The Identity Dilemmas of EU Normative Power: Observations from Chinese Traditional Culture. In: Gerrits, A. (ed.) *Normative Power Europe in Changing World: a Discussion,* The Hague, Netherlands Institute of International Relations.

36. Whitman, R. 1998, *From Civilian Power to Superpower? The International Identity of the European Union*, London, Macmillan.

37. Wood, S. 2009, The European Union: A Normative or Normal Power? *European Foreign Affairs Review,* Vol. 14, no. 1, p. 113–128.

38. Wood, S. 2011, Pragmatic power EUrope? *Cooperation and Conflict.* Vol. 46, no. 2, p. 242–261.

39. Zimmermann, H. 2007, Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession, *Journal of Common Market Studies,* Vol. 45, no. 4, p. 813–832.

About the author

Dr Ekaterina Savorskaya, Associate Professor, the Department of International Organisations and World Political Processes, Moscow State University, Russia.

E-mail: esavorskaya@gmail.com

УДК 930.1(091)

«РАЗДЕЛЕННАЯ ИСТОРИЯ»: ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ЗЕМЛЯХ БЫВШЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ

И. О. Дементьев*

В современных гуманитарных и общественных науках тематика исторической политики и связанной с ней культуры памяти приобретает все большую значимость, отражаясь на изменениях как в законодательстве, так и в историографии и политологии. Цель статьи — представить основные подходы к изучению исторической политики и проанализировать с точки зрения этих подходов состояние и перспективы исследования исторической политики на территории бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия. Показаны разные точки зрения исследователей в отношении ключевых понятий memory studies: одни отождествляют понятия «политика памяти» и «историческая политика», другие различают их; существуют разные мнения по поводу продуктивности применения категории «места памяти». На основе метода историографического анализа продемонстрированы сходства и различия в подходах к исторической политике и политике памяти, оценена продуктивность использования понятий «места памяти» и «конфликты памяти» в странах Балтийского региона, охарактеризованы новейшие работы историков и политологов об изменениях в культуре памяти в России в целом и в Калининградской области в частности от советского к постсоветскому периоду. На примере современной историографии показано, что «места памяти» и «историческая политика» сегодня являются наиболее востребованными категориями для изучения культуры памяти и идентичности, а компаративный анализ — перспективным методом для исследования специфики исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, историческая политика, Калининградская область, политика памяти

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 07.09.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-6

© Дементьев И.О., 2015

Тематика исторической политики лежит на пересечении двух сфер гуманитарного знания: политической истории (предполагающей комплексное изучение деятельности политических институтов и их репрезентации в общественном сознании) и *memory studies* (междисциплинарного пространства исследований коллективной памяти). Политическая история успешно развивалась в науке на протяжении нескольких столетий, а *memory studies* оформились в качестве полноправного направления в последнюю четверть прошлого века. Границы между этими сферами проницаемы, причем проблематика политической истории также тесно связана с политологической.

Теоретические рамки для исследования коллективной памяти заданы в классических работах П. Нора, Я. и А. Ассманов и др. (см. рус. пер. работ [1; 2; 11]). Большую популярность приобрели концепты «места памяти» (П. Нора) и «культурная память» *vs*. «коммуникативная память» (Я. и А. Ассманы). Применяя новый понятийный аппарат, исследователи изучали в 1980—2010-х гг. различные аспекты коллективной памяти. Широкий интерес общественности и профессионалов к тематике памяти описывается сегодня как «мемориальный бум» (*memory boom*) или «мемориальный поворот» (*memorial turn*).

К тому же ряду базовых понятий относятся «политика памяти» и «историческая политика», которые, однако, трактуются по-разному. А. Ассман, к примеру, склонна сближать «историческую политику» (следом за К. Леггеви понимая под ней вопросы организации, управления и процессы принятия политических решений, определяющие «мемориальные структуры» [1, с. 300]) и «мемориальную политику» (такой термин избран переводчиком в российском издании) (см. [1, с. 73]). Н. Е. Копосов также отождествляет их («Историческая политика, или политика памяти, — термин сравнительно новый, хотя явление это очень старое» [6, с. 52]), описывая мемориальное законодательство как яркое проявление такой политики. Некоторые авторы применяют этот концепт, обозначающий «очень старое явление», уже к раннему Средневековью [24].

Есть в то же время исследователи, которые различают два термина. Тогда под политикой памяти (нем. *Gedächtnispolitik*) понимаются дискурсивные, перформативные и материальные репрезентации коллективной идентичности, стратегии борьбы и конкуренции памятей разных коллективов. Историческая политика (нем. *Geschichtspolitik*), осуществляемая властью в рамках определенного политического режима, в таком контексте оказывается лишь одной из форм политики памяти. Конкурирующие с «гегемоном» этнические, культурные, социальные, гендерные группы выстраивают в современных обществах свои политики памяти, и вся совокупность сложных взаимоотношений различных субъектов по поводу интерпретации и репрезентации прошлого становится подходящим для междисциплинарного изучения объектом.

А. И. Миллер также различает политику памяти и историческую политику. Датируя появление «исторической политики» временем канцлерства Гельмута Коля, когда критики последнего определили полити-

ческий поворот в интерпретации прошлого термином *Geschichtspolitik*, историк прослеживает реанимацию термина и его (*poltyka historyczna*) переосмысление консервативной частью элиты в позитивном ключе в Польше в 2004 г. и, далее, в других странах региона [8, с. 7]. Миллер понимает под исторической политикой «политические манипуляции историей» [8, с. 12], которые трактуются как пример повышенного внимания политиков и исследователей к *политике памяти* [8, с. 8] — из последнего замечания понятно, что это далеко не синонимы. Логику А.И. Миллера развивает О.Ю. Малинова, которая, следуя М. Кангаспуро, различает историческую политику и «политическое использование истории» — более широкую категорию, предполагающую осознанное оперирование историей как инструментом политической аргументации [7, с. 8—9]. Анализ того, как используется прошлое в современных политических дискуссиях и риторике российских президентов, побуждает О.Ю. Малинову говорить об этой практике как об одном из «центральных элементов *символической политики*» [7, с. 23], уходя от сложного выбора между понятиями «исторической политики» и «политики памяти».

Пикантность вопросу придает также наличие разных терминологических традиций в основных языках современной науки (см. об этом: [39, S. 15—16]). Отсутствие консенсуса по поводу терминов приводит к спорным решениям: одна из недавних публикаций имеет два названия — немецкое и английское. В первом фигурирует слово *Geschichtspolitik* (историческая политика), которое во втором передано конструкцией *Historical memory culture* (культура исторической памяти) [20].

В немецкой литературе термин «историческая политика» впервые зафиксирован в 1986 г. в работе Кристиана Майера, а на конец 2000-х гг. он был наиболее распространенным в сравнении с *Vergangenheitspolitik*, *Erinnerungspolitik* и *Gedächtnispolitik* (см. [33, S. 70—71]). В англо-американской литературе концептуализация *politics of memory* приходится на рубеж 1970—1980-х гг., но исследования политики памяти заметно активизировались после окончания холодной войны.

Основные достижения исследователей в 1990—2000-х гг. касались Европы после Второй мировой войны. В классической работе «Политика памяти в послевоенной Европе» (под редакцией Р. Нед Лебоу и др., 2006 [35]) в компаративном ключе представлены разные европейские кейсы использования прошлого в политических целях. По этому же пути шли и другие ученые в Европе и США. В 2010 г. некоторые итоги исследований были подведены в сборнике «Историческая политика и коллективная память» (2010) под редакцией Х. Шмида. Хайдемария Уль и Харальд Шмид характеризуют разные стороны политики в отношении прошлого на примере современных государств [33; 40]. Историческая политика трактуется немецкими исследователями как фактор «большого политического влияния», как инструмент борьбы (*Geschichtskampf*), которая не может быть редуцирована ни к узкоспециальным историографическим дискуссиям, ни к публичным дебатам по поводу актуальных политических и социально-экономических про-

блем. Сфера борьбы вокруг прошлого становится все более значимой областью современного политического действия. Исследователи сегодня задаются вопросами о формах и средствах реализации исторической политики, ее функциях и результатах, акторах, нормативных контекстах (включая правовые — мемориальное законодательство и т. п.).

Для большинства исследователей исторической политики на первый план выдвигается фактор влияния властвующей элиты на ее реализацию. Во Франции, например, активное вмешательство власти в процессы коммеморации (увековечения и репрезентации в национальной культурной памяти) начинается в годы президентства Ф. Миттерана (1981—1995): его предшественник В. Жискар д'Эстен не вмешивался в зону компетенции историков-профессионалов, однако с начала 1980-х гг. власти силами специализированных комитетов постоянно организуют коммеморацию значимых событий или персон (см. [19, p. 920], а также у П. Нора об «эре коммемораций»: [11, с. 95—96]). При этом вовлеченное в процесс переосмысления истории государство не только поддерживает «холодную» память (чествуя национальных героев или национальные победы), но и активно участвует в решении проблем «горячей» памяти, которые в России принято называть «трудными вопросами истории». На 1990-е гг. пришлось официальное признание ответственности Франции за депортацию евреев в годы Второй мировой войны, сформировавшее матрицу нового отношения к «черным страницам» национального нарратива (рабство, колониальные войны и другие явления, включая те, к которым французское государство не имело отношения, например геноцид армян в Турции). Несмотря на утверждение Жака Ширака в 2005 г. о том, что «в Республике нет официальной истории» (цит. по: [19, p. 921]), государство формирует сбалансированную «мемориальную экономику», уравновешивающую признание ошибок и прославление достижений.

Для понимания вектора развития исследований памяти целесообразно обратиться к понятию «места памяти» («одному из самых успешных концептов в европейской историографии за последние тридцать лет» [29, S. 129]), к которым коллектив под руководством П. Нора отнес все то, что подвергается коммеморации. В знаменитом одноименном трехтомнике были описаны способы конституирования республиканского и национального дискурса: символика, памятники, педагогические и историографические стратегии и т. п. [28].

Этот проект критиковался с разных позиций. Одни оппоненты отмечали, что указанные «места памяти» отчетливо связаны с национальными (государственными) интересами: утверждая единый национальный дискурс, они провоцировали конфликты по поводу «мест памяти», конкуренцию коммеморативных стратегий. Другие исходили из того, что проект П. Нора и его коллег представляет собой игру пресыщенного ума интеллектуала, возможную только в рамках французской культурной традиции и не воспроизводимую в других контекстах [4, с. 70], — время, впрочем, обнаружило несостоятельность этой критики.

Неудивительно, что дальнейшие исследования «мест памяти» развивались по двум направлениям: применение популярного концепта в других странах и исследование «мест памяти» в иных масштабах. Первое направление отмечено аналогичными работами по истории итальянских, немецких [14; 16] и других национальных «мест памяти»: на 2013 г., по подсчетам Б. Мажерюса, было завершено 12 национальных проектов, включавших, помимо указанных, исследование «географии памяти» в Австрии, Бельгии, Дании, Люксембурге, Нидерландах, России и Швейцарии [29, p. 121].

Второе направление — это транснациональные и локальные (региональные) исследования. В 2002 г. вышли такие публикации, как «Транснациональные места памяти: северно- и южноевропейские перспективы», «Транснациональные места памяти в Центральной Европе» [37; 38] и др. Аналогичные работы посвящены локальным «местам памяти» (на уровне городов и регионов). Первые попытки применить обсуждаемый концепт к истории Кёнигсберга и Восточной Пруссии осуществлены польскими и немецкими историками Р. Трабой, Б. Хоппе, А. Энгель-Брауншмидт и др. [15; 22; 23; 36]; в литовской литературе предложен анализ «Малой Литвы» как литовского места памяти [41]; наконец, и российские исследователи сегодня используют это понятие для реконструкции основных элементов дискурса региональной идентичности, а также практик коллективной памяти и исторического сознания в советском Калининграде (1945—1990) [5].

В описанных выше случаях проблематика «мест памяти» в значительной степени ушла от первичной функции поддержания национальных мастер-нарративов в сторону нюансированного исследования специфических памятей коллективов, их конкуренции, стратегий их репрезентации и т. п. Сегодня исследование «политики памяти» на любом уровне неизбежно требует выявления и рассмотрения «мест памяти» как наций, так и различных этнических и социальных групп. Политика памяти в этом контексте будет описываться как деятельность различных акторов по интерпретации и репрезентации прошлого через символически выраженные «места памяти» (в случае властвующей элиты уместно говорить об исторической политике как частном случае политики памяти).

Еще одним значимым понятием стал концепт «конфликты памяти». Обычно в Восточной Европе речь идет о разногласиях в интерпретации советского опыта, однако на деле поводов для «мемориальных войн» значительно больше (например, в Литве увековечение памяти антисоветских партизан как героев сталкивается с контр-нарративом еврейских общин; для последних некоторые участники литовского сопротивления советской власти оказываются коллаборантами нацистов и соучастниками холокоста). Характерно в этой связи название статьи Клаусса Леггеви, посвященной дебатам вокруг Бронзового солдата в Таллине, — «Разделенная история Европы» [27].

Констатация «разделенности» приобретает характер общего места в рассуждениях о политике памяти в регионе (ср. статью «Разделенная

память» Кшиштофа Помяна, прямо утверждающего: «Всякая коллективная память есть разделенная память» [31, S. 39]). Хотя в изучении исторической политики в странах Балтийского региона делаются только первые шаги, одним из ключевых вопросов становится исторический потенциал конфликтов в регионе — этому посвящена статья Имби Зооман: наряду со шведско-финскими или финско-эстонскими спорами высоким признается конфликтный потенциал и во взаимоотношениях балтийских государств и России [34, S. 17—25]. Для центрально- и восточноевропейской истории неизбежную конфликтность несут столкновения памятей вокруг депортации немецкого населения из регионов, перешедших к Польше, СССР и Чехословакии по итогам Второй мировой войны. Для культурной памяти россиян (за исключением калининградцев) этот аспект первых послевоенных лет практически незаметен, поэтому сюжет депортации не играет особой роли в национальной исторической политике, хотя в культурах памяти немцев, поляков и чехов он постепенно повышает свое значение (см. об этом [26]).

Естественно, западных исследователей преимущественно интересует западная историческая политика, однако в последние годы возрастает интерес к восточноевропейской истории. Это и монографические исследования отдельных случаев, как фундаментальная работа Ф. Б. Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти (1263—2000)» [12], и такие сборники, как «Историческая политика и культура памяти в новой России» (2009, под редакцией Л. Карла и И. Полянского — см.: [21; 25]). В первом случае классическое рассмотрение эволюции образа Александра Невского в русской культурной памяти обернулось исследованием механизмов исторической политики российского государства (вплоть до постсоветского периода). Вторая работа открыла дискуссию о том, как соотносятся историческая политика и культура памяти в России рубежа столетий.

Целесообразно обратиться к опубликованной в этом сборнике статье Ольги Курило, которая прослеживает эволюцию русской (российской) культуры памяти в СССР и постперестроечной России. До Перестройки «ландшафт памяти» (*Erinnerungslandschaft*) был в основном гомогенным. Официальный дискурс о прошлом в многонациональном государстве предполагал единую советскую историю, а не национальные истории. Разрешенные воспоминания отдельных национальных групп подвергались значительному идеологическому искажению. Центральные темы советской истории (прежде всего Октябрьская революция и Вторая мировая война) доминировали как в научной литературе, так и в публичных ритуалах, причем гомогенизация культуры памяти обеспечивалась за счет запрета и альтернативных воспоминаний, и проявлений критической мысли в публичном пространстве. Табуированные темы (красный террор, депортации народов в сталинский период, холокост на оккупированной советской территории, плен и коллаборационизм в годы Второй мировой войны) вытеснялись в пространство личной и семейной памяти или памяти неподконтрольных государству групп (кружков диссидентов). Индивидуальные воспоминания

о войне, вступавшие в противоречие с канонической версией, не могли предаваться гласности [25, S. 144—145].

Перестройка создала условия для публикации альтернативных воспоминаний о прошлом. Постсоветская память манифестируется прежде всего в специфических «местах памяти» и «фигурах памяти» (*Gedächtnisfiguren*). К последним относятся два выбранных для анализа конкурирующих дискурса о прошлом — «демократический» и «национально-патриотический» [25, S. 146]. Первый опирается на признание плюрализма, альтернативности путей общественного развития и поддерживается правозащитными организациями. Присутствовавший в советской культурной памяти дискурс жертвы (*Opferdiskurs*) в форме нарратива о страданиях советского гражданского населения в годы войны поместил жертв советской системы в центр воспоминаний. Несмотря на успехи в продвижении демократической культуры памяти как в столице, так и в регионах (деятельность общества «Мемориал», установка памятников жертвам политических репрессий, введение тематики холокоста в школьные программы и т. д.), в постсоветской памяти сохраняются темы, обсуждение которых по-прежнему затруднено (например, масштабы коллаборационизма в годы войны) [25, S. 147]. Однако власть в России (статья опубликована в 2009 г.) поддерживала в некоторых масштабах «демократическую память», сигнализируя обществу о своей открытости и готовности к диалогу с Западом.

«Национально-патриотическая память», за которую ответственны различные организации национально-патриотического характера (и в первую очередь Русская православная церковь), продвигает коммеморацию важных для формирования национальной идентичности событий. Эта фигура памяти, по О. Курило, не имеет особой поддержки в российской интеллектуальной элите, а организации такого толка находятся на обочине социума [25, S. 154].

Вывод историка состоит в том, что современная культура памяти в России не поддается однозначному определению, эклектично соединяя различные символы и «места памяти». Неоднородность приоритетов политики памяти в современной России связана также с приватизацией и интернационализацией воспоминаний, избирательной реанимацией старых стереотипов и т. д. Процесс демократизации культуры памяти в России, по мнению О. Курило, идет медленно не только по политическим, но и по социально-психологическим причинам — ликвидация советских институтов не означала одновременных перемен в менталитете «советского человека» [25, S. 158].

Хотя О. Курило нарисовала в целом правдоподобную картину эволюции культуры памяти в России, ряд положений может быть оспорен. Характеристика культуры памяти, рамки которой обозначила советская историческая политика, справедлива, хотя ее гомогенность несколько преувеличена: определенные дискуссии допускались и в рамках советской историографии, оценки репрессий и сталинского режима на разных этапах колебались между осуждением и замалчиванием, в советских республиках существовали версии национальной истории, выхо-

дившие за рамки строго идеологизированного канона (дискурс жертвы описывал страдания народа как от собственного господствующего класса, так и от российского империализма). Лев Гудков анализирует неоднородность советской исторической политики в отношении памяти о Великой Отечественной войне — от разрыва между личным опытом фронтовиков и официально-парадной версией событий в конце 1940-х — начале 1950-х гг. к интенсивному матрицированию массовых представлений о войне в 1960-х — начале 1980-х гг. [3, с. 90—91; ср.: 6, с. 90—105; 21].

Характеристика постсоветской ситуации как конкуренции между двумя «фигурами памяти» страдает неполнотой (сохранение советской топонимики и символики подразумевает наличие еще одного дискурса). Обе «фигуры памяти» занимают определенные места и в общественном мнении, и в репертуаре предпочтений элиты: тезис О. Курило о мотивах поддержки «демократической памяти» властью сохраняет актуальность даже в контексте исторической политики в России последних лет, когда объем государственной поддержки «демократической памяти» заметно сократился.

Об этом свидетельствует принятое в разгар обострения отношений со странами Запада распоряжение российского правительства от 15 августа 2015 г. «Об утверждении концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». В концепции причудливым образом сочетаются демократическая риторика и этатистские стереотипы: «Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий» [9]. Концепцию можно рассматривать как результат компромисса между разными фигурами памяти, потому что в ней апология восстанавливающего свои позиции «в мировом сообществе» государства соединяется с реверансами в адрес как «национально-патриотической» (после «колоссальных потерь» в годы войн первой из трагедий советского периода указаны «гонения на представителей религиозных конфессий»), так и «демократической памяти» (первой задачей в построении национальной идентичности значится «формирование правового государства, в основе которого заложено соблюдение прав человека, социальных и этнических групп населения страны»). Принцип «необходимости объективного анализа как достижений советского периода, так и его трагических страниц, в том числе массовых политических репрессий» [9] отражает сложность, знакомую и другим элитам (см. выше пример Франции).

Рассуждения О. Курило гармонируют с выводами других историков памяти. В статье Йорга Ганценмюллера и Рафаэла Утца, составителей сборника «Советские преступления и русская память» (2014), подчеркиваются противоречивый характер официальной российской политики в отношении сталинизма и существование на фоне этой политики разнообразного ландшафта памяти [18, S. 28—30]. Близкие выводы содержатся и в работах российских авторов [6; 7].

Изучение исторической политики на территории бывшей Восточной Пруссии (Варминьско-Мазурское воеводство Польши, Калининградская область России и Клайпедский край Литвы) требует общей рамки для сравнения, которую обеспечивает анализ опыта социализма и постсоциалистического транзита. Выводы О. Курило и других авторов могут быть экстраполированы — с известными поправками — на все три региона, представляя собой отправную точку для исследования разных моделей исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии.

Историческая политика в Калининградской области (как и в других регионах), к примеру, отражала общенациональные тенденции и обладала региональной спецификой (в частности, обусловленной довоенным прошлым территории). Польский социолог А. Саксон проследил различия в символическом присвоении земель бывшей Восточной Пруссии в Польше и Литовской ССР, где постулировалось возвращение исторических территорий, и в российской Калининградской области, где приходилось осваивать территорию заново (см.: [32]). Так сложились две модели исторической политики (надо признать, что в сталинской пропаганде в первые послевоенные годы была предпринята попытка реализовать ту же модель «возвращения исконных земель», но она оказалась безуспешной).

В дополнение к образу «разделенности» истории литовский историк Василиюс Сафроновас, известный работами по «культуре воспоминания» в Клайпеде, изобрел еще одну емкую характеристику: «недоделенность» наследства Восточной Пруссии. Хотя немецкая провинция «не существует как отдельный регион уже много десятилетий, она все еще порождает конфликты территориального воображения, основанного на этнографическом принципе и ментальной географии, опирающейся на идею легитимного завоевания» [10, с. 208]. Исследователь констатирует, что польские и немецкие историки находятся в процессе сближения двух культур, описывая восточнопрусское прошлое через две «разные национальные перспективы»; такой путь пока недоступен российским и литовским историкам, потому что «стороны отталкиваются от двух принципиально разных подходов: один основан на идее легитимного завоевания, другой — на концепции этнографического единства населения» [там же], вследствие чего неизбежно столкновение памятей, характер которого отчасти обусловлен фактом недоделенности наследства.

В постсоветский период противоречивость исторической политики в самой западной российской области была еще рельефнее, чем в других регионах. О. Курило отмечала, что в Калининграде сохраняются такие атрибуты советской эпохи, как название города и памятник М. И. Калинину [25, S. 154]. В Литве и Польше, при всех различиях в историческом опыте этих стран, реализована иная стратегия десоветизации. Кроме того, компаративный подход может не ограничиваться тремя «восточнопрусскими» землями, но расширять масштаб рассмотрения, обнаруживая плодотворность при сопоставлении политики памяти в

бывших немецких регионах, отошедших к Польше частично (как Восточная Пруссия) или полностью (как Силезия) [13, p. 28—29], или при сравнении сходств и отличий в историческом обосновании сталинской стратегии советизации вновь присоединенных районов Калининградской области, части Карельского перешейка и Сахалина с Курильскими островами [30].

Исследование политики памяти в понимании современных ученых неразрывно связано с реализацией междисциплинарного подхода через кооперацию со специалистами в сфере *cultural studies*, *urban studies*, *trauma studies*, анализа дискурса и др. В последние годы возрос интерес к социально-психологической стороне «культуры памяти»: напряжению между памятью и идентичностью, когнитивным измерениям изменений культуры памяти (см. обстоятельный обзор у Эльке Файн: [17]). В этом свете процитированные рассуждения О. Курило о «менталитете советского человека» могут быть уточнены с учетом новых теоретических достижений.

Как любой другой концепт, «историческая политика» и «мемориальная политика» историчны сами по себе. Они появились недавно и могут утратить актуальность. Кшиштоф Помян, опираясь на понимание неизбежно конфликтогенного характера коллективной памяти, высказался радикально: «Недавно у нас много говорили о “политике памяти”. Я предлагаю замещать ее этикой памяти» [31, S. 40]. Со временем, возможно, гуманистический пафос ученых возобладает над частными интересами политических элит, но на современном этапе от исследования политики памяти отказаться невозможно.

Изменение тематики происходит также за счет изучения континуитета между более ранними или более поздними периодами в развитии исторической политики современных государств, выявления противоречий по поводу интерпретации и репрезентации прошлого между различными этническими группами (в том числе меньшинствами), определения дискурсивных и визуальных механизмов реализации политики памяти и т. д. «Места памяти», «историческая политика», «политика памяти» сегодня становятся разными точками входа в проблемное поле, в котором выдвигаются и решаются вопросы памяти и идентичности. Плодотворность использования этих концептов при всей нестабильности понятийного аппарата и с учетом существующих методологических ограничений доказана на примере анализа мастер-нарративов национального уровня, но ясно, что она обнаружит себя и в ходе изучения истории регионов, включая территорию бывшей Восточной Пруссии, разделенной сегодня между тремя государствами.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: преемственность и изменения культурного ландшафта (1945—2015 гг.)».

Список литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

3. *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 83—103.

4. *Джадт Т.* «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 45—74.

5. *Карпенко А.М.* «Место памяти» в системе политических координат: случай Калининградской области // Daugiareikšmės tapatybės tarpuerdvėse: Rytų Prūsijos atvejis XIX—XX amžiais. Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Klaipėda, 2011. T. 23. S. 234—252.

6. *Коносов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика России. М., 2011.

7. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

8. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. М., 2012. С. 7—32.

9. *Об утверждении* концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. №1561-р. URL: http://government.ru/docs/19296/ (дата обращения: 20.08.2015).

10. *Сафроновас В.* Восточная Пруссия — недоделенное наследство? // Ab Imperio. 2014. №1. С. 205—243.

11. *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999.

12. *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

13. *Demshuk A.* The lost German East. Forced migration and the politics of memory, 1945—1970. Cambridge, 2012.

14. *Deutsche* Erinnerungsorte / Hrsg. E. François, H. Schulze. München, 2001. Bd. 1—3.

15. *Engel-Braunschmidt A.* “Im Schatten des Schlosses”: Königsberg / Kaliningrad // Gedächtnisorte in Osteuropa. Vergangenheiten auf dem Prüfstand / Hrsg. R. Jaworski [et al.]. Frankfurt a/M., 2003. S. 8—95.

16. *Erinnerungsorte* der DDR / Hrsg. M. Sabrow. München, 2009.

17. *Fein E.* Geschichtspolitik und Identität. Eine sozialpsychologische (Re)Interpretation russischer Erinnerungskulturen am Beispiel zweier post-sowjetischer Erinnerungsorte // Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. Orte — Akteure — Deutungen / Hg. J. Ganzenmüller, R. Utz. München, 2014. S. 245—306.

18. *Ganzenmüller J., Utz R.* Exkulpation und Identitätsstiftung. Der Gulag in der russischen Erinnerungskultur // Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. S. 1—30.

19. *Garcia P.* Usages publics de l’histoire // Historiographies, II. Concepts et débats / sous la dir. C. Delacroix [et al.]. P., 2010. P. 912—926.

20. *Geschichtspolitik* im erweiterten Ostseeraum und ihre aktuellen Symptome — Historical memory culture in the enlarged Baltic Sea Region and its symptoms today / Hg. O. Rathkolb, I. Sooman. Göttingen, 2011.

21. *Hösler J. A*. Der “Grosse Vaterländische Krieg” in der postsowjetischen Historiographie // Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland / Hgrs. L. Karl, J. Polianski. Göttingen, 2009. P. 237—249.

22. *Hoppe B*. Die Last einer feindlichen Vergangenheit. Königsberg als Erinnerungsort im sowjetischen Kaliningrad // Preussen in Ostmitteleuropa. Geschehensgeschichte und Verstehensgeschichte / Hg. M. Weber. München, 2003. S. 299—311.

23. *Hoppe B*. Königsberg / Kaliningrad im 20. Jahrhundert — Abbruch oder Kontinuität? // 750 Jahre Königsberg. Beiträge zur Geschichte einer Residenzstadt auf Zeit. Marburg, 2008. S. 587—600.

24. *Koziol G*. The politics of memory and identity in Carolingian royal diplomas: the West Frankish Kingdom (840—987). Turnhout, 2012.

25. *Kurilo O*. Wandel der Erinnerungslandschaften im heutigen Russland: zwischen sowjetischem und postsowjetischem Denken // Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland. S. 141—162.

26. *Landschaften* der Erinnerung. Flucht und Vertreibung aus deutscher, polnischer und tschechischer Sicht / Hg. E. Mehnert. Frankfurt a/M., 2001.

27. *Leggewie C*. Europas geteilte Geschichte. Am Beispiel des Erinnerungskonflikts um “Aljo scha” // Erinnerungsorte: Chancen, Grenzen und Perspektiven eines Erfolgskonzeptes in den Kulturwissenschaften / Hg. S. Berger, J. Seiffert. Essen, 2014. S. 229—246.

28. *Les lieux* de mémoire / sous la dir. P. Nora. P., 1997. T. 1—3.

29. *Majerus B*. The “lieux de mémoire”: a place of remembrance for European historians? // Erinnerungsorte: Chancen, Grenzen und Perspektiven eines Erfolgskonzeptes in den Kulturwissenschaften. S. 117—130.

30. *McIvor M. C.* Soviet policy towards the new territories of the RSFSR, circa 1939 to 1953: Ph. D thesis. L., 2012.

31. *Pomian K*. “Geteiltes Gedächtnis”: Europas Erinnerungsorte als politisches und kulturelles Phänomen // Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven / Hg. V. Weber et al. München, 2011. S. 27—40.

32. *Sakson A*. Od Kłajpedy do Olsztyna. Wspólsześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury. Poznań, 2011.

33. *Schmid H.* Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Zur Historisierung der Kategorie “Geschichtspolitik” // Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Kollektiven Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis. Göttingen, 2009. S. 53—76.

34. *Sooman I.* Aktuelle historische Konfliktpotentiale im Ostseeraum // Geschichtspolitik im erweiterten Ostseeraum und ihre aktuellen Symptome. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven / Hg. V. Weber et al. München, 2011. S. 11—29.

35. *The Politics* of Memory in Postwar Europe / ed. R. N. Lebow. Duke, 1986.

36. *Traba R*. Zwischen “Bollwerk” und “Heimatmuseum”. Zu ostpreussischen Erinnerungsorten // Preussen in Ostmitteleuropa. S. 283—295.

37. *Transnationale* Erinnerungsorte: Nord- und südeuropäische Perspektiven / Hrsg. B. Henningsen [et al.]. Berlin, 2009.

38. *Transnationale* Gedächtnisorte in Zentraleuropa / Hrsg. J. Le Rider [et al.]. Wien; München; Bozen, 2002.

39. *Troebst S*. Geschichtspolitik. Politikfeld, Analyserahmen, Streitobjekt // Geschichtspolitik in Europa seit 1989. Deutschland, Frankreich und Polen im internationalen Vergleich. Göttingen, 2013. S. 15—34.

40. *Uhl H*. Kultur, Politik, Palimpsest. Thesen zu Gedächtnis und Gesellschaft am Beginn des 21. Jahrhunderts // Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. S. 37—52.

41. *Vitkus H*. Mažoji Lietuva kaip lietuvių atminties vieta: teorinis modelis // Daugiareikšmės tapatybės tarpuerdvėse: Rytų Prūsijos atvejis XIX—XX amžiais. Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Klaipėda, 2011. T. 23. S. 203—233.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

A 'DIVIDED HISTORY': THE POLITICS OF MEMORY ON THE TERRITORY OF THE FORMER EAST PRUSSIA IN THE LIGHT OF CURRENT DISCUSSIONS

I. Dementyev*

**Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia.

Submitted September on 07, 2015

In the humanities and social sciences, the politics of memory and related culture of remembrance increase their significance, affecting legislation, historiography, and political science. This article aims to present key approaches to studying the politics of memory and employ them to the analysis of the politics of memory on the territory of the former German province of East Prussia. The author shows different research perspectives on the key concepts of memory studies. Some researchers identify the notion of the 'politics of memory' with that of the 'politics of history', while others distinguish between them. The author evaluates the effects of using the category of 'memory sites'. Applying the method of historiographical analysis, the author examines similarities of and differences between approaches to the politics of history and the politics of memory. The author evaluates the effects of using the notions of 'memory sites' and 'memory conflicts' in the Baltic Region states, and reviews recent works of historians and political scientists on the changes in the culture of remembrance in Russia in general and the Kaliningrad region in particular during the Soviet and post-Soviet periods. Modern historiography is used as an example to demonstrate that 'memory sites' and the 'politics of history' are the most relevant concepts in the study of the culture of remembrance and identity, whereas a comparative analysis proves to be effective for the identification of the main features of the politics of memory on the territory of the former East Prussia.

Key words: East Prussia, politics of history, Kaliningrad region, politics of memory

References

1. Assmann, A. 2014, *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [The Long Shadow of the Past: The memorial culture and historical policy], Moscow.

2. Assmann, Ya. 2004, Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory: Letter, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity], Moscow.

3. Gudkov, L. 2005, «Pamjat'» o vojne i massovaja identichnost' rossijan ["Memory" of the war and the mass identity of Russians]. In: *Pamjat' o vojne 60 let spustja: Rossija, Germanija, Evropa* [The memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe], Moscow, p. 83—103.

4. Judt, T. 2011 , «Mesta pamjati» P'era Nora: Ch'i mesta? Ch'ja pamjat'? ["Places of Memory" by Pierre Nora: Whose space? Whose memory?]. In: *Imperija i nacija v zerkale istoricheskoj pamjati* [Empire and the nation as a mirror of historical memory], Moscow, p. 45—74.

5. Karpenko, A.M. 2011, «Mesto pamjati» v sisteme politicheskih koordinat: sluchaj Kaliningradskoj oblasti ["Place of memory" in the system of political coordinates: The case of the Kaliningrad region], *Daugiareikšmės tapatybės tarpuerdvėse: Rytų Prūsijos atvejis XIX–XX amžiais. Acta Historica Universitatis Klaipedensis*, T. 23. Klaipėda, p. 234—252.

6. Koposov, N.E. 2011, *Pamjat' strogogo rezhima. Istorija i politika Rossii* [Memory strict regime. Russian History and Politics], Moscow.

7. Malinova, O.Yu. 2015, *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaja politika vlastvujushhej jelity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Contemporary history: symbolic politics of the ruling elite and the dilemma of Russian identity], Moscow.

8. Miller, A.I. 2012, Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI veka [Historical policy in Eastern Europe beginning of the XXI century]. In: *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical policy in the XXI century], Moscow, p. 7—32.

9. *Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 avgusta 2015 goda №1561-r «Ob utverzhdenii koncepcii gosudarstvennoj politiki po uvekovecheniju pamjati zhertv politicheskih repressij»* [Order of the Government of the Russian Federation dated August 15, 2015 №1561-p "On approval of the concept of public policy to perpetuate the memory of victims of political repressions"], 2015, available at: http://government.ru/docs/19296/ (accessed 20.08.2015).

10. Safronovas, V. 2014, Vostochnaja Prussija — nedodelennoe nasledstvo? [East Prussia - unfinished legacy?], *Ab Imperio*, no. 1, p. 205—243.

11. Nora, P. Ozouf, M., de Pyuimezh, J., Vinok, M. (eds.), 1999, *Francija-pamjat'* [France Memory], Saint Petersburg.

12. Schenk, F.B. 2007, *Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamjati: svjatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263—2000)* [Alexander Nevsky Russian cultural memory: saint, the governor, the national hero (1263-2000)], Moscow.

13. Demshuk, A. 2012, *The lost German East. Forced migration and the politics of memory, 1945—1970*, Cambridge.

14. François, E. Schulze, H. 2001, *Deutsche Erinnerungsorte*, München, Bd. 1—3.

15. Engel-Braunschmidt, A. "Im Schatten des Schlosses": Königsberg / Kaliningrad. In: Jaworski, R. [et al.]. (ed.), 2003, *Gedächtnisorte in Osteuropa. Vergangenheiten auf dem Prüfstand*, Frankfurt a/M., p. 8—95.

16. Sabrow, M. (ed.), 2009, *Erinnerungsorte der DDR,* München.

17. Fein, E. 2014, Geschichtspolitik und Identität. Eine sozialpsychologische (Re)Interpretation russischer Erinnerungskulturen am Beispiel zweier post-sowjetischer Erinnerungsorte, In: Ganzenmüller, J., Utz, R. (eds.), *Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. Orte — Akteure — Deutungen*, München, p. 245—306.

18. Ganzenmüller,J., Utz, R. 2014, Exkulpation und Identitätsstiftung. Der Gulag in der russischen Erinnerungskultur. In: *Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung*, p. 1—30.

19. Garcia, P. 2010, Usages publics de l'histoire. In: Delacroix, C. et al [sous la dir.], *Historiographies, II. Concepts et débats*, p. 912—926.

20. Rathkolb, O., Sooman, I. (eds.), 2011, *Geschichtspolitik im erweiterten Ostseeraum und ihre aktuellen Symptome — Historical memory culture in the enlarged Baltic Sea Region and its symptoms today*, Göttingen.

21. Hösler, J.A. 2009, Der "Grosse Vaterländische Krieg" in der postsowjetischen Historiographie. In: Karl, L., Polianski, J. (eds.), *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland*, Göttingen, p. 237—249.

22. Hoppe, B. 2003, Die Last einer feindlichen Vergangenheit. Königsberg als Erinnerungsort im sowjetischen Kaliningrad. In: Weber, M. (ed.), *Preussen in Ostmitteleuropa. Geschehensgeschichte und Verstehensgeschichte*, München, p. 299—311.

23. Hoppe, B. 2008, Königsberg / Kaliningrad im 20. Jahrhundert – Abbruch oder Kontinuität? *750 Jahre Königsberg. Beiträge zur Geschichte einer Residenzstadt auf Zeit*, Marburg, p. 587—600.

24. Koziol, G. 2012, *The politics of memory and identity in Carolingian royal diplomas: the West Frankish Kingdom (840-987)*, Turnhout.

25. Kurilo, O. Wandel der Erinnerungslandschaften im heutigen Russland: zwischen sowjetischem und postsowjetischem Denken. In: *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland*, p. 141—162.

26. Mehnert, E., (ed.), 2001, *Landschaften der Erinnerung. Flucht und Vertreibung aus deutscher, polnischer und tschechischer Sicht*, Frankfurt a/M.

27. Leggewie, C. 2014, Europas geteilte Geschichte. Am Beispiel des Erinnerungskonflikts um "Aljo scha". In: Berger, S., Seiffert, J. (eds.), *Erinnerungsorte: Chancen, Grenzen und Perspektiven eines Erfolgskonzeptes in den Kulturwissenschaften*, Essen, p. 229—246.

28. Nora, P. (ed.), 1997, *Les lieux de mémoir*, T. 1–3.

29. Majerus, B. The "lieux de mémoire": a place of remembrance for European historians?. In: *Erinnerungsorte: Chancen, Grenzen und Perspektiven eines Erfolgskonzeptes in den Kulturwissenschaften*, p. 117—130.

30. McIvor, M.C. 2012, *Soviet policy towards the new territories of the RSFSR, circa 1939 to 1953*, Ph. D thesis.

31. Pomian, K. 2011, "Geteiltes Gedächtnis": Europas Erinnerungsorte als politisches und kulturelles Phänomen. In: Weber, V. et al. *Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven*, München, p. 27—40.

32. Sakson, A. 2011, *Od Kłajpedy do Olsztyna. Wspólsześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury*, Poznań.

33. Schmid, H. 2009, Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Zur Historisierung der Kategorie "Geschichtspolitik". In: *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Kollektiven Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis*, Göttingen, p. 53—76.

34. Sooman, I. 2011, Aktuelle historische Konfliktpotentiale im Ostseeraum. In: Weber, V. et al. (eds.), *Geschichtspolitik im erweiterten Ostseeraum und ihre*

aktuellen Symptome. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven, München, p. 11—29.

35. Lebow, R.N. (ed.), 1986, *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Duke.

36. Traba, R. Zwischen "Bollwerk" und "Heimatmuseum". Zu ostpreussischen Erinnerungsorten. In: *Preussen in Ostmitteleuropa*, p. 283—295.

37. Henningsen, B. et al. (eds.), 2009, *Transnationale Erinnerungsorte: Nord- und südeuropäische Perspektiven*, Berlin.

38. Le Rider, J. et al. (eds.), 2002, T*ransnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa*, Wien ; München ; Bozen.

39. Troebst, S. 2013, Geschichtspolitik. Politikfeld, Analyserahmen, Streitobjekt. In: *Geschichtspolitik in Europa seit 1989. Deutschland, Frankreich und Polen im internationalen Vergleich*, Göttingen, p. 15—34.

40. Uhl H. 2009, Kultur, Politik, Palimpsest. Thesen zu Gedächtnis und Gesellschaft am Beginn des 21. Jahrhunderts. In: Schmid, H. (ed.) *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis*, Göttingen, p. 37–52.

41. Vitkus, H. 2011, Mažoji Lietuva kaip lietuvių atminties vieta: teorinis modelis, Daugiareikšmės tapatybės tarpuerdvėse: Rytų Prūsijos atvejis XIX–XX amžiais, *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*, T. 23, Klaipėda, p. 203—233.

About the author

Dr Ilya Dementyev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

УДК 911.5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Г. М. Федоров*

В. С. Корнеевец*

Актуальность исследования обусловлена важностью приморских регионов для развития экономики страны и обеспечения ее внешнеэкономических связей, а также большими различиями между территориями, требующими учета при проведении региональной политики. Цель работы — установление специфики приморских регионов РФ по сравнению с остальными регионами страны, их типологизация и выявление возможностей и направлений социально-экономического развития. Применены методы теоретической и эмпирической типологизации регионов с использованием теоретических установок, предложенных Дж. Фридманном. Результатом стало выделение пяти социально-экономических типов и ряда подтипов субъектов Российской Федерации и определение принципиальных направлений развития регионов каждого выделенного типа. Полученные предложения могут быть использованы при обосновании региональной политики РФ и ее субъектов.

Ключевые слова: приморский регион, социально-экономическая типология, типы приморских регионов России

Введение

Природные и социально-экономические различия российских регионов чрезвычайно велики. С одной стороны, это выделяет ряд территорий, имеющих большие преимущества перед другими субъектами РФ в уровне освоенности и темпах развития. С другой стороны, существую-

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.07.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-7

© Федоров Г. М., Корнеевец В.С., 2015

щие особенности создают возможности для формирования различной специализации регионов, обладающих разным набором природных и социально-экономических факторов развития.

Большую группу составляют приморские субъекты Российской Федерации. Наличие у них морского побережья создает предпосылки развития связанных с морем видов экономической деятельности — морского транспорта, рыболовства, туризма и рекреации. Но качество этих предпосылках в разных регионах неодинаково. Поэтому для оценки приморского положения как фактора социально-экономического развития регионов необходима их типологизация, учитывающая достигнутый уровень развития связанных с морем видов экономической деятельности и их роль в региональной экономике. На этой основе возможно определение перспектив более полного использования преимуществ приморского положения субъектов РФ для развития их экономики.

В данной статье произведено сравнение приморских и остальных субъектов РФ по состоянию на 2012 г., дана оценка развития связанных с морем видов экономической деятельности и типологизированы приморские регионы, различающиеся важнейшими социально-экономическими характеристиками, намечены некоторые пути развития регионов разных типов.

Сопоставление приморских и внутренних регионов России

Приморские регионы России (под которыми понимаются субъекты РФ, имеющие выход к морю) большей частью расположены на востоке и севере страны, в наименее заселенных ее частях. Занимая более 60% территории, они концентрируют менее четверти населения страны. Пониженная освоенность восточных и северных российских приморских регионов, занимающих наибольшие территории, обусловлена главным образом неблагоприятными климатическими условиями и отчасти их периферийностью по отношению к наиболее заселенным частям России. Их экономика во многом носит сырьевой характер. Вместе с тем в европейской части страны расположен ряд хорошо освоенных приморских регионов, с развитым сельским хозяйством, обрабатывающей промышленностью и сферой услуг.

Из-за унаследованных от СССР особенностей размещения экономики, ориентированной преимущественно на внутренний рынок, приморское положение регионов до сих пор имеет в оценке факторов развития экономики гораздо меньшее значение, чем в большинстве других приморских стран. Это было особенно характерно для нашей страны в советский период развития, что показано нами еще в конце 1980-х гг. [4].

И сейчас приморские регионы, во-первых, не показывают значительного превосходства над остальными в уровне экономического развития: в 2012 г. 21 приморский регион концентрировал 23% населения,

производя 23,7% совокупного ВРП России, то есть в расчете на душу населения лишь на 3% больше. Во-вторых, во внешнеторговых связях они не только не превосходили удаленные от моря регионы страны, но даже уступали им. В 2012 г. на них приходилось 19,1% экспорта и 25% импорта РФ. А отношение внешнеторгового оборота к ВРП всех приморских регионов составляло 46,8% против 53,8% в остальных субъектах страны. Только у четырех приморских регионов этот показатель был выше среднего по РФ (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Сахалинская области). Хотя, казалось бы, именно приморские регионы (поскольку все они являются и приграничными, приближенными к зарубежным торговым партнерам) должны быть больше вовлечены во внешнеэкономическую деятельность. Но высокий удельный вес среди них составляют слабо освоенные северные и восточные регионы, большинство которых недостаточно активны во внешнеэкономической деятельности[1].

В 1990-е гг. численность населения приморских регионов также росла более медленными темпами по сравнению с остальными территориями России. За 1991—2000 гг. количество жителей приморских регионов снизилось на 2,7%, а остальных — на 1,6%.

Лишь в 2000-е гг. по динамике численности населения приморские субъекты РФ вследствие развития в стране рыночных отношений и более активного вхождения России в мировой рынок стали демонстрировать лучшие результаты по сравнению с остальными регионами. Так, хотя в 2000-е гг. динамика численности населения улучшились в регионах обоих типов, приморские имеют несколько более высокие показатели. Население здесь возросло за 2000—2013 гг. на 0,5%, тогда как в остальных регионах сократилось на 1,7%.

Еще более высокими темпами стало увеличиваться производство ВРП в расчете на душу населения. Если в 2000 г. в приморских регионах этот показатель был 97% от среднероссийского уровня, то в 2012 г. — уже 103%. Их доля в производстве совокупного ВРП, составлявшая в 2000 г. 22%, возросла на 1,7 процентных пункта. Позиции 13 приморских регионов из 21 в производстве ВРП в расчете на душу населения по сравнению со среднероссийским показателям улучшились, а ухудшились у 8 регионов.

Таким образом, сравнительная динамика как численности населения, так и производства ВРП приморских и удаленных от моря регионов России приблизилась к характерной для мира в целом, соответствуя преобладающей тенденции концентрации населения в приморской зоне.

[1] Здесь и далее расчеты автора на основе данных: [5; 6]. В связи с отсутствием более поздних данных по производству ВРП в субъектах РФ состав приморских регионов (21 регион) приводится по состоянию на 31.12.2012 г. Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа рассматриваются как отдельные регионы, соответственно Архангельская и Тюменская области — без автономных округов.

Социально-экономические различия развития связанных с морем видов экономической деятельности в приморских регионах России

По своим природным и социально-экономическим характеристикам, динамике экономического развития приморские регионы России существенно различаются. Качественные различия имеются как в разрезе выделяемых в литературе морских бассейнов, так и внутри них.

Наличие морского побережья по-разному сказывается в тех или иных морских бассейнах и субъектах РФ на выполняемых ими народно-хозяйственных функциях. Связаны с побережьем, прежде всего, морской транспорт, рыболовство и рекреационная деятельность.

Распределение морских портов и их грузооборота по морским бассейнам и субъектам РФ отражают данные таблицы 1.

Таблица 1

Морской транспорт по субъектам РФ и морским бассейнам, 2012 г.

Территория	Количество морских портов	Грузооборот, тыс. т		2012 г. в % к 2003 г.	Доля в грузообороте морских портов РФ, 2012 г., %
		2003	2012		
Российская Федерация	62	301559	574430	190	100
Европейская часть РФ	29	235560	430635	183	74,97
Балтийский бассейн	6	76371	207210	271	36,07
г. Санкт-Петербург	1	42039	57814	138	10,06
Ленинградская область	4	21610	136676	632	23,79
Калининградская область	1	12722	12720	100	2,21
Черноморский бассейн	11	126207*	176727	140	30,77
Ростовская область	2	12057*	19607	163	3,41
Краснодарский край	9	114151*	157120	138	27,35
Каспийский бассейн	3	7378	10033	136	1,75
Республика Дагестан	1	3548	6042	170	1,05
Республика Калмыкия	0	…	…	…	…
Астраханская область	2	3829	3990	104	0,69
Арктический бассейн, европейская часть	9	25604	36666	143	6,38
Мурманская область	3	21572	28169	131	4,90
Республика Карелия	0	…	…	…	…
Архангельская область без АО	3	3920	5231	133	0,91
Ненецкий АО	3	112	3266	2929	0,57
Азиатская часть РФ	33	65999	143795	218	25,03
Арктический бассейн, азиатская часть	10	3696	2045	55	0,36
Республика Саха (Якутия)	1	12	358	2914	0,06

Окончание табл. 1

Территория	Количество морских портов	Грузооборот, тыс. т		2012 г. в % к 2003 г.	Доля в грузообороте морских портов РФ, 2012 г., %
		2003	2012		
Красноярский край	4	2947*	1132	38	0,20
Ямало-Ненецкий АО	1	…	…	…	…
Чукотский АО	5	736	554	75	0,10
Тихоокеанский бассейн	22	6234	141751	228	24,68
Приморский край	7	44180	80813	183	14,07
Хабаровский край	4	9817	27997	285	4,87
Магаданская область	1	1006	1347	134	0,23
Сахалинская область	9	5765	29024	503	5,05
Камчатский край	1	1536	2570	167	0,45

* Оценка автора.
Расчеты автора на основе данных: [1].

Как можно заметить из анализа данных таблицы 1, в двух приморских регионах — Республиках Калмыкия и Карелия — морские порты отсутствуют. В европейской части страны расположено 29 морских портов, концентрирующих три четверти грузооборота портов России. Соответственно, на 33 порта азиатской части РФ приходится четверть грузооборота. В 2003—2010 гг. грузооборот портов азиатской части увеличивался быстрее (возрос в 2,2 раза), чем европейской (рост в 1,9 раза). Наибольший прирост на востоке страны — в основном благодаря освоению нефтяных месторождений шельфа Сахалина — обеспечили порты Сахалинской области и Хабаровского края. Значительную часть их грузооборота составляет перевозка грузов между двумя этими регионами, обеспечивающая жизнедеятельность Сахалина. На западе главный прирост дали порты Ленинградской области, обслуживающие (как и все российские порты на Балтике) возросшие внешнеэкономические связи страны. По объему грузооборота порты Балтийского бассейна превысили показатели лидировавших ранее портов Черноморского бассейна.

В восточных регионах РФ лучшие показатели — у портов Приморского края (56% грузооборота), играющих важную роль в обслуживании внешнеэкономических связей Дальнего Востока и Сибири.

Доля рыболовства и рыбоводства в производстве валового внутреннего продукта России в 2005—2012 гг. сократилась с 0,3 до 0,2% вследствие более быстрого развития других видов экономической деятельности (табл. 2). Сокращение произошло во всех основных рыбодобывающих регионах, среди которых по объемам добычи рыбы выделяются субъекты Дальневосточного федерального округа (78,4% общероссийского объема добычи рыбы); на занимающий второе место Северо-Западный федеральный округ приходится 12,2% [6].

Таблица 2

Доля рыболовства и рыбоводства, гостиниц и ресторанов в производстве ВРП субъектов РФ

Территория	Рыболовство и рыбоводство			Гостиницы и рестораны		
	Доля в ВРП, %		Изменение доли, процентные пункты	Доля в ВРП, %		Изменение доли, процентные пункты
	2005	2012		2005	2012	
Российская Федерация	0,3	0,2	–0,1	0,9	1,0	0,1
Европейская часть РФ						
Балтийский бассейн						
г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	1,5	1,4	–0,1
Ленинградская область	0,1	0,1	0,0	0,6	0,7	0,1
Калининградская область	2,2	1,3	–0,9	1,4	0,9	–0,5
Черноморский бассейн						
Ростовская область	0,1	0,1	0,0	1,1	1,4	0,3
Краснодарский край	0,1	0,1	0,0	2,4	2,5	0,1
Каспийский бассейн						
Республика Дагестан	0,1	0,1	0,0	1,6	7,2	5,6
Республика Калмыкия	0,2	0,1	–0,1	0,7	0,7	0,0
Астраханская область	0,7	0,3	–0,4	1,2	1,8	0,6
Арктический бассейн, европейская часть						
Мурманская область	8,2	7,4	–0,8	0,7	1,3	0,6
Республика Карелия	0,7	1,3	0,6	0,6	0,9	0,3
Архангельская область	1,0	1,3	0,3	0,6	0,8	0,2
Ненецкий АО	0,6	0,6	0,0	0,3	0,3	0,0
Азиатская часть РФ						
Арктический бассейн, азиатская часть						
Республика Саха (Якутия)	0,0	0,0	0,0	0,9	0,6	–0,3
Красноярский край	0,0	0,0	0,0	0,8	0,8	0,0
Ямало-Ненецкий АО	0,0	0,0	0,0	0,1	0,6	0,5
Чукотский АО	4,2	1,4	–2,8	0,3	1,2	0,9
Тихоокеанский бассейн						
Приморский край	7,8	4,7	–3,1	1,1	1,0	–0,1
Хабаровский край	1,9	1,2	–0,7	0,8	1,0	0,2
Магаданская область	3,2	3,1	–0,1	0,9	1,1	0,2
Сахалинская область	6,1	2,1	–4,0	0,7	0,6	–0,1
Камчатский край	19,5	13,9	–5,6	1,2	1,2	0,0

Расчеты автора на основе данных: [5; 6].

По роли рыболовства в производстве валового регионального продукта выделяются все приморские субъекты Тихоокеанского бассейна и Чукотский АО, регионы европейской части Арктического бассейна, Калининградская и Астраханская области. В остальных девяти приморских регионах этот вид экономической деятельности дает не более 0,1 % их ВРП.

Только некоторые приморские регионы характеризуются более развитой рекреационной деятельностью по сравнению с внутренними регионами страны. Предполагая, что доля такого вида экономической деятельности, как «гостиницы и рестораны», в определенной мере отражает уровень развития туризма и рекреации, можно констатировать небольшой рост вклада этой сферы в производство совокупного ВРП регионов России (с 0,9 до 1,0 %) (табл. 2). Но лишь в 10 приморских регионов из 21 доля «гостиниц и ресторанов» выше среднероссийской.

Только четыре приморских региона выполняют внешнеторговые функции активнее, чем регионы РФ в среднем (см. рис.) — Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская и Сахалинская области; приближается к среднероссийскому показателю Приморский край. Это отражает тот факт, что внешнеторговые связи РФ в значительно большей мере осуществляются с помощью железнодорожного, автомобильного и трубопроводного транспорта через регионы с сухопутными внешними границами.

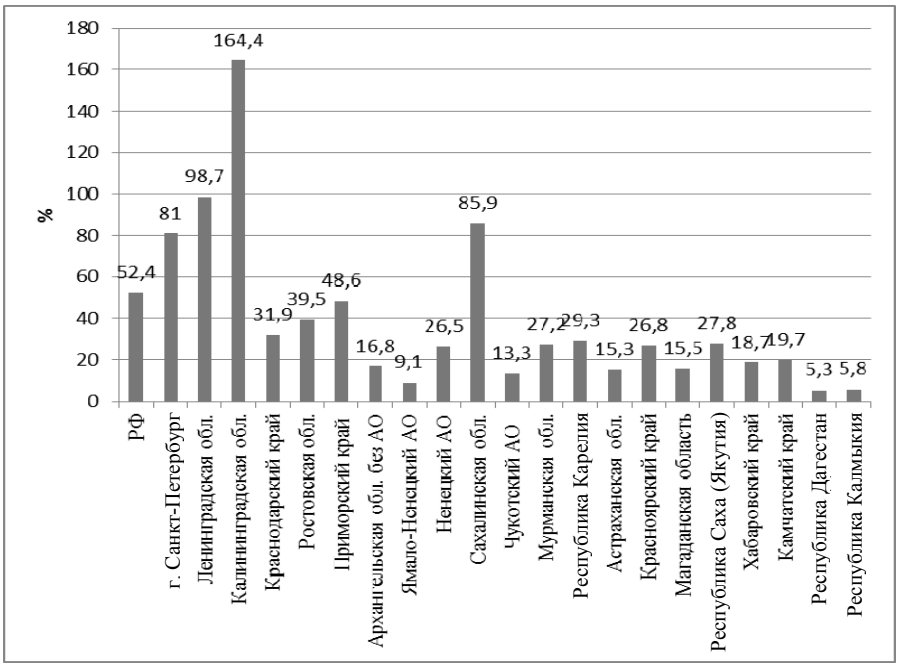


Рис. Отношение внешнеторгового оборота к ВРП, 2012 г., %

На основе данных: [6].

Итак, во многих, но не во всех приморских регионах хорошо развиты виды экономической деятельности, связанные с наличием морского побережья. В большей мере это характерно для ряда субъектов, побережье которых относится к Балтийскому, Черноморскому, Тихоокеанскому бассейнам, а также европейской части Арктического бассейна. В меньшей мере — к регионам Каспийского бассейна и азиатской части Арктического.

Типология приморских субъектов РФ

К настоящему времени разработаны различные подходы к теоретической и эмпирической типологизации регионов. Их подробный обзор представлен в учебном пособии Н. А. Ермаковой и А. Т. Калоевой (2011). Приморские регионы сами по себе представляют теоретически выделенный тип регионов; вторым типом в этой краткой типологии являются внутренние регионы. Но имеющиеся качественные различия территорий внутри приморских регионов дают основании к выделению типов и внутри них, для чего мы будем сочетать методологию как теоретической, так и эмпирической типологизации.

В теоретической типологизации приморских субъектов РФ будем основываться на известной классификации регионов Дж. Фридманна [7]. С ее помощью, опираясь на эмпирические данные, выделим типы и подтипы регионов.

Как известно, Дж. Фридманн называет следующие типы регионов:

— *core regions* — ключевые регионы (регионы роста, регионы-ядра),

— *upward-transition regions* — продвинутые регионы,

— *development corridors* — «коридоры развития»,

— *resource-frontier regions* — сырьевые регионы,

— *downward-transition regions* — отстающие (депрессивные) регионы.

Мы предлагаем дополнить эту классификацию, во-первых, путем расположения регионов — «коридоров развития» между регионами-ядрами не одной (как у Дж. Фридманна), а двух или нескольких стран [3; 8]. Во-вторых, в некоторых случаях регион может содержать признаки двух (и более) типов. В-третьих, мы выделяем подтипы по темпам развития регионов (качественным различиям в динамике ВРП и изменениям численности населения) в период 2000—2012 гг. (табл. 3).

Регионы-ядра, международные «коридоры развития» и продвинутые регионы отличаются повышенными темпами экономического развития.

Тип 1. Санкт-Петербург и Ленинградская область относятся к регионам-ядрам (ключевым регионам, регионам роста), определяющим направления социально-экономического развития страны. Это хорошо освоенные и высокоурбанизированные регионы с высоким уровнем производства ВРП на душу населения, с положительной динамикой численности жителей. Они имеют также признаки регионов — международных коридоров развития, играя большую роль во внешнеэкономических связях страны.

Тип 2. В еще большей мере такие признаки имеет Калининградская область, которая может рассматриваться как зарождающийся международный «коридор развития». Отношение внешнеторгового оборота к ВРП здесь самая высокая среди регионов России и составляет 164,4 %. Темпы развития выше среднероссийских, численность населения возрастает. От регионов-ядер область отличается более низким уровнем производства ВРП на душу населения.

Таблица 3

Важнейшие характеристики приморских субъектов РФ, распределенных по социально-экономическим типам

Территория	Тип (подтип)*	Морской бассейн	Плотность населения, на начало 2014 г., чел. на км^2	Доля городского населения, начало 2014 г., %	ВРП на душу населения, 2012 г., тыс. руб.	Доля добывающих производств в ВРП, 2012 г., %	Отношение внешнеторгового оборота к ВРП, 2012 г., %	Динамика численности населения (на начало года)		Прирост процентного соотношения душевого ВРП региона к сумме ВРП субъектов РФ в 2012 г. по сравнению с 2000 г., пунктов
								2000 г. в % к 1991 г.	2014 г. в % к 2000 г.	
РФ из суммы субъектов	—	—	8,4	74,2	348,6	11,2	52,4	98,2	98,7	0
г. Санкт-Петербург	1, 2	Балтийский	3711	100	459,3	0,1	81,0	93,2	110,1	30,3
Ленинградская обл.	1, 2	Балтийский	21,2	64,9	386,7	1,5	98,7	100,2	105,8	28,9
Калининградская обл.	2	Балтийский	64,1	77,6	278,3	4,8	164,4	107,0	101,5	16,1
Краснодарский край	3,1	Черноморский	72,2	53,9	271,0	0,6	31,9	107,1	107,9	8,7
Ростовская обл.	3.1	Черноморский	42,0	67,8	197,4	1,0	39,5	100,2	97,8	5,6
Приморский край	3.1, 2	Тихоокеанский	11,7	76,7	284,8	1,2	48,6	94,6	89,2	11
Архангельская обл. без АО	3.2	Арктический	2,8	76,7	261,7	1,7	16,8	83,3	95,6	-6
Ямало-Ненецкий АО	4.1	Арктический	0,7	83,9	2211,6	52,0	9,1	100,6	107,1	49
Ненецкий АО	4.1	Арктический	0,3	70,8	3841	71,0	26,5	92,8	81,3	635,5
Сахалинская обл.	4.1	Тихоокеанский	5,6	81,2	1297,9	61,6	85,9	83,4	82,0	231
Чукотский АО	4.1	Арктический	0,1	67,5	960,1	35,2	13,3	49,4	64,6	140,3
Мурманская обл.	4.2	Арктический	5,3	92,7	357,5	16,5	27,2	85,0	77,0	-35,4
Республика Карелия	4.2	Арктический	3,5	79,2	253,8	13,5	29,3	95,9	82,9	-13,3
Астраханская обл.	4.2	Каспийский	20,8	66,7	208,3	19,2	15,3	101,6	100,1	-13,2

Окончание табл. 3

Важнейшие характеристики приморских субъектов РФ, распределенных по социально-экономическим типам

Территория	Тип (подтип)*	Морской бассейн	Плотность населения, на начало 2014 г., чел. на км^2	Доля городского населения, начало 2014 г., %	ВРП на душу населения, 2012 г., тыс. руб.	Доля добывающих производств в ВРП, 2012 г., %	Отношение внешнеторгового оборота к ВРП, 2012 г., %	Динамика численности населения (на начало года)		Прирост процентного соотношения душевого ВРП региона к сумме ВРП субъектов РФ в 2012 г. по сравнению с 2000 г., пунктов
								2000 г. в % к 1991 г.	2014 г. в % к 2000 г.	
Красноярский край	4.2	Арктический	1,2	76,4	419,6	15,2	26,8	96,2	93,5	-45,3
Магаданская область	4.2	Дальневосточный	0,3	95,3	501,1	18,6	15,5	61,9	62,8	15,6
Республика Саха (Якутия)	4.2	Арктический	0,3	65,2	565,5	42,9	27,8	88,1	96,6	-31,8
Хабаровский край	4.2	Тихоокеанский	1,7	81,7	323,4	6,6	18,7	93,0	89,0	-12,1
Камчатский край	4.2	Тихоокеанский	0,7	77,4	396,4	4,4	19,7	81,2	82,3	2,4
Республика Дагестан	5.1	Каспийский	59,5	45,1	128,6	0,6	5,3	115,5	138,4	14,1
Республика Калмыкия	5.2	Каспийский	3,8	44,9	119.2	2,2	5,8	95,4	89,8	-30,7

*1 — регионы-ядра; 2 — международные «коридоры развития», 3 — продвинутые регионы, 4 — сырьевые регионы, 5 — отстающие регионы.

Источники: расчеты автора на основе данных: [5; 6].

Тип 3. К приморским регионам продвинутого типа, хорошо освоенным и среднеурбанизированным (подтип 3.1), относятся Краснодарский и Приморский края (с производством ВРП на душу населения, близким к Калининградской области), Ростовская область (с более низким производством ВРП на душу населения). Население Приморского края сокращается более высокими темпами, чем население РФ, Ростовской области — менее высокими, а Краснодарского края — растет. Эти регионы имеют значительную (но ниже среднего) роль внешнеторговых связей, претендуя (особенно Приморский край) на формирование признаков регионов — международных «коридоров развития».

К подтипу 3.2 отнесена Архангельская область (без Ненецкого АО). Это один из староосвоенных, но слабозаселенных (вследствие менее благоприятных природных условий) приморских регионов СЗФО. Уровень производства ВРП на душу населения здесь такой же, как в большинстве регионов типов 2 и 3, — несколько ниже среднего по РФ. Население сокращается несколько быстрее, чем в среднем по РФ; медленнее растет производство ВРП на душу населения, а темпы роста ВРП близки к среднероссийским.

Тип 4. Из приморских регионов 12 относятся к сырьевым. Здесь повышена доля добывающих производств в ВРП. Численность населения сокращается более высокими темпами по сравнению со средними по РФ. Сырьевые приморские регионы расположены в зонах с неблагоприятными природными условиями, а потому представляют собой менее освоенные территории с низкой плотностью населения и высокой степенью урбанизации. Регионы подтипа 4.1 (три из четырех из них — нефте- и газодобывающие) отличаются высокими темпами роста ВРП. Подтип 4.2 характеризуется более низкими, чем в среднем по РФ, темпами роста ВРП, что является признаком, характерным для депрессивных регионов.

Тип 5. Депрессивные аграрные регионы с низкой урбанизированностью, низким уровнем производства ВРП на душу населения, слабым развитием внешнеэкономических связей:

5.1 — с ростом численности населения и повышенными темпами увеличения ВРП на душу населения — Дагестан;

5.2 — с более значительным, по сравнению с РФ, сокращением населения, с более медленными темпами роста ВРП на душу населения — Калмыкия.

Заключение

Современные типы приморских регионов РФ формировались в течение длительного времени и достаточно устойчивы. На их специализации распад Советского Союза сказался в меньшей мере, чем на ставшие после этого приграничными регионы, не имеющие выхода к морю. Но в некоторых случаях сложившаяся ранее специализация усилилась, как это произошло в Ленинградской области, где сооружен ряд новых

портов в связи с тем, что порты Прибалтики, обрабатывавшие в СССР десятки миллионов тонн транзитных грузов в год, стали зарубежными. Значительные изменения для экономики Ненецкого АО и Сахалинской области вызвало начало добычи нефти на шельфе; возросла добыча газа на приморском севере Ямало-Ненецкого АО. Особый случай — Калининградская область, где произошла кардинальная перестройка экономики вследствие превращения региона в эксклав.

Наиболее экономически развитые и освоенные, развивающиеся повышенными темпами регионы расположены в Балтийском и Черноморском бассейнах. Эти субъекты РФ, особенно относящиеся к Балтийскому бассейну, приближаются к типу регионов — международных «коридоров развития». Этому процессу способствуют неизбежное усиление участия России в международном территориальном разделении труда и развитие экономических связей с соседними странами. Одновременно, по крайней мере, часть этих регионов, хотя и расположенных на периферии европейской части страны, усиливает функции регионов-ядер. На Тихом океане подобные процессы происходят в Приморском крае.

Самая сложная социально-экономическая ситуация, даже несмотря на продолжающийся рост производства, сложилась в большинстве сырьевых северных регионов. Необходимы большие капитальные и текущие затраты государства на их жизнеобеспечение, на содержание и воспроизводство социальной инфраструктуры. Индикатором сложности ситуации служат даже не пониженные темпы роста ВРП, а резкое сокращение численности населения вследствие интенсивного миграционного оттока (в условиях обычного для страны суженного воспроизводства населения).

Две республики типа 5 — Дагестан и Калмыкия — отстают в экономическом развитии, при этом резко различаются между собой и режимом естественного воспроизводства, и темпами роста ВРП. Однако они имеют и общую проблему: трудности развития обрабатывающих производств, в том числе в связи с отсутствием ориентации местного населения на занятость в данной сфере.

Выявленные качественные различия регионов, объединенных в социально-экономические типы, обусловливают необходимость дифференцированной региональной политики государства, направленной на создание благоприятных условий развития видов экономической деятельности и производств, наиболее соответствующих природным и социально-экономическим условиям региона.

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»).

Список литературы

1. *Единая* государственная система информации об обстановке в Мировом океане. URL: http://www.russianports.ru/ (дата обращения: 15.07.2015).

2. *Ермакова Н.А., Калоева А.Т.* Типологии регионов для целей региональной политики : учеб. пособ. СПб., 2011.

3. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004.

4. *Покшишевский В.В., Федоров Г.М.* Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // География океана: теория, практика, проблемы. Л., 1988. С. 148—161.

5. *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2002. М., 2003.

6. *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2014. М., 2015.

7. *Friedmann J.* A general theory of polarized development. Ford Foundation. Urban and Regional Development Advisory Program in Chile. Santiago, 1967.

8. *Klemeshev A., Fedorov G.* From an isolated exclave — to a "development corridor". Alternative development strategies of the Russian exclave on the Baltic Sea. Kaliningrad, 2005.

Об авторах

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

Валентин Сергеевич Корнеевец, доктор географических наук, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IVKorneevets@kantiana.ru

SOCIOECONOMIC TYPOLOGY OF RUSSIA'S COASTAL REGIONS

G. Fedorov*, V. Korneevets*

**Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on July 20, 2015

The relevance of this study stems from the importance of Russia's coastal regions for the development of the national economy and foreign economic ties. There are significant differences between coastal regions, which should be taken into account when devising a regional development policy. The article aims to identify specific features of Russia's coastal regions, compare them with other national regions, provide a typology of them, and identify possibilities and areas of their socioeconomic development. The author employs theoretical and empirical methods of clas-

sifying regions within J. Friedmann's theoretical framework. The article distinguishes between five socioeconomic types and a number of subtypes of Russian regions and identifies key areas of development for each types. The author's conclusions can be used for formulating the regional policy of Russia and development policies of its regions.

Key words: coastal regions, socioeconomic typology, types of Russia's coastal regions

References

1. *Edinaja gosudarstvennaja sistema informacii ob obstanovke v Mirovom okeane* [Unified state system of information on the world's oceans], 2015, available at: http://www.russianports.ru/ (accessed 15.07.2015).

2. Ermakova, N. A., Kaloeva, A. T. 2011, Tipologii regionov dlja celej regional'noj politiki [Typology of regions for the purpose of regional policy], St. Petersburg, 65 p.

3. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. 2004, *Ot izolirovannogo jeksklava – k «koridoru razvitija». Al'ternativy rossijskogo jeksklava na Baltike* [From an isolated enclave - a "development corridor". Alternatives to the Russian exclave on the Baltic Sea], Kaliningrad, 253 p.

4. Pokshishevsky, V. V., Fedorov, G. M. 1988, Osnovy geografii naselenija i rasselenija v predelah Mirovogo okeana [Basics of geography and population resettlement within the world's oceans]. In: *Geografija okeana: teorija, praktika, problemy* [Ocean Geography: theory, practice, problems], Leningrad, p. 148-161.

5. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2002* [Regions of Russia. Socio-economic indicators in 2002], Moscow, Rosstat , 863 p.

6. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2014* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2014], Moscow, Rosstat , 900 p.

7. Friedmann, J. 1967, *A general theory of polarized development*, Ford Foundation, Urban and Regional Development Advisory Program in Chile.

8. Klemeshev, A., Fedorov, G. 2005, *From an isolated exclave – to a "development corridor". Alternative development strategies of the Russian exclave on the Baltic Sea*, Kaliningrad, 194 p.

About the authors

Prof Gennady Fedorov, Director of the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

Prof Valentin Korneevets, Professor of the Department of Sociocultural Service and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: IVKorneevets@kantiana.ru

УДК 911.9

РОЛЬ МЕСТНОГО ПРИГРАНИЧНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РАЗВИТИИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

О.Н. Болычев*

И.С. Гуменюк**

Т.Ю. Кузнецова**

Проанализированы итоги трехлетней реализации механизма МПП, действующего в рамках Соглашения о местном приграничном передвижении между Польшей и Россией. Анализ показал его практическую пользу в развитии разностороннего сотрудничества Калининградской области и приграничных (Поморского и Варминьско-Мазурского) воеводствам Польши.

Говоря о розничной торговле как структурном элементе экономики, можно констатировать принципиально различающееся влияние МПП на развитие этого сектора в Калининградской области и в соседних воеводствах Польши.

В рамках данной публикации произведена оценка роли МПП в развитии розничной торговли в Калининградской области и приграничных воеводствах Республики Польша, а также сформулирован соответствующий прогноз развития розничной торговли с учетом изменения геополитической ситуации и корректировки курса национальных валют в конце 2014 г. Основываясь на анализе статистической и аналитической информации, авторы приходят к выводу, что положительное влияние МПП превосходит те негативные эффекты, которые создает режим для различных секторов экономики приграничных регионов, в том числе и для розничной торговли.

Ключевые слова: розничная торговля, приграничное сотрудничество, местное приграничное передвижение, Калининградская область, приграничные воеводства Республики Польша

Согласно классической центр-периферийной модели Дж. Фридмана [24], приграничные регионы любого государства в полной мере можно отнести к регионам периферийного типа, то есть территориям, максимально удаленным от эконо-

* Центр региональных исследований. 236013, Россия, Калининград, ул. Стекольная, 39

** Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 15.06.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-8

© Болычев О.Н., Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю., 2015

мического центра и его потенциала. В национальном пространстве уровень социально-экономического развития периферийных территорий всегда оказывается ниже среднего по стране, а сами эти регионы будут нуждаться в постоянной поддержке со стороны центра (финансовой, технологической и пр.). Одним из основных инструментов преодоления внутригосударственного периферийного положения для приграничных регионов выступает механизм развития приграничного сотрудничества, в результате чего в зоне примыкания двух национальных периферийных территорий с течением времени может сформироваться трансграничный экономический центр, который в наднациональном пространстве выступит состоятельным экономическим ядром. Важным критерием развития приграничного сотрудничества является социально-экономический уровень двух соседствующих территорий. При этом оба региона должны обладать сопоставимым уровнем социально-экономического развития, и он должен быть относительно высоким (в противном случае процесс экономического развития будет происходить крайне медленно).

Приграничное сотрудничество, начинаясь с локальных социальных и экономических контактов, постепенно эволюционирует в устойчивую разветвленную сетевую форму, которая, в свою очередь, ведет к формированию трансграничных форм пространственной организации экономики (например, еврорегионы, «треугольники роста», промышленные дистрикты, трансграничные кластеры и т. д.). В отечественной науке сложилось несколько независимых направлений изучения приграничного сотрудничества как механизма социально-экономического развития приграничных регионов, разделяемых по территории исследования. Так, под руководством П. Я. Бакланова [15] изучаются приграничные регионы Дальнего Востока России. Граница РФ со странами СНГ, в особенности российско-украинское и российско-белорусское пограничье, исследуется под руководством Л. Б. Вардомского и В. А. Колосова [16; 20]. Приграничное сотрудничество российских территорий в Балтийском регионе изучается в Санкт-Петербурге [9; 10] и Калининграде [21].

До начала 2015 г. в приграничном сотрудничестве Калининградской области с соседними странами ЕС наблюдался процесс активного формирования его сетевой модели, в которой ключевыми элементами выступали уже не отдельные социальные группы, а хозяйствующие субъекты приграничных регионов, стремящиеся к разветвленной устойчивой сетевой форме сотрудничества. Одним из инструментов его активизации стал механизм местного приграничного передвижения между Республикой Польша и Российской Федерацией, вступивший в силу 27 июля 2012 г. Данный договор стал не просто успехом в отношениях между Россией и Европейским союзом — он уникален для самого ЕС. Существовавший на тот момент Регламент ЕС № 1931/2206 [18] разрешал подписывать соглашения о МПП между государством — членом ЕС и его соседями (не членами Евросоюза), при этом зона действия соглашения не могла превышать 30 км, а в некоторых случаях

50 км вглубь территории каждого государства. До подписания российско-польского договора на восточной границе ЕС функционировало семь двухсторонних соглашений о МПП: три соглашения с Украиной (соглашения подписаны с Венгрией, Польшей и Словакией), два с Россией (Норвегия[1], Латвия) одно между Молдавией и Румынией, одно между Беларусью и Латвией[2]. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Польша потребовало изменения данного Регламента, так как по обоюдному согласию сторон зона действия режима МПП была распространена на всю территорию Калининградской области и соответствующую по размерам территорию соседних с ней воеводств Республики Польша[3].

Режим местного приграничного передвижения как инструмент сотрудничества между странами ЕС и граничащими с ними государствами возник в качестве меры по смягчению барьерной функции внешней границы Европейского союза. Механизм МПП в большей степени ориентируется на население приграничных регионов (задача — поддержание локальных социальных контактов по обе стороны границы), нежели на хозяйствующие субъекты данных территорий.

Соглашение между Россией и Польшей функционирует уже более трех лет, что позволяет проводить оценки его влияния на различные сектора экономики и социальные сферы приграничных регионов этих стран. Качественные исследования оценки роли МПП в развитии приграничных регионов проводились за этот период в основном польской стороной [6; 19; 25], в то время как в России подобные исследования в должном объеме отсутствуют, и лишь недавно появилось несколько российских публикаций по данной тематике [1; 7; 8].

За последние пять лет объем взаимных передвижений на российско-польской государственной границе неуклонно возрастал, а с введением в 2012 г. режима МПП рост стал еще более интенсивным (рис. 1). Если в 2010 г. суммарно границу пересекли 1451,5 тыс. человек, то по итогам 2012 г. эта цифра составляла уже 4073,1 тыс. человек, а по итогам

[1] Норвегия не является членом ЕС, но она — в полной мере неотъемлемый элемент единого европейского пространства, что дает основание учитывать соглашение о МПП между Россией и Норвегией в данном контексте.

[2] В настоящее время двухсторонний договор о введении режима МПП у Республики Беларусь подписан не только с Латвией, но и с Литвой и Польшей. Однако функционирует только договор с Латвией. По мнению белорусских экспертов, вступление в силу соглашений с Литвой и Польшей белорусская сторона искусственно затягивает уже около двух лет. Все законодательные процедуры выполнены, кроме одной — Беларусь не направляет дипломатическую ноту о готовности запустить соглашение [3; 17].

[3] С польской стороны зона действия МПП охватывает ряд повятов двух воеводств: Варминьско-Мазурского воеводства (города Эльблонг и Ольштын, а также повяты Эльблонгский, Браневский, Лидзбаркский, Бартошицкий, Ольштынский, Кентшинский, Мронговский, Венгожевский, Гижицкий, Голдапский, Олецкий) и Поморского воеводства (города Гданьск, Гдыня, Сопот и повяты Гданьский, Новодворский, Мальборкский).

2014-го — 6565,3 тыс. человек. То есть интенсивность пересечения границы выросла в 1,5 раза, если сравнивать показатели 2014 и 2012 гг., и в 4,5 раза, если сравнивать 2014 и 2010 гг.

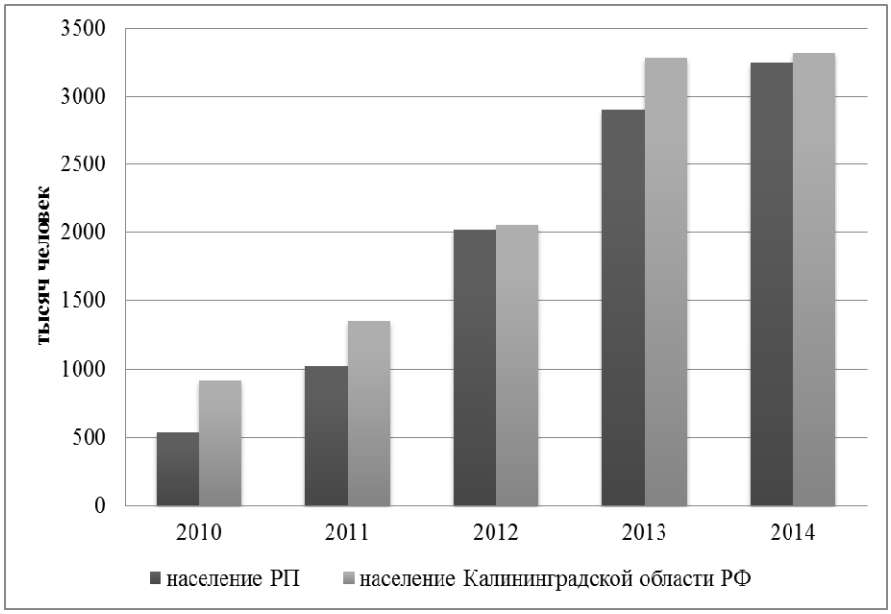


Рис. 1. Число пересечений российско-польской государственной границы в 2010—2014 гг.

Источник: по данным [14].

При сохранении объемов взаимных пересечений границы по визе именно режим МПП позволил значительно увеличить соответствующие итоговые показатели. Если в 2012 г. в режиме МПП государственную границу пересекли всего 53,9 тыс. человек (107,8 тыс. пересечений), то уже по итогам 2014 г. количество таких пересечений возросло до 4,7 млн человек (табл. 1).

Таблица 1

Число пересечений (тыс. человек) российско-польской государственной границы в формате МПП в 2013—2014 гг.

Год	Всего	Население Республики Польша	Население Калининградской области РФ
2012	107,8	80,5	27,2
2013	3500	2342	1158
2014	4700	3025	1675,1

Источник: [12; 14].

При этом режимом МПП чаще пользуется польское население, хотя его популярность среди жителей нашего региона неуклонно растет (если

по итогам 2012 г. соотношение составляло 80 на 20 в пользу польских граждан, то в 2014 г. оно было уже 65 поляков на 35 русских. Популярность механизма местного приграничного передвижения среди населения приграничных регионов России и Польши подтверждается тем фактом, что при максимальной численности способных воспользоваться соглашением о МПП в 2,8 млн человек (из которых около 941 500 с российской стороны и 1 900 000 с польской) по итогам 2014 г. им воспользовались более 2,3 млн человек[4].

Возвращаясь к роли МПП в расширении розничной торговли приграничных регионов, необходимо предварительно оценить темпы развития данного сектора экономики на исследуемых территориях. Согласно данным официальных органов статистики, оборот розничной торговли в Калининградской области, как и в России в целом, начиная с 2009 г. неуклонно возрастал и в абсолютных, и в относительных значениях (табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Оборот розничной торговли (млрд рублей) в Калининградской области и РФ в целом

Регион	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Калининградская область	76,2	85,9	90,5	100,8	109,3	118,0
Россия в целом	13944,1	14599,1	16512	19104,3	21394,5	23685,9

Источник: [13].

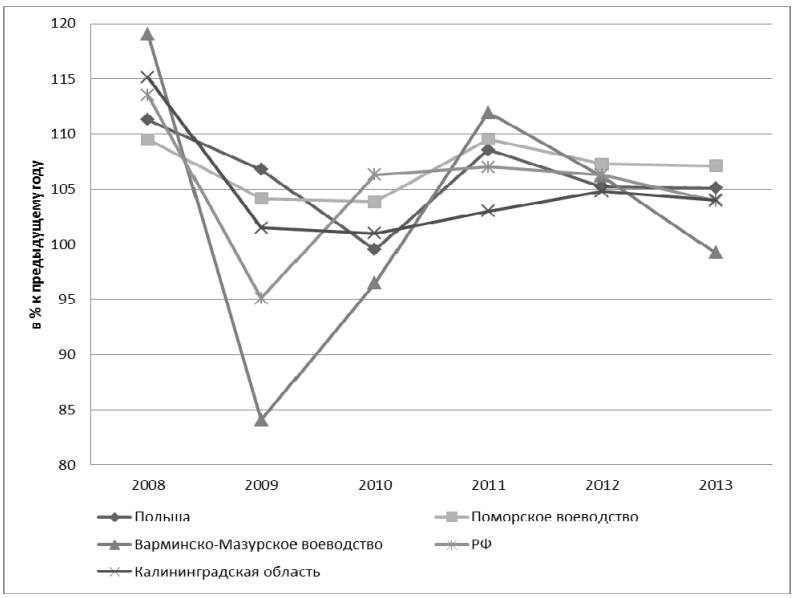


Рис. 2. Годовые темпы изменения оборота розничной торговли (в сопоставимых цена), в % к предыдущему году

Составлено по: [13; 23].

[4] Речь идет не об уникальных пользователях, а об общем количестве человек.

Динамика оборота розничной торговли в приграничных воеводствах Республики Польша, как и в целом в стране, была неустойчивой (табл. 3, рис. 2)

Таблица 3

Оборот розничной торговли (в млн польских злотых) в Поморском и Варминьско-Мазурском воеводствах

Регион	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Поморское воеводство	23083,71	25274,69	26320,96	27329,93	29932,12	32111,28
Варминьско-Мазурское воеводство	11534,55	13727,97	11538,58	11132,44	12458,39	13227,87
Польша в целом	482822,7	537264,5	573597,1	570701,1	619489,1	651873,3

Источник: [23].

Темпы изменения оборота розничной торговли в Калининградской области и соседних с нею воеводствах Польши имели разную тенденцию. Наибольшую стабильность за исследуемый период имели показатели Поморского воеводства, где наблюдался постоянный прирост оборота розничной торговли (при этом темпы прироста постепенно падали, за исключением 2011 г.). Схожая картина и в Калининградской области: здесь темпы пророста были более скромными, чем в соседнем воеводстве, а тенденция к их снижению наметилась в 2012 г. Для Варминьско-Мазурского воеводства характерна наибольшая амплитуда колебания: резкие падения сменялись здесь не менее резким ростом годового оборота розничной торговли.

Другим важным показателем оценки уровня развития розничной торговли является ее оборот в расчете на одного жителя. Для возможности межстранового сопоставления этих показателей значения для польских территорий были переведены с польского злотого в российский рубль по среднегодовому курсу (табл. 4).

Таблица 4

Оборот розничной торговли (в фактических ценах) в расчете на душу населения, в рублях

Регион	2010	2011	2012	2013
Калининградская область	96 162	107 127	115 464	123 651
Поморское воеводство	128 801	136 970	138 339	148 658
Варминьско-Мазурское воеводство	81 926	89 430	89 756	89 812
Россия в целом	115 584	133 722	147 553	165 234
Польша в целом	158 568	167 710	166 658	176 299

Рассчитано по: [13; 23].

Оборот розничной торговли в Калининградской области в расчете на душу населения в сравнении с соседними польскими регионами имел более высокие темпы прироста, и если в 2010 г. соответствующие показатели региона были в целом сопоставимы с уровнем Варминьско-Мазурского воеводства, то уже к 2013 г. они стали сопоставимы с Поморским воеводством. На уровне стран также четко прослеживается тенденция значительного роста показателя в России и его приближения к польскому, при этом последний за весь рассматриваемый период характеризовался незначительным ростом.

В целом представленные данные можно считать доказательством динамичного развития розничной торговли как в России, так и в Калининградской области (этот сектор экономики страны, как и в Бразилии, считался в последние годы самым динамично растущим среди всех государств мира). К 2013 г. Калининградская область достигла показателей соседних регионов Польши, входя в 2014 г. в режиме скромных ожиданий, так как темпы роста снижались, оставаясь при этом положительными, а сама отрасль существовала в условиях возрастающей конкуренции со стороны Литвы и Польши.

Далее произведем оценку влияния местного приграничного передвижения и в целом фактора приграничного положения Калининградской области на развитие здесь розничной торговли, используя показатели российско-польского взаимного пересечения границы.

В польских исследованиях, о которых упоминалось выше, имеются подсчеты совокупных расходов граждан, пересекавших российско-польскую границу в период с 2010 г. по I полугодие 2013-го. Эти данные (переведенные в российские рубли по среднегодовому курсу) представлены в таблице 5.

Таблица 5

Совокупные расходы (в рублях) граждан, пересекавших российско-польскую границу с 2010 г. до I полугодия 2013 г.

Показатель	2010	2011	2012	2013 (I полугодие)
Калининградцы в Польше	1019,7	1880	3164,4	2356,2
Поляки в Калининградской области	463,5	1 136	2 663,8	1 817,6

Источник: [19].

С 2010 по 2013 г. совокупные взаимные расходы граждан за все время пребывания в соседних регионах неуклонно возрастали. При этом если расходы калининградцев в Польше выросли за три года в три раза, то расходы польских граждан в Калининградской области выросли практически в пять раз. И если в 2010 г. совокупные расходы калининградцев в сравнении с поляками были в два раза выше, то по итогам I полугодия 2013 г. этот показатель существенно выровнялся (расходы калининградцев превышали аналогичные расходы жителей Польши лишь на 15%).

На основе данных таблицы 5 и показателей числа пересечений государственной границы (см. рис. 1) можно рассчитать среднегодовой объем расходов одного человека во время его пребывания за границей (рис. 3).

Рис. 3. Средний размер расходов одного человека, пересекавшего российско-польскую границу с 2012 г. по II полугодие 2013 г.

Источник: собственные расчеты авторов.

Из рисунка 3 видно, что средний объем расходов, приходящихся на одного польского жителя во время пребывания в Калининградской области, и жителя эксклавного региона во время нахождения в Республике Польша, имеют разнонаправленные векторы изменений. Так, расходы калининградцев в целом стабильны и скорее имеют тенденцию к снижению (с учетом пусть и небольшой, но существующей инфляции в Польше реальные расходы жителей Калининградской области в этой стране снижаются). В то же самое время расходы польских граждан в нашем регионе каждый год неуклонно возрастали, что — даже с учетом высоких показателей инфляции в России в сравнении с польскими — свидетельствует о повышении привлекательности Калининградской области для жителей соседних регионов Республики Польша в качестве места приобретения товаров, работ и услуг. И если по итогам первого полугодия 2013 г. калининградцы в Польше тратили всё еще больше, чем жители Польши в Калининградской области, то (по неподтверждённым данным) по итогам 2014 г. поляки по этому показателю догнали калининградцев, а в 2015 г. расходы польских граждан могут превысить расходы жителей нашего региона.

Возвращаясь к оценке потерь региональных отраслей розничной торговли от «вымывания» денежных средств в регионы приграничных стран, целесообразно сопоставить совокупный расход граждан во время поездок через российско-польскую государственную границу с оборотами розничной торговли соответствующих регионов. Так, в 2012 г. жители Калининградской области в приграничных регионах Республики Польша потратили на приобретение товаров, работ и услуг около 333 млн польских злотых. При этом, например, оборот розничной торговли за этот период Варминьско-Мазурского воеводства составил 13 717 млн польских злотых.

Таким образом, «вклад» жителей Калининградского региона в не самое экономически развитое воеводство Польши составил всего 2,5% (несомненно, расходы калининградцев не ограничились только одним воеводством). В то же время совокупные расходы жителей Польши в Калининградской области в 2012 г. были 280,4 млн злотых, что в переводе по среднегодовому курсу рубля к польскому злотому составило около 2 663 млн рублей — также примерно 2,4% от общего оборота розничной торговли региона, который в 2012 г. был 109 300 млн рублей.

Если предположить, что средний уровень расходов при посещении заграничных территорий как калининградцев, так и жителей Польши за весь 2013 и 2014 гг. был сопоставим с уровнем первого полугодия 2013 г., то результат простых математических расчетов показывает, что «вклад» жителей приграничных регионов в оборот розничной торговли соседнего государства и для Калининградской области, и для воеводств Польши не превышал 5% ни в 2013-м, ни в 2014 г.

Проведенное нами исследование, конечно, не в полной мере раскрывает влияние механизма МПП на развитие розничной торговли в приграничных регионах. Это влияние значительно многообразнее и требует не только детального изучения данных о числе взаимных пресечений, но и понимания специфики пребывания граждан на приграничных территориях, анализа целей и задач, которыми руководствуются жители Калининградской области и соседних воеводств Польши, используя механизм МПП для поездок в соседний приграничный регион. Например, для жителей Калининградской области одним из мотивов поездки в приграничные регионы Польши стал так называемый «шоп-тур» (приобретение продовольственных и непродовольственных товаров, в первую очередь бытовой техники и электроники, строительных материалов и пр.), в результате которого прибыль получают польские торговые сети, а не калининградские. В то же время ключевым мотивом поездок в Калининградскую область для польских граждан долгое время оставалась низкая цена на бензин, а также табачную продукцию, да и география пребывания большей части поляков на территории нашего региона ограничивалась 10 км от государственной границы, где они приобретали всю необходимую для них продукцию. При этом в выигрыше были калининградские сети АЗС, в то время как соответствующие польские компании терпели убытки. Таким образом, формируется картина, при которой в российском регионе от действия МПП выигрывают одни предприятия розничной торговли, но проигрывают другие, что зеркально повторяется в приграничных воеводствах Польши.

Кроме того, еще одним негативным для российских предприятий розничной торговли следствием режима МПП стало появление так называемых *автолавок*: некоторые калининградцы закупают в Польше продукты питания и непродовольственные товары в небольших объемах, но не для личного потребления, а с целью дальнейшей перепродажи (как правило, торговля ведется непосредственно из автомобиля, что и дало название данному феномену). В результате розничные торговые сети Калининградской области теряют часть прибыли, которая, по сути, оказывается у польских предприятий (пусть и опосредованно, через автолавки).

Несмотря на существующие отрицательные экономические последствия (качественную оценку которых в полной мере еще предстоит произвести) для предприятий розничной сети региона от существующего механизма МПП, приведённые нами цифры позволяют резюмировать, что этот масштаб потерь не столь значителен (менее 5 % от оборота розничной сети области) и частично компенсируется расходами польских граждан во время их пребывания в нашем регионе. И если до корректировки курса российского рубля к евро (а значит, и польскому злотому) интерес польских граждан ограничивался весьма скромным набором товаров (табачная продукция и бензин), то с конца 2014 г. многие продовольственные товары регионального рынка стали привлекать наших польских соседей — в первую очередь благодаря своей цене (которая по некоторым позициям была ниже, чем в Польше) и сопоставимому с польским качеством продукции.

Ключевым выводом данного исследования стоит признать тот факт, что функционирующий без малого три года механизм местного приграничного передвижения положительно сказывается на развитии социальных контактов между нашими странами, дает несомненную экономическую выгоду населению обоих государств. При этом прямой отрицательный экономический эффект для некоторых региональных хозяйствующих субъектов не так велик, чтобы именно в механизме МПП видеть главную угрозу для эффективного их функционирования. В существующих с конца 2014 г. сложных финансово-экономических условиях региональная сеть розничной торговли от действующего механизма МПП может иметь положительный эффект — при условии, что предприятия этой сети сумеют грамотно воспользоваться новыми возможностями, которые появляются при любом финансово-экономическом кризисе.

Список литературы

1. *Анисевич Р., Пальмовский Т., Драгилева И. И.* Влияние местного приграничного передвижения на развитие трансграничного туризма между Республикой Польша и Калининградской областью Российской Федерации // Наука и туризм: стратегия взаимодействия. Барнаул, 2013. С. 65—73.

2. *Вклад* калининградцев в польскую экономику растет // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/news/503090.html (дата обращения: 12.05.2015).

3. *Дождутся* ли белорусы смягчения визового режима с ЕС // Аналитический портал о Германии, России, Европе и мире. URL: http://www.dw.de/a-17740616 (дата обращения: 12.05.2015).

4. *Дружим* домами? В Польше подвели итоги двух лет действия программы МПП // Аргументы и факты. URL: http://www.klg.aif.ru/politic/1366501 (дата обращения: 21.01.2015).

5. *Женога К.* Польско-российское соглашение о местном приграничном передвижении в контексте взаимоотношений Европейского союза и России // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С. 107—120.

6. *Дудзиньска К., Дынэр А. М.* Местное приграничное передвижение с Калининградской областью — задачи, возможности и угрозы // Policy Paper. 2013. №29 (77). URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=15092 (дата обращения: 23.04.2015).

7. *Кретинин Г., Осташкова Т.* Малое приграничное передвижение как предмет исторического исследования и современность // Acta humanitarica

inversitatis Saulensis. 2012. T. 14. S. 314—321. URL: http://www.su.lt/bylos/mokslo_leidiniai/acta/2012_14/kretinin_ostaskova.pdf (дата обращения: 12.05.2015).

8. *Кретинин Г.В., Миронюк Д.А.* Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового режима и развития территории // Балтийский регион. 2014. №4 (22). С. 30—47.

9. *Межевич Н.М., Жабрев А.А.* Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия: на примере Северо-Западного федерального округа России // Псковский регионалистический журнал. 2011. №11. С. 32—34.

10. *Межевич Н.М.* Приграничное сотрудничество: теория и российская региональная практика// Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. №1 (2). С. 24—33.

11. *Мусевич*: Потери калининградских магазинов от МПД составляют 7—20% // Новый Калининград.Ru. URL: http://www.newkaliningrad.ru/news/economy/2069737-musevich-poteri-kaliningradskikh-setey-ot-prigranichnogo-dvizheniya-sostavlyayut-720.html (дата обращения: 13.04.2015).

12. *Николай* Цуканов: Местное приграничное передвижение — успешный эксперимент, который нужно развивать // Официальный сайт Правительства Калининградской области. URL: http://www.gov39.ru/news/101/76187/ (дата обращения: 21.04.2015).

13. *Оборот* розничной торговли по субъектам РФ // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/# (дата обращения: 21.04.2015).

14. *Straż* graniczna: официальный сайт штаб-квартиры пограничный войск Республики Польша. URL: http://www.strazgraniczna.pl/wps/portal/tresc?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/pl/serwis-sg/SG_statystyki_logistyka_wspolpraca/Statystyki&WCM_Page. ResetAll=TRUE (дата обращения: 21.05.2015).

15. *Приграничные* и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран: проблемы и предпосылки устойчивого развития / отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск, 2010.

16. *Приграничное* сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины // ЦИИ ЕАБР. 2013. URL: http://www.eabr.org/general//upload/CII%20-%20izdania/Proekti%20i%20dokladi/Prigranichnoe%20sotrudnichestvo/doklad_17_ru_preview.pdf (дата обращения: 12.05.2015).

17. *Промедление* с запуском приграничного движения — подстраховка для белорусской власти? // Белорусский портал TYT.By. URL: http://tourism.tut.by/news/tourism/692-ekspert-vozmozhno-belarus-zapustit-prigranichnoe-dvizhenie-kogda-zakrutit-vse-gajki-v-tamozhennom-zakonodatelstve/ (дата обращения: 12.05.2015).

18. *Регламент* (ЕС) №1931/2006 Европейского парламента и Совета ЕС от 20 декабря 2006 г. о правилах местного приграничного передвижения на внешних сухопутных границах государств-членов и об изменении положений Шенгенской конвенции. URL: http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:405:0001:0022:EN:PDF (дата обращения: 12.05.2015).

19. *Результаты* вступления в силу Соглашения между Правительством Республики Польша и Правительством Российской Федерации о порядке местного приграничного передвижения : итоговый отчет по результатам исследований ООО «Лаборатория социальных исследований». Варшава, 2013.

20. *Российско-украинское* пограничье: двадцать лет разделенного единства : монография / под ред. В.А. Колосова, О.И. Вендиной. М., 2011.

21. *Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы. Калининград, 2013.

22. *Эксперт* «NewsBalt»: Почему ритейл Европы заинтересован в льготном передвижении жителей Калининграда и Польши // NewsBalt: информаци-

онно-аналитический портал. URL: http://newsbalt.ru/analytics/2012/05/yekspert-newsbalt-pochemu-riteyl-evropy-zain/ (дата обращения: 12.05.2015).

23. *Główny* Urząd StatystycznyPortal Informacyjny. URL: http://stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.dims?p_id=280327&p_token=0.056759097846224904 (дата обращения: 21.04.2015).

24. *Friedmann J.* Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966.

25. *Malkowski A.* Mały ruch graniczny jako element kształtowania współpracy transgranicznej // Research Papers of Wrocław University of Economics (Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu). 2014. № 348 P. 190—199.

Об авторах

Олег Николаевич Болычев, кандидат экономических наук, директор Центра региональных исследований, Калининград, Россия.

E-mail: obolychev@vester.ru

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Татьяна Юрьевна Кузнецова, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Tikuznetsova@kantiana.ru

LOCAL BORDER TRAFFIC AND THE DEVELOPMENT OF RETAIL TRADE IN THE KALININGRAD REGION AND POLISH BORDERLANDS

O. Bolychev[*], I. Gumenyuk[**], T. Kuznetsova[**]

[*]*Centre for Regional Studies*
39 Stekolnaya ul, Kaliningrad, 236013, Russia

[**] *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia.

Submitted on June 15, 2015

Signing the agreement on local border traffic (LBT) between the Republic of Poland and the Russian Federation was welcomed by experts as an important step towards the future visa-free regime between the European Union and the Russian Federation often discussed in the international dialogue. The three years of LBT mechanism have shown its practical significance for the development of research

and cultural contacts, cooperation between municipalities and NGOs of the Kaliningrad region and the borderland (Pomeranian and Warmian-Masurian) voivodeships of Poland. When considering retail trade as a structural element of economy, it is important to address the differences in the effect LBT has had on the development of this sector in the Kaliningrad region and the neighbouring Polish voivodeships. According to Russian experts, LBT results in 7-20% losses in the Kaliningrad region's retail sales, whereas in Poland LBT stimulates retail trade (accounting for 12% of sales in the border voivodeships). This article analyses the role of LBT in the development of retail trade in the Kaliningrad region and the Polish border voivodeships as well as prospects of its development in view of the changing geopolitical situation and adjustment of the currency exchange rates at the end of 2014. Based on statistics and analytical data, the authors arrive at the conclusion that the positive effect of LBT outdoes its negative impact on various sectors of the border regions' economies, including retail trade.

Key words: retail, cross-border cooperation, local border traffic, Kaliningrad region Polish border voivodeships

References

1. Anisevich, R., Palmovsky, T., Dragileva, I.I.. 2013 , Vlijanie mestnogo prigranichnogo peredvizhenija na razvitie transgranichnogo turizma mezhdu Respublikoj Pol'sha i Kaliningradskoj oblast'ju Rossijskoj Federacii [Influence of local border traffic on the development of cross-border tourism between the Republic of Poland and the Kaliningrad region of the Russian Federation]. In: *Nauka i turizm: strategija vzaimodejstvija* [Science and Tourism: interaction strategy], p. 65-73.

2. Ryabushev, A. 2015, Vklad kaliningradcev v pol'skuju jekonomiku rastet [The contribution of Kaliningradians in the Polish economy grows], *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper], available at: http://www.ng.ru/news/503090.html (accessed 12.05.2015).

3. Daneiko, E. 2014, Dozhdutsja li belorusy smjagchenija vizovogo rezhima s ES [Wait Belarusians easing visa regime with EU], *Deutsche Welle*, available at: http://www.dw.de/a-17740616 (accessed 12.05.2015).

4. Lomakin, S. 2014, Druzhim domami? V Pol'she podveli itogi dvuh let dejstvija programmy MPP [Friends houses? Poland summed up two years of the program, WFP], *Arguments and Facts*, available at: http://www.klg.aif.ru/politic/1366501 (accessed 21.01.2015).

5. Żęgota, K. 2014, Polish-Russian Small Border Traffic in the Context of Russia-EU Relations, *Balt. Reg.,* no. 3, p. 88—99. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-8.

6. Dudzinska, K. Dyner, A. M. 2013, Mestnoe prigranichnoe peredvizhenie s Kaliningradskoj oblast'ju – zadachi, vozmozhnosti i ugrozy [The local border traffic with Kaliningrad region - challenges, opportunities and threats], *Policy Paper*, no. 29, available at: https://www.pism.pl/files/?id_plik=15092 (accessed 23.04.2015).

7. Kretinin, G., Ostashkova, T. 2012, Maloe prigranichnoe peredvizhenie kak predmet istoricheskogo issledovanija i sovremennost' [Small border traffic as a subject of historical research and the Present], *ActahumanitaricainversitatisSaulensis*, T.14, p. 314-321, available at: http://www.su.lt/bylos/mokslo_leidiniai/acta/2012_14/kretinin_ostaskova.pdf (accessed 12.05.2015).

8. Kretinin, G., Mironyuk, D. 2014, Local Border Traffic as a Form of Visa Liberalisation and Territorial Development, Balt. Reg., no 4, p. 27-41. DOI: 10.5922/2074-2079-8555-4-2.

9. Mezhevich, N. M., Zhabrev, A. A. 2011, Prigranichnoe sotrudnichestvo kak innovacionnaja strategija: na primere Severo-Zapadnogo Federal'nogo Okruga Rossii [Cross-border cooperation as an innovative strategy: the example of the North-West Federal District of Russia], *Pskovskij regionalisticheskij zhurnal* [Pskov regional journal], no. 11, p. 32-34.

10. Mezhevich, N. M., 2011, Prigranichnoe sotrudnichestvo: teorija i rossijskaja regional'naja praktika [Cross-border cooperation: theory and practice of Russian regional], *Juzhno-Rossijskij forum: jekonomika, sociologija, politologija, social'no-jekonomicheskaja geografija* [South-Russian Forum: economics, sociology, political science, social and economic geography], no 1 (2), p. 24-33.

11. Musevich: poteri kaliningradskih magazinov ot MPD sostavljajut 7–20% [Musevich: loss of Kaliningrad shops from MTD up 7-20%], 2013, *New Kaliningrad.Ru*, available at: http://www.newkaliningrad.ru/news/economy/2069737-musevich-poteri-kaliningradskikh-setey-ot-prigranichnogo-dvizheniya-sostavlyayut-720.html (accessed 13.04.2015)

12. Nikolaj Cukanov: Mestnoe prigranichnoe peredvizhenie - uspeshnyj jeksperiment, kotoryj nuzhno razvivat' [Nikolay Tsukanov: Local border traffic - a successful experiment that should be developed], *Official site of the Government of the Kaliningrad region,* available at: http://www.gov39.ru/news/101/76187/ (accessed 21.04.2015).

13. Oborot roznichnoj torgovli po subektam RF [Retail trade turnover in the subjects of the Russian Federation], 2015, *Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Federal State Statistics Service], available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/# (accessed 21.04.2015).

14. Statystyki SG, 2013, *STRAŻ GRANICZNA*, available at: http://www.strazgraniczna.pl/wps/portal/tresc?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/pl/serwis-sg/SG_statystyki_logistyka_wspolpraca/Statystyki&WCM_Page.ResetAll=TRUE (accessed 21.05.2015).

15. . Baklanov, P.Ya., Tulokhonov, A. K. (eds.), 2010, *Prigranichnye i transgranichnye territorii Aziatskoj Rossii i sopredel'nyh stran: (problemy i predposylki ustojchivogo razvitija)* [Cross-border and cross-border territory of Asian Russia and neighboring countries (issues and preconditions for sustainable development)], Novosibirsk, 610 p.

16. *Prigranichnoe sotrudnichestvo regionov Rossii, Belarusi i Ukrainy* [Cross-border cooperation of regions of Russia, Belarus and Ukraine], 2013, Center for Integration Studies, Eurasian Development Bank, 100 p., available at: http://www.eabr.org/general//upload/CII%20-%20izdania/Proekti%20i%20dokladi/Prigranichnoe%20sotrudnichestvo/doklad_17_ru_preview.pdf (accessed 12.05.2015).

17. Danilushkina, T. 2014, Promedlenie s zapuskom prigranichnogo dvizhenija - podstrahovka dlja belorusskoj vlasti? [The delay in the launch of the cross-border movement - a safety net for the Belarusian authorities?], *TYT.By*, available at: http://tourism.tut.by/news/tourism/692-ekspert-vozmozhno-belarus-zapustit-prigranichnoe-dvizhenie-kogda-zakrutit-vse-gajki-v-tamozhennom-zakonodatelstve/ (accessed 12.05.2015).

18. *«Reglament (ES) № 1931/2006 Evropejskogo Parlamenta i Soveta ES ot 20 dekabrja 2006 g. o pravilah mestnogo prigranichnogo peredvizhenija na vneshnih suhoputnyh granicah gosudarstv-chlenov i ob izmenenii polozhenij Shengenskoj konvencii»* ["Regulation (EC) № 1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 on the rules of the local border traffic at the external land borders of the Member States and to amend the provisions of the Schengen Convention"], 2006, available at: http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:405:0001:0022:EN:PDF (accessed 12.05.2015).

19. *Rezul'taty vstuplenija v silu soglashenija mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Pol'sha i Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii o porjadke mestnogo prigranichnogo peredvizhenija. Itogovyj otchet po rezul'tatam issledovanij OOO Laboratorija social'nyh issledovanij* [The results of the entry into force of the Agreement between the Government of the Republic of Poland and the Government of the Russian Federation on the procedure of local cross-border movement. The final report on the results of research of Social Research Laboratory Ltd.], 2013, Warsaw, September.

20. Kolosov, V. A., Vendina, O. I. (eds.), 2011, *Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e: dvadcat' let razdelennogo edinstva* [The Russian-Ukrainian borderlands twenty years divided Unity], Moscow, 352 p.

21. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2013, *Rossija na Baltike: 1990— 2012 gody* [Russia on the Baltic Sea: 1990- 2012 years], Kaliningrad.

22. Jekspert «NewsBalt»: Pochemu ritejl Evropy zainteresovan v l'gotnom peredvizhenii zhitelej Kaliningrada i Pol'shi/informacionno-analiticheskij portal [The expert «NewsBalt»: Why Retail Europe is interested in moving the privileged residents of Kaliningrad and Poland / information-analytical portal], 2012, *NewsBalt*, available at: http://newsbalt.ru/analytics/2012/05/yekspert-newsbalt-pochemu-riteyl-evropy-zain/ (accessed 12.05.2015).

23. Główny Urząd Statystyczny Portal Informacyjny, 2015, available at: http://stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.dims?p_id=280327&p_token=0.056759097846224904 (accessed 21.04.2015).

24. Friedmann, J. 1966, *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*, MIT Press, 279 p.

25. Malkowski, A. 2014, Małyruchgranicznyjako element kształtowaniawspółpracytransgranicznej, *Research Papers of Wrocław University of Economics (PraceNaukoweUniwersytetuEkonomicznego we Wrocławiu)*, no. 348, p. 190-199.

About the authors

Dr Oleg Bolychev, Director of the Centre for Regions Studies, Kaliningrad, Russia

E-mail: obolychev@vester.ru

Dr Ivan Gumenyuk, Assocaite Professor, the Department of Geography, Nature Management, and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Dr Tatyana Kuznetsova, Assocaite Professor, the Department of Geography, Nature Management, and Spatial Development,Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Tikuznetsova@kantiana.ru

УДК 911.3

ЛЮТЕРАНСТВО В ФИНЛЯНДИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О.А. Балабейкина*

В.Л. Мартынов**

Рассматривается пространственно-временная дифференциация распространения лютеранства на территории Финляндии. Цель работы — выявить историко-географические особенности формирования лютеранского пространства в Финляндии и современные тенденции его трансформации. Актуальность обусловлена тем, что на данный момент лютеранство — лидирующая по числу последователей конфессия в Финляндии, а именно религия во многом формирует систему ценностей и мировоззренческие ориентиры в обществе.

Описывается трансформация административно-территориальной структуры Финляндской евангельской лютеранской церкви. Утверждается, что формирование собственно финского лютеранства началось в 1923 г. Религиозно-национальное единство Финляндии сыграло ведущую роль в объединении финского общества в годы Зимней войны, «Войны-продолжения» и послевоенного восстановления Финляндии. Но в последующие десятилетия количество приходов и прихожан этой церкви стало быстро сокращаться, причём наиболее быстрыми темпами это стало происходить в первые годы XXI в. Вероятно, данный процесс отражает начало перехода Финляндии к «новому обществу», не основанному на христианских ценностях. Сходные процессы идут и в других странах Единой Европы.

Выявлена связь между секуляризационными процессами в обществе и изменением административной структуры лютеранской церкви в Финляндии. Так, вместе с сокращением численности приверженцев лютеранства упраздняются или объединяются первичные территориальные единицы Финляндской лютеранской церкви (ФЛЦ) — приходы. Вполне вероятно, что вслед за этим произойдет и трансформация епархиального деления.

Ключевые слова: география религий, география лютеранства, церковно-административное деление, епархия, церковно-административная единица

* Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191123, Россия, Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, 30/32

** Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

Поступила в редакцию 15.04.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-9

© Балабейкина О.А., Мартынов В.Л., 2015

Основой для формирования системы ценностей и мировоззренческих ориентиров со всей очевидностью является религия. Определяющим фактором цивилизационного развития религию считал А. Тойнби — один из основоположников «цивилизационной» теории развития общества. Он выделял цивилизации, главным образом, исходя из религиозной принадлежности. Н.Я. Данилевский писал, характеризуя «культурно-исторические типы» и выводя «разряды культурной деятельности»: «Деятельность религиозная, объемлющая собою отношения человека к Богу, — понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть, выражаясь более общими терминами: народное мировоззрение не как теоретическое, более или менее гадательное знание, во всяком случае, доступное только немногим, а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека» [1, с. 472].

Однако если исследование цивилизационных различий, основанных на отличиях религиозных, приобрело большое распространение, то «локальные» религиозные общности изучены гораздо меньше. Это можно связать с рядом причин, прежде всего с труднодоступностью исходного материала. В качестве примера можно привести данное исследование, часть исходных данных для которого пришлось получать непосредственно от Евангелической лютеранской церкви Финляндии, поскольку ни в каких опубликованных источниках они не приводятся.

Авторы, естественно, не являются пионерами в области географии религий. Такого рода исследования проводились в постсоветское время рядом ученых, к числу которых относятся С.Г. Сафронов [8], И.Ю. Филимонова [10], А.А. Соколова [9] и др. Но их работы были посвящены, главным образом, религиозным особенностям России. Российских географических работ по изучению современных религиозных особенностей не то что Северной Европы, включая Финляндию, но и вообще зарубежной Европы, авторам обнаружить не удалось. В отечественной литературе есть публикации, где подробно исследуются отдельные аспекты истории и развития ФЛЦ. Характеру и особенностям распространения лютеранства в Финляндии и специфике формирования церковно-административного деления уделяется достаточно много внимания в монографии историка И. В. Макарова «Очерки истории Реформации в Финляндии (1520—1620-е гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации» [3]. Но вышеупомянутая работа охватывает весьма ограниченный временной период и отражает в основном деятельность тех или иных персоналий.

В настоящее время на территории Финляндии действуют десятки религиозных организаций. Однако Евангелическая лютеранская церковь Финляндии (Финляндская лютеранская церковь, ФЛЦ) — самая крупная среди них по числу последователей и количеству объектов культовой инфраструктуры, имеет сложно организованную территориально-административную структуру и, наряду с Финляндской православной церковью, особый государственный статус. При этом отдельных научных работ, которые касаются историко-географических аспек-

тов территориальной организации Евангелической лютеранской церкви на протяжение всего ее существования и раскрывающих современные тенденции ее реорганизации, в отечественной литературе нет.

История распространения лютеранства на территории Финляндии началась почти со времени возникновения этой христианской деноминации в первой половине XVI в. До этого христианизация населения шла в двух направлениях: с середины XII в. шведы насаждали католичество в западной части страны, а новгородцы — православие в восточной.

Часть финнов приняла крещение в католичество и признала зависимость от шведского короля Эрика IX после его благополучного похода с целью завоевания Финляндии в 1157 г. Первый христианский крест на территории завоеванной страны был водружен там, где шведское войско высадилось на берег. Недалеко от этого места находится город Турку, ставший центром католичества, а затем лютеранства в Финляндии.

Католическая церковь имеет жесткую административно-территориальную структуру, важное место в которой занимает епархия, возглавляемая епископом. В церковно-административном отношении Финляндия с новообращенной католической паствой в XII в. вошла в подчинение архиепископа Упсальского, как и шесть епархий Швеции.

Первым титулованным епископ Финляндии был Томас (1220—1245). Его резиденция первоначально находилась в Ноусиайнене, но с 1295 г. была перенесена в замок Куусисто неподалеку от Турку [1]. Этот город, с его освященным в 1300 г. кафедральным собором, сохранившимся до настоящего времени, стал не только административным и торговым, но и церковным центром зависимой от Швеции территории Финляндии.

Границы Финляндского епископата совпадали с границами страны. К нему относились следующие территории: Собственно Финляндия (фин. *Varsinais Suomi*), Сатакунда, Нюланд, Тавастланд, Западный Карелия, Западный Саволакс. Аландские острова были присоединены к епископству Финляндии в 1303—1326 гг., в то время, когда кафедру возглавлял епископ Рагвольд — уроженец тех мест. На севере границы епископства простирались до Остроботнии [5, с. 4].

Вместе с распространением на территории Финляндии католичества постепенно происходило становление церковной организации, которая была тесно связана с государственным административным делением и оказала на формирование последнего решающее влияние еще в Средние века: «В этот период именно церковь была наиболее организованной силой в малонаселенной Финляндии: достаточно сказать, что система церковных приходов (развившаяся, в свою очередь, из территориальных единиц родоплеменной эпохи) сформировалась ранее органов административного управления, представлявших интересы шведской королевской власти. Во главе каждого прихода (фин. *pitaja*, шв. *socken*) стоял его настоятель, которому помогал приходской совет» [5, с. 26].

Начало распространения идей лютеранства в Финляндии относится к 1520-м гг. и связано с именами П. Сяркилахти и М. Агриколы — по-

следователей М. Лютера. В 1527 г. лютеранство стало государственной религией Швеции, а значит, паства подвластной ей Финляндии тоже должна была принять изменения в церковной жизни. Они вскоре коснулись не только вероучения и обрядности, но и церковно-территориального управления: в 1554 г. единая прежде епархия Финляндии была разделена на две с центрами в Турку и Выборге, при этом обе епархии находились в подчинении Упсальского архиепископа и шведского короля. Численность населения на территории новой Выборгской епархии была гораздо меньше, чем в епархии Турку, и приходов там было всего 24 против 78.

В конце XVI в., как результат контрреформации в стране, был недолгий период, когда обе епископские кафедры Финляндии оставались незамещенными на несколько лет после смерти правящих епископов, но попытка возродить католичество не удалась, и XVII — начало XVIII в. оказалось временем становления и процветания лютеранства. Число лютеранских приходов достигло 350 [2, с. 12].

В 1812 г., когда Великое княжество Финляндское уже три года находилось в составе Российской империи, на территории Финляндии насчитывалось 503 лютеранских прихода, помимо которых было еще 26 православных и 2 римско-католических [2, с. 16].

Во время существования подвластного Российской империи Великого княжества Финляндского принадлежность основной массы населения к лютеранству способствовала удержанию Финляндии в пределах «шведского мира», своеобразной «скандинавской цивилизации». Даже в настоящее время есть основания говорить о существовании «Скандинавского протестантского региона» [4].

Российские императоры не пытались каким-либо образом насаждать православие в своих финляндских владениях. Так, Кафедральный собор в Хельсинки (главный лютеранский собор нынешней Финляндии) был построен по распоряжению Николая I в 30-е — начале 50-х гг. XIX в., а главный православный собор нынешней финской столицы, Успенский, — в конце 60-х гг. XIX в. Лютеранство стало фактически и юридически государственной религией Великого княжества. Но при этом в «сакральном пространстве» Финляндия не отделяла себя от Швеции, поскольку самостоятельного опыта государственной жизни страна не имела совсем — даже слов «государство» (фин. *valtio*) и «нация» (фин. *kansakunta*) в финском языке до конца XIX в. не существовало.

После обретения независимости в 1917 г. Финляндия начала воспринимать себя как отдельную нацию, и проявилось это в том числе в религии. Во-первых, финны начали избавляться от православных церквей, переделывая их в лютеранские кирхи (примеры — церкви в Лаппеенранте (Вильманстранде) и в крепости Суоменлинна (Свеаборг); последняя получила ещё и дополнительную утилитарную функцию маяка). Во-вторых, появляется и всё более усиливается стремление к разделению былого скандинавского «сакрального пространства» и формированию финской национальной церкви.

Серьезные перемены во внутренней церковной жизни Финляндии произошли в 1923 г., когда в стране, уже получившей независимость, впервые был принят закон о свободе совести и стал возможен выход из лютеранства без примыкания к какой-либо другой конфессии. Этот закон, который, казалось бы, должен был ослабить позиции лютеранства в Финляндии, в реальности укрепил их.

Тогда же, в 1923 г. значительные изменения коснулись епархиального деления Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии.

На рубеже XIX — XX вв. в пределах Великого княжества Финляндского было три епархии — Турку, Порвоо (куда в 1723 г. кафедра была переведена из отошедшего к России Выборга) и Куопио (1851 г.). В 1923 г. епархия Порвоо делится на две части — новую епархию Порвоо и епархию Тампере. Особенностью вновь созданной епархии Порвоо (шведское название этого города — Борго) является то, что в её составе были объединены все шведскоязычные и вообще иноязычные лютеранские приходы Финляндии, вследствие чего «владения» этой епархии разбросаны вдоль побережья Финского и Ботнического заливов, а также на Аландских островах. Все остальные епархии Финляндии, предназначенные для «окормления» финского населения страны, представляют собой единые территориальные массивы.

Епархия Тампере, наряду с уже существовавшими епархиями Турку и Куопио, включила в свой состав только финноязычные приходы. Тогда же, в 1923 г., образована самая северная епархия — Оулу (кафедра перенесена из Куопио), а епархия Куопио в ее современных границах появилась в 1939 г. Обе новые епархии, образованные в межвоенное время, были и остаются финноязычными. Одновременно с этим восстанавливается когда-то существовавшая Выборгская епархия, также финноязычная.

Раздел лютеранской церкви Финляндии на «финскую» и «шведскую» части, ставший главным итогом епархиальной реформы 1923 г., привёл к тому, что в Финляндии впервые за всю ее историю фактически сформировалась своя национальная лютеранская церковь.

Деятельность, направленная на формирование этнорелигиозного единства страны в 1920-е — 1930-е гг., была очень успешной. Это ярко проявилось во время войны с Советским Союзом 1939—1940 гг. и так называемой «войны-продолжения» 1941—1944 гг. В ходе этих событий финское общество показало себя практически монолитным, хотя в 1918 г. Финляндия пережила гражданскую войну, и «белым» финнам (финским крестьянам и шведским баронам) лишь с прямой военной помощью кайзеровской Германии удалось победить «красных» финнов (главным образом — жителей городов юга Финляндии). О значении церкви в военном противостоянии с Советским Союзом свидетельствует то, что все приходы обеих государственных церквей Финляндии (лютеранской и православной) были награждены орденами, которые и в настоящее время выставлены в каждом приходском храме на видном месте.

Можно утверждать также, что церковно-национальное единство стало одним из важнейших факторов, определивших устойчивость

Финляндии после поражений 1940 и 1944 гг., в ходе которых были потеряны обширные территории, а всё их население перемещено в пределы современного государства.

После Второй мировой войны меняется система епархиального управления. Поскольку Выборг, бывший вторым по значению городом Финляндии, отходит к СССР, центр епархии оттуда переносится в Миккели. Затем, в 1950-х гг. были образованы епархии Лапуа (1956) и Хельсинки (1959). Последняя, самая молодая епархия — Эспоо — была отделена от епархии Хельсинки в 2004 г. На время написания данной статьи (весна 2015 г.) Евангелическая лютеранская церковь Финляндии насчитывает 9 епархий с главной архиепархией Турку.

Следует отметить, что Финляндия — одна из немногих стран мира, где господствующая церковь фактически является государственным учреждением. В параграфе 76 «Церковное законодательство» ныне действующей Конституции Финляндии, принятой в 1999 г. (с изменениями 2011 г.), утверждается следующее: «Законом “О церкви” устанавливаются устройство евангелическо-лютеранской церкви и ее управленческая система. Порядок принятия закона “О церкви” и право законодательной инициативы в отношении закона “О церкви” специально установлены указанным законом». Однако при этом параграф 12 Конституции устанавливает свободу вероисповедания и совести, утверждая, что «свобода вероисповедания и совести включает право исповедовать религию и отправлять религиозные обряды, право выражать убеждение и право входить или не входить в религиозную общину. Никто не обязан участвовать в отправлении религиозных обрядов против совести» [2].

В плане административно-территориального деления Евангелическая лютеранская церковь Финляндии имеет довольно сложную структуру. Низовой ее единицей является церковный приход. Приходы делятся на два типа: они могут быть автономными или выступать частью союза (объединения) приходов (фин. *seurakuntayhtymä*). Например, в епархии Хельсинки 33 прихода, из них 4 независимы, а остальные объединены в 6 приходских союзов. Таким образом, епархия Хельсинки насчитывает 10 приходских хозяйств (фин. *seurakuntatalous*).

Союзы (объединения) приходов образуются, если: а) в коммуне (муниципалитете) больше одного прихода (например, в муниципалитете Хельсинки 18 финноязычных приходов); б) когда на одной территории есть шведо- и финноязычные приходы. Разница между самостоятельными приходами и теми, которые входят в состав приходских союзов (объединений), в том, что союз приходов выполняет некоторые социальные обязанности (социальное служение), общие для нескольких приходов.

В Финляндии члены двух церквей, имеющих особый государственный статус, — Финляндской евангелической лютеранской церкви и Финляндской православной церкви — облагаются обязательным церковным налогом, ставка которого зависит от прихода и колеблется от 1,5 до 1,9 % доходов прихожанина. Автономные приходы и при-

ходские объединения самостоятельно решают вопрос размера церковного налога, а в последних решается еще и вопрос распределения суммы церковного налога между приходами, входящими в объединение (союз).

Приходы Финляндской евангелической лютеранской церкви объединяются в более крупные структуры — благочиния, количество которых составляет от 5 в епархии Эспоо до 9 в Турку, Оулу и Порвоо.

В последние годы Евангелическая лютеранская церковь Финляндии теряет прихожан, что неизбежно влечет за собой изменения церковного административно-территориального деления, в частности укрупнение и упразднение приходов и благочиний. Так, в период с 2008-го по начало 2015 г. ФЛЦ путем закрытия или объединения потеряла более 100 приходов, а епархия Эспоо в 2013 г. утратила целое благочиние. В Эспоо — самой поздней по времени основания епархии — в последние годы происходит стремительное сокращение числа приходов — на 20 %. Так, 3 декабря 2013 г. был закрыт приход Карьяан (Karjaan). Еще четыре прихода были реорганизованы путем присоединения к крупному приходу Лохья — Карьялохья, Пусула, Нумми, Саматти. Последние изменения в территориальной организации ФЛЦ связаны с коррекцией границ муниципалитетов, вызванной реорганизацией административного деления (табл. 1).

Таблица 1

Изменение количества приходов Финляндской лютеранской церкви в 2009—2015 гг.

Год	Количество приходов
2008	515
2009	466
2010	465
2011	449
2012	449
2013	430
2014	428
2015	412

Составлено по: [13].

Такие изменения вызваны рядом причин. В первую очередь, это общая тенденция к секуляризации общества Финляндии. Не последнюю роль сыграли современные нововведения, принятые ФЛЦ. Отток прихожан резко усиливался тогда, когда впервые была избрана женщина-епископ и когда принято решение о церковном благословении однополых браков (табл. 2).

Невзирая на отсутствие сведений по некоторым годам и епархиям, очевидно, что число приходов стремительно сокращается; уменьшается и количество прихожан.

Таблица 2

Современное состояние
Финляндской Евангелической лютеранской церкви

Епархия	Число благочиний (01.01.2015)	Число приходов			Численность прихожан (2013)
		1980	2013	2015	
Турку	9	97	60	57	532372
Тампере	8	72	55	48	630989
Оулу	9	82	60	Нет свед.	528791
Миккели	7	67	40	Нет свед.	387236
Порвоо	9	82	62	56	250193
Куопио	6	70	54	53	410787
Лапуа	7	69	46	Нет свед.	430872
Хельсинки	6	59	33	33	508899
Эспоо	5	—	20	19	202937

Составлено по: [5; 13]; а также по сведениям, собранным авторами.

Поскольку религиозная принадлежность в Финляндии, в отличие от России, имеет юридически обязывающий характер и для «выхода из церкви» требуется, по крайней мере, отправить соответствующую заявку через Интернет (это стало возможным с 2003 г.), то определить темпы сокращения числа прихожан можно довольно точно. В 2005 г. 83,6 % граждан Финляндии принадлежали к ФЛЦ, в 2006-м — 82,4 %, в 2007-м — 81,7 % [7]. По состоянию на февраль 2015 г. в Финляндии впервые за всю её историю появились две коммуны, где к прихожанам ФЛЦ себя относит менее 50 % населения. В 6 из 18 коммун Хельсинки доля прихожан лютеранской церкви составляет менее 60 % жителей [14]. За 2014 г. численность прихожан ФЛЦ снизилась примерно на 66 тыс. человек, или на 1,64 %, и в конце этого года была 4 034 235 человек [15], что составляет примерно 74 % населения страны. Следует отметить, что это всё же очень высокая доля, совершенно не характерная для большинства стран Западной и Северной Европы.

Процесс сокращения численности религиозного населения уже долгое время идет и в других странах Единой Европы, многие из которых значительно опережают Финляндию на пути отказа от христианских ценностей, сформировавших современное европейское общество. В качестве примера можно привести Нидерланды: эта страна появилась в ходе борьбы голландских протестантов с католической Испанией, а сегодня здесь большой проблемой стало использование опустевших храмов [12]. Интересно также сравнить Финляндию со Швецией, от которой финны получили первые знания о христианстве. В Швеции доля религиозного населения по состоянию на 2015 г. оценивается всего в 19 % [11].

Вероятно, столь большая разница между Финляндией, где доля религиозного населения даже сейчас оценивается примерно в 75 % (74 % — лютеране, около 1 % — православные), и Швецией можно объяснить историко-географическими особенностями этих стран. В Швеции, жи-

вущей в относительном покое уже 200 лет (с 1815 г.) и за весь бурный XX в. поучаствовавшей только в одной крайне незначительной военной операции (высадка шведских войск на Аландские острова в 1918 г.), религия воспринимается как нечто, не имеющее отношения к реальной жизни. Финляндии же, пережившей Гражданскую войну 1918 г., две войны с СССР, послевоенное время, когда надо было платить репарации Советскому Союзу, расселять примерно 400 тыс. человек с отошедших к нему территорий и создавать новую инфраструктуру на своих восточных границах, религия помогла не только сохраниться, но и достичь нынешнего весьма благополучного состояния.

Евангелическая лютеранская церковь Финляндии остается на сегодняшний день самой крупной и, пожалуй, влиятельной религиозной структурой в стране. Но современные тенденции таковы, что ФЛЦ утрачивает численность прихожан и ее культовая инфраструктура становится невостребованной, а это неизбежно влечет за собой трансформацию епархиальной и приходской структур. Изменения внутри ФЛЦ и принятие ею несовместимых с христианским учением ценностей современного европейского общества влекут за собой изменения конфессионального состава населения страны. Общество Финляндии преимущественно секулярно, и те, кто покидают ФЛЦ, уходят в основном «в никуда». Они не становятся атеистами, и вполне возможно, остаются даже верующими, но покидают лоно церкви. Наблюдается небольшой, но прирост численности прихожан Православной церкви Финляндии, в том числе за счет перехода из лютеранства в православие. Так, приход Финской автономной православной церкви в г. Лаппеенранта за последние годы вырос более чем вдвое [6].

Очевидно, что национально-религиозное единство Финляндии, столь ярко проявившееся в 20-е — 60-е гг. XX в., постепенно размывается. Фактически это означает начало перехода к обществу, построенному на отличных от христианских основах. В первой половине XX в. в Европе были предприняты две попытки построения нового общества, опирающегося на антихристианские начала. Это «интернациональный социализм» СССР и «национальный социализм» гитлеровской Германии. Итоги обеих попыток известны. Какими будут последствия формирования нового общества XXI в., сказать очень трудно. Вполне вероятно, что первоначально его деятельность проявится в улучшении социально-экономических условий жизни, качества среды, росте продолжительности жизни и т. д. Такое развитие событий предсказано очень давно: «Ибо, когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба …» (1 Фес. 5:3).

Конечно же, лютеранство в Финляндии не обречено на исчезновение. В пределах прогнозируемого будущего о таком развитии событий даже говорить не стоит. Возможно, финское общество вспомнит о своих корнях и постарается к ним вернуться, тем более что при всех негативных тенденциях развития ФЛЦ уровень её поддержки в стране очень высок. Но анализ нынешних тенденций развития Финляндской евангельской лютеранской церкви не дает оснований для положительных прогнозов её дальнейшей трансформации.

Список литературы

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.

2. *Конституция* Финляндии. URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf (дата обращения:15.04.2015).

3. *Макаров И.В.* Очерки истории Реформации в Финляндии (1520—1620-е гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб., 2007.

4. *Мартынов В.Л., Файбусович Э.Л.* Социально-экономическая география современного мира. М., 2010.

5. *Никитин А. (архим.).* Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии : краткий исторический очерк. Л., 1980.

6. *Православные* приходы в Финляндии растут и молодеют. URL: http://www.russkiymir.ru/news/188382/ (дата обращения: 15.04.2015).

7. *Процедуру* облегчили. URL: http://www.kauppatie.com/2008/01-2008/F.pdf (дата обращения: 15.04.2015).

8. *Сафронов С.Г.* Религиозная сфера и территориальная организация российского общества // Известия РАН. Сер. Географическая. 2004. №3. С. 60—70.

9. *Соколова А.А.* Христианская ойконимия Вологодской области (опыт информационно-географического исследования // Псковский регионологический журнал. 2006. №3. С. 135—151.

10. *Филимонова И.Ю.* Географические аспекты изучения конфессий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №5. С. 196.

11. *86 proc.* Polaków deklaruje się jako osoby religijne. URL: http://www.wprost.pl/ar/502526/86-proc-Polakow-deklaruje-sie-jako-osoby-religijne/ (дата обращения: 15.04.2015).

12. *Bendavid N.* Europe's Empty Churches Go on Sale. URL: http://www.wsj.com/articles/europes-empty-churches-go-on-sale-1420245359 (дата обращения: 15.04.2015).

13. *Евангелическая* лютеранская церквь Финляндии : [официальный сайт]. URL: http://evl.fi (дата обращения: 15.04.2015).

14. *Kallion* ja Paavalin asukkaista enää alle 50% kuuluu kirkkoon. URL: http://www.eroakirkosta.fi/media/none/tiedote_02_2015.html?year=2015 (дата обращения: 15.04.2015).

15. *Vuosi* 2014 kirkolle kaikkien aikojen synkin. URL: http://www.eroakirkosta.fi/media/none/tiedote_01_2015.html?year=2015 (дата обращения: 15.04.2015).

Об авторах

Ольга Александровна Балабейкина, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

E-mail: olga8011@ya.ru.

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

LUTHERANISM IN FINLAND: PAST AND PRESENT

O. Balabeykina[*], V. Martynov[**]

[*]*Saint Petersburg State University of Economics*
30/32 Griboyedova Canal, Saint Peterbsurg, 191123, Russia

[**]*A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*
48 Moiki nab., Saint Petersburg, 191186, Russia

Submitted on April 15, 2015

The article focuses on the spatial and temporal differentiation of Lutheranism in Finland. The study aims to identify historical and geographical features of the development of Lutheran space in Finland, as well as modern trends in its transformation. This study is very relevant, since Lutheranism is currently the major confession in Finland and religion tends to strongly affect the system of values and worldview prevalent in society. The article describes the administrative structure transformation of the Evangelical Lutheran Church of Finland. It is argued that Finnish Lutheranism emerged in 1923. The religious and national unity of Finland contributed to bringing together the Finnish society during the Winter War, the Continuation War, and the post-war reconstruction of Finland. In the following decades, the number of Lutheran parishes and parishioners decreased. These processes were most pronounced in the first years of the 21st century. Probably, they mark the beginning of Finland's transition to a 'new society' that is not based on Christian values. Similar processes are observed in other countries of United Europe.

The authors establish a connection between secularisation processes in the society and changes in the administrative structure of the Lutheran church of Finland. A decrease in the number of Lutherans is accompanied by the closure or merger of the church primary territorial units - parishes. Probably, this process will be followed by the transformation of the diocesan division.

Key words: geography of religions, geography of Lutheranism, administrative church division, diocese, administrative church unit

References

1. Danilevskij, N.Ya, 1991, *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe], Moscow, p. 472.

2. *Konstituciya Finlyandii* [The Constitution of Finland], available at: http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf (accessed 15 Apr 2015).

3. Makarov, I. V. 2007, Ocherki istorii Reformacii v Finlyandii (1520—1620-e gg.): formirovanie nacional'noj cerkovnosti. Portrety vydayushhixsya deyatelej finskoj Reformacii [Studies in the History of the Reformation in Finland (1520—1620-ies.): Establishment of a national church life. Portraits of prominent figures of the Finnish Reformation], St. Petersburg, 560 p.

4. Martynov, V.L., Faibusovich, E.L. 2010, *Social'no-e'konomicheskaya geografiya sovremennogo mira* [Socio-economic geography of the modern world], Moscow.

5. Nikitin, A. 1980, *Evangelichesko-lyuteranskaya cerkov' Finlyandii. Kratkij istoricheskij ocherk* [Evangelical Lutheran Church of Finland. A brief historical overview], Leningrad, 34 p.

6. Pravoslavnye prixody v Finlyandii rastut i molodeyut [Orthodox parishes in Finland and growing younger], 2015, *Russkij mir* [Russian world], available at: http://www.russkiymir.ru/news/188382/ (accessed 15 Apr 2015).

7. *Proceduru oblegchili* [The procedure is facilitated], 2015, available at: http://www.kauppatie.com/2008/01-2008/F.pdf (accessed 15 Apr 2015).

8. Safronov, S.G. 2004 , Religioznaya sfera i territorial'naya organizaciya rossijskogo obshhestva [The religious sphere and the territorial organization of Russian society], *Izv. RAN, ser. Geogr.* [Izvestiya RAN, Ser. Geographic], no. 3, p. 60 – 70.

9. Sokolova, A.A. 2006, Xristianskaya ojkonimiya Vologodskoj oblasti (opyt informacionno-geograficheskogo issledovaniya [Christian oikonymy Vologda region (geographic information and experience in the research journal], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologichesky Journal], no 3, p. 135 – 151.

10. Filimonova, I.Yu. 2005, Geograficheskie aspekty izucheniya konfessij [Geographical aspects of the study of religions], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], no. 5, p. 196.

11. 86 proc. Polaków deklaruje się jako osoby religijne, 2015, *Radio Zet/telegraph.co.uk*, available at: http://www.wprost.pl/ar/502526/86-proc-Polakow-deklaruje-sie-jako-osoby-religijne/ (accessed 15 Apr 2015).

12. Bendavid, N. 2015, Europe's Empty Churches Go on Sale, *The Wall Street Journal*, available at: http://www.wsj.com/articles/europes-empty-churches-go-on-sale-1420245359 (accessed 15 Apr 2015).

13. Official site of Evg. Luth. Church of Finland, 2015, available at: http://evl.fi/ (accessed 15 Apr 2015).

14. Karisma, P., Torrkulla, K. 2015, Kallion ja Paavalin asukkaista enää alle 50 % kuuluu kirkkoon, *Eroakirkosta*, available at: http://www.eroakirkosta.fi/media/none/tiedote_02_2015.html?year=2015 (accessed 15 Apr 2015).

15. Karisma, P., Torrkulla, K. 2014, Vuosi 2014 kirkolle kaikkien aikojen synkin, *Eroakirkosta*, available at: http://www.eroakirkosta.fi/media/none/tiedote_01_2015.html?year=2015 (accessed 15 Apr 2015).

About the authors

Dr Olga Balabeykina, Associate Professor, the Department of Regional Economics and Nature Management, Saint Petersburg State University of Economics.

E-mail: olga8011@ya.ru.

Prof Vasily Martynov, the Department of Economic Geography, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

ЭКОЛОГИЯ

УДК 502.45

ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И ВРЕМЕННОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ ПОКАЗАТЕЛЯ УЯЗВИМОСТИ ЛАНДШАФТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК КОМПОНЕНТ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

И.И. Кесорецких*
С.И. Зотов**
М.В. Дробиз****

* Некоммерческое партнёрство «Институт пространственного планирования, развития и внешних связей», 236016, Россия, Калининград, ул. Клиническая, 27

** Институт природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236040, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

***Акционерное общество «Балтийское аэрогеодезическое предприятие», 236010, Россия, Калининград, пр. Победы, 161

doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-10

Поступила в редакцию 10.09.2015 г.

© Кесорецких И.И., Зотов С.И., Дробиз М.В., 2015

Отмечается актуальность прикладных исследований регионального масштаба, направленных на решение задач по адаптации системы природопользования и территориального планирования к современным условиям трансформации природных ландшафтов. Экологически ориентированные подходы получили достаточно широкое распространение на законодательном уровне в Европе, в России же они практически не применяются, что становится причиной возникновения и обострения конфликтов природопользования, а также не позволяет использовать передовой мировой опыт для их решения.

Цель исследования — обоснование методики комплексной оценки территории Калининградской области по степени уязвимости ландшафтов к антропогенным воздействиям в ее пространственной и временной динамике. В практическом смысле данная работа дает представления о возможности внедрения экологически ориентированных подходов в систему регионального территориального планирования с учётом геоэкологических, экономико-географических и исторических факторов.

Результатом исследования стали картографические материалы, описывающие изменение показателя уязвимости ландшафтов Калининградской области и ее отдельных её частей, которые выступают в качестве основы для разработки обоснованных предложений по оптимизации системы регионального природопользования.

Ключевые слова: ландшафт, уязвимость, Калининградская область, Куршская коса, ГИС, природопользование, территориальное планирование

Высокая освоенность приморских территорий Балтийского региона обусловила обострение противоречий между природоохранными и хозяйственными интересами их развития. Получившая широкое распространение в европейских странах концепция устойчивого развития регионов, включающая внедрение экологически ориентированных аспектов в процесс планирования территорий на правовом и административном уровнях, приобретает особую значимость в отечественных исследованиях. В связи с этим большую популярность приобретают геоэкологические оценки современного состояния природных комплексов, позволяющие выявить динамику их изменений в результате антропогенного воздействия. В последнее десятилетие это направление в Российской Федерации в связи с проведением различных политических и административных преобразований в системе регионального природопользования и территориального планирования получило особое развитие.

Интерес к данной теме обусловлен, главным образом, возникшей потребностью в учете комплекса социально-экономических и эколого-географических характеристик регионального масштаба с целью формирования наиболее сбалансированных сценариев развития субъектов РФ. В ряде модельных регионов, представляющих особый интерес с точки зрения охраны окружающей среды (например, оз. Байкал) были реализованы проекты, направленные на усиление экологической составляющей и ее роли при разработке и корректировке схем территориального планирования.

Опыт подобных работ показал, что в большинстве субъектов РФ на правовом и административном уровнях не уделяется достаточного внимания механизмам интеграции экологически ориентированных подходов в региональную систему территориального планирования. Таким образом, существующая конфликтность между природопользованием и хозяйствующими субъектами только обостряется, а баланс интересов, регулируемый законодательно, в настоящее время имеет перевес в сторону последних. Иллюстрируется это избирательным подходом к зонированию охраняемых компонентов и видов их использования (санитарно-охранные зоны, водоохранные зоны и т. д.), что не позволяет сформировать приоритеты охраняемых компонентов и оценить реальный ландшафтный облик исследуемой территории [18].

При этом Градостроительный кодекс Российской Федерации (2004) уже включает в себя компоненты, определяющие условия устойчивого развития территорий и обеспечения сбалансированного учета экологических, экономических и других факторов. Однако мы имеем ситуацию, в которой экологические факторы не выступают предметом отдельной оценки и учета, а выполняют функцию ограничителей, устанавливая зоны, регламентированные для проведения различного рода проектных и инженерных работ. Бесперспективность подобного положения дел очевидна и требует перехода к новой схеме ландшафтного территориального планирования, построенного на системе учета экологических компонентов окружающей среды как непосредственных объектов охраны и защиты [20].

В ряде европейских стран прикладные аспекты ландшафтного территориального планирования с его многокритериальной системой оценки получили свое развитие и были выделены в самостоятельное направление — мультикритеральный процесс принятия решения и пространственный анализ решений. Два этих понятия описывают схожий анализ комплексной пространственной проблемы путем разложения ее на составные элементы с целью их изучения и последующей интеграции для принятия обоснованного решения [24]. Подобная практика используется при оценке последствий масштабных управленческих решений, связанных с развитием городских территорий, крупными инфраструктурными проектами и т. д. [25; 27]. Применение ГИС-технологий в данном процессе позволяет обобщать большие массивы геоэкологических, социальных, экономических и иных пространственных данных в интегральную форму для выработки взвешенного решения по конкретной проблеме. Этот подход дает возможность найти общий язык между исследователями и чиновниками различного ранга, ответственным за разработку схем территориального планирования, а также обеспечивает выработку эффективных предложений и рекомендаций по конкретным природоохранным и планировочным направлениям.

Обращаясь к российской системе территориального планирования, необходимо отметить, что в условиях интенсификации и нарастания техногенных воздействий она не может в полной мере отвечать современным вызовам и обеспечивать устойчивое развитие регионов. Решение таких проблем не обязательно требует пересмотра всей схемы планирования, что может затянуться на десятилетия, — необходим универсальный инструмент, который позволял бы сочетать в процессе планирования элементы методик комплексной оценки территорий и экологические факторы — характеристики природных ландшафтов.

Одним из таких инструментов является многокритериальная оценка природных систем, отражающая их комплексное геоэкологическое состояние, — расчет уязвимости ландшафтов к антропогенным воздействиям. Учет интегральных показателей на всех стадиях проектирования и эксплуатации промышленных и инфраструктурных объектов позволяет значительно снизить нагрузку на компоненты природной среды и обеспечить устойчивое развитие территории [13]. В Калининградской области в свете планов по реализации крупномасштабных проектов в сфере туристической и спортивной инфраструктуры, в некоторых отраслях промышленности и энергетическом комплексе данное направление приобретает особое значение.

Методика оценки уязвимости ландшафтов Калининградской области к антропогенным воздействиям включает в себя несколько компонентов, детально описанных в ряде работ, опубликованных ранее [9; 12; 13], поэтому необходимо остановиться на наиболее важных аспектах методики:

— определение понятия уязвимости природных комплексов;

— алгоритм расчета интегрального показателя уязвимости;

— структура и результаты использования ГИС «Оценка уязвимости ландшафтов Калининградской области к антропогенным воздействи-

ям» для оценки пространственной и временной изменчивости интегрального показателя.

На первом этапе разработки комплексной методики оценки уязвимости природных комплексов к антропогенным воздействиям необходимо разграничить ряд терминологических близких понятий, таких как «уязвимость», «устойчивость» и «чувствительность». По каждому из них был проведен анализ отечественных и зарубежных работ, который позволил определить как сходства названных понятий, так и отличия, дающие возможность разграничить их в зависимости от структуры объекта исследования:

— *устойчивость* [10; 21] — это способность системы противостоять внешнему воздействию, сохраняя свои свойства;

— *чувствительность* [4; 19; 26] — тип ответной реакции природных систем на внешнее воздействие, при этом степень чувствительности отражает динамику и масштаб изменений и последствий, происходящих в природном комплексе в результате приложенных сил. Или, по-иному, под чувствительностью понимается способность природных компонентов на каждом участке территории изменять свои свойства и характеристики под воздействием внешних факторов;

— *уязвимость* [5; 25] — одна из самостоятельных характеристик геоэкологического состояния природных комплексов, отражающая степень опасности разрушения функциональных связей между системообразующими компонентами; таким образом, под экологической уязвимостью понимают возможность изменения компонентов экосистемы в результате внешних воздействий, приводящих к нарушению ее структуры и функционирования.

Основные различия в использовании понятий «устойчивость», «чувствительность» и «уязвимость» определяются двумя факторами: структурой объекта исследования и выбором критериев оценки. Термины «устойчивость» и «чувствительность» применимы для целостных организованных объектов: организмов, популяций, экосистем, геосистем; «уязвимость» же используется для дискретных объектов исследования (административных единиц, территорий и т. д.), и оценивать их состояние логично на основе динамики количественных показателей. В основе этого подхода лежит положение о том, что основные черты биологической структуры природных комплексов в общем виде могут быть описаны через комплекс абиотических показателей [19].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что под оценкой уязвимости в данной работе понимается процесс определения природных комплексов, особо остро реагирующих на техногенное воздействие, с целью предотвращения или минимизации вероятности попадания в них техногенных загрязнителей.

В качестве базового алгоритма расчета интегрального показателя уязвимости был использован многокритериальный подход, описанный в работах В. В. Дмитриева [5; 6], где он применяется для условий информационного дефицита и включает следующие действия.

Этап 1. Отбор m исходных критериев $x_1, \ldots, x_m$, которые образуют группы показателей, отражающих различные параметры исследуемых свойств.

Этап 2. Нормирование показателей, в результате которого получаются безразмерные показатели $q_1, \ldots, q_m$, $0 \le q_i \le 1$.

Этап 3. Введение функции, агрегирующей нормированные показатели $q_1, \ldots, q_m$ в единый интегральный показатель $Q = Q(q)$:

$$Q = Q(q, w) = Q(q_1, \ldots, q_m; w_q, \ldots, w_m) = \sum q_i w_i \ . \quad (1)$$

Этап 4. Расчет весовых коэффициентов $w = (w_1, \ldots, w_m)$ — неотрицательные веса, задающие значимость (важность, весомость, приоритетность) отдельных параметров для оцениваемого свойства ($w_1 + \ldots + w_m = 1$) с учетом экспертной информации о весах:

— ординальная (порядковая) — *OI*:

$$OI = \{w_r > w_s, w_u = w_v, \ldots r, s, u, v, \in \{1, \ldots m\}\}; \quad (2)$$

— интервальная — *II*:

$$II = \{0 \le a_i \le w_i \le b_i \le 1\{1, \ldots m\}\}; \quad (3)$$

Этап 5. Осуществление перехода к интегральной оценке $Q(q; I) = MQ(q; I)$:

$$\overline{Q^{(j)}}(I) = \overline{Q}(q^{(j)}; I) = \overline{Q}(q^{(j)}, \overline{w}(I) = \frac{1}{N(m, n; I)} \sum_{t=1}^{N(m,n;I)} Q^{(t)}(q^{(j)}) . \quad (4)$$

Необходимость применения интегрального балльно-индексного показателя была решена за счет введения в методику весовых коэффициентов, определяемых с использованием метода рандомизированных сводных показателей [22].

Выбор и обоснование критериев оценки уязвимости природных комплексов основывается на данных о доминирующих антропогенных воздействиях, характерных для исследуемого района. Анализ статистических материалов [11] позволяет сделать вывод о том, что среди антропогенных воздействий на природные ландшафты Калининградской области доминируют два вида — механические и химические. Под химическим воздействием понимается загрязнение природной среды или ее компонентов различными водорастворимыми и инфильтруемыми водой химическими загрязнителями: углеводородами, ПАВ, тяжелыми металлами и т.д. [17]. Под механическим воздействием имеется в виду комплекс гравитационных сил, влияние которых приводит к разрушению, уплотнению и изменению структуры того или иного компонента ландшафта.

Принимая во внимание общую структуру природных ландшафтов Калининградской области, можно предположить, что набор критериев оценки уязвимости должен обязательно включать в себя гидрологические, геоморфологические, почвенные и другие параметры, а также соответствовать следующим теоретическим положениям [13].

1. Главными функциональные звеньями ландшафта являются энергообмен, влагооборот и геохимические круговороты. Обеспечение потоков веществ и энергии — одна из ведущих функций ландшафта.

2. Косной природой, так или иначе, предопределен комплекс условий для последующего развития живой природы [15]. Основные черты

биотической структуры ландшафта в общем виде могут быть соотнесены с комплексом абиотических показателей [7].

Для природных условий Калининградской области была разработана соответствующая параметрическая матрица (табл. 1). Расчет значений весовых коэффициентов производился по 20 информационным сценариям распределения значимости параметров оценки. На базе этих данных были выделены две группы параметров: основные (расстояние до водотока, уровень грунтовых вод, гранулометрический состав почв) и дополнительные (нерестовый и охраняемый статус, уклон земной поверхности, густота речной сети, характер использования земель). Численное значение весовых коэффициентов основных показателей — 0,25, дополнительных — 0,05 соответственно.

Таблица 1

Матрица параметров уязвимости ландшафтов к антропогенным воздействиям

Параметр	Градация уязвимости				
	Высокая	Повышенная	Умеренная	Пониженная	Низкая
Расстояние до водотока (м)	0—200	201—400	401—600	601—800	801—1000
Уклон земной поверхности (°)	20—17	16—13	12—9	8—5	4—0
Густота речной сети (км/км²)	1,4—1,25	1,24—1,11	1,10—0,96	0,95—0,80	0,79—0,60
Нерестовый статус	Есть		Нет		
Охраняемый статус	Есть		Нет		
Уровень грунтовых вод (м)	0,5—2,0	2,1—4,0	4,1—6,0	6,1—8,0	8,1—10,0
Гранулометрический состав почв	Песчаные	Супесчаные	Супесчано-суглинистые	Суглинистые	Глинистые
Тип угодий	Болотные	Лесные		Луговые (с/х)	

Источник: [8].

Реализация описанной методики осуществлялась с использованием ГИС «Оценка уязвимости ландшафтов Калининградской области к антропогенным воздействиям» на основе программных возможностей ESRI ArcGIS [14].

В структуру ГИС вошли наборы цифровых покрытий в масштабе 1:500 000, созданных на базе данных полевых и камеральных исследований (точечные источники антропогенного воздействия), картографических источников [2].

В качестве основных точечных источников антропогенного воздействия в Калининградской области рассматриваются три группы объектов: месторождения нефти, разрабатываемые карьеры песчано-гравийных материалов (ПГМ) и полигоны твердых бытовых отходов (ТБО). Выбор их

обосновывается масштабами, пространственной представленностью и темпами эксплуатации, а также потенциальными и существующими экологическими проблемами, связанными с их использованием. По результатам дешифрирования спутниковых снимков удалось локализовать и оцифровать 80 техногенных объектов из данных категорий.

Результатом расчетов методики оценки стала региональная модель распределения полей уязвимости ландшафтов Калининградской области к антропогенным воздействиям, представляющая собой выделенные ареалы точек опорной сети, сгруппированных по классам уязвимости в зависимости от значения интегрального показателя с характерными для каждого класса типами ландшафтов (рис. 1).

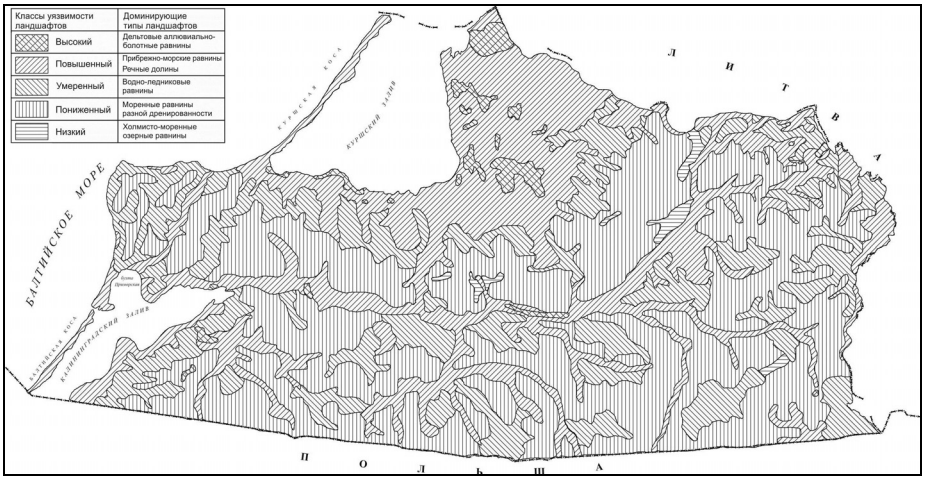


Рис. 1. Региональная модель полей уязвимости ландшафтов Калининградской области к антропогенным воздействиям (по классам)

В абсолютном и процентном выражении площади ландшафтов различных градаций уязвимости соотносятся к площади региона следующим образом: высокая уязвимость — 270 км² (2%), повышенная — 4076 км² (30%), умеренная — 3029 км² (23%), пониженная — 5828 км² (44%), низкая — 97 км² (1%). Из анализа полученных данных следует, что ареал уязвимости определенного класса (ранга) может захватывать несколько ландшафтных единиц. При этом различные уровни уязвимости характерны для определенных ландшафтов: большей уязвимостью обладают прибрежно-морские равнины, речные долины и дельтовые аллювиально-болотные равнины, наименьшей — холмисто-моренные озерные равнины.

Итоговые карты полей уязвимости ландшафтов к химическому и механическому воздействию позволяют выделять участки территории, которые наиболее и наименее подходят для размещения промышленных объектов — потенциальных источников негативного воздействия. Как инструмент пространственного планирования данные схемы могут дополнять существующие подходы к территориальному планированию на уровне региона или отдельных муниципальных образований [14].

В качестве практического направления использования описанной оценки уязвимости ландшафтов к антропогенным воздействиям был проведен пространственный анализ размещения действующих точечных источников антропогенного воздействия: полигоны ТБО, карьеры ПГМ, месторождения нефти. Учет этих данных позволил уточнить степень их потенциальной опасности для компонентов природной среды (рис. 2).

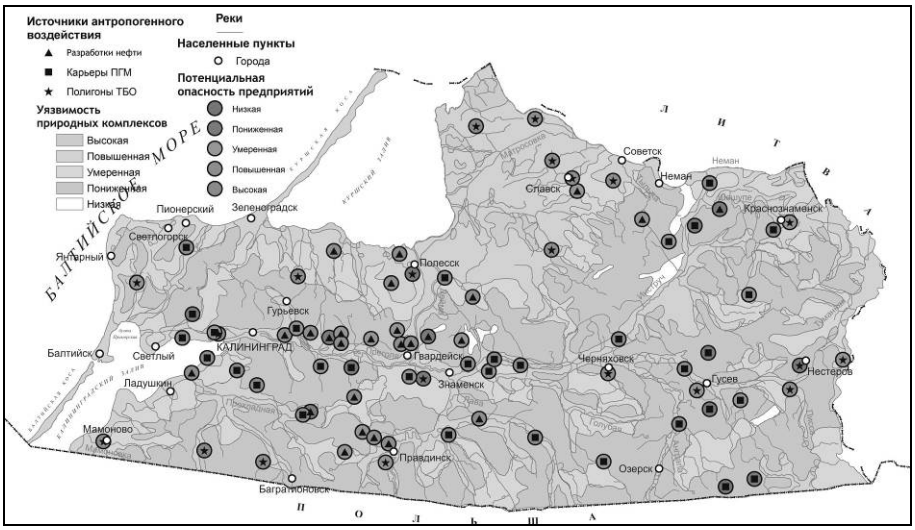


Рис. 2. Дифференциация точечных источников антропогенного воздействия по степени потенциальной опасности для природных ландшафтов Калининградской области

Все объекты антропогенного воздействия были разделены в соответствии с ареалом уязвимости, в который они попали, на пять категорий. Каждой категории присваивался класс потенциальной опасности, при этом высокой уязвимости соответствует 1-й класс (высокая опасность), а низкой — 5-й класс (низкая опасность) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение источников антропогенного воздействия по классам потенциальной опасности в Калининградской области

Категория источника	Класс потенциальной опасности					Всего объектов
	1-й (высокая)	2-й (повышенная)	3-й (умеренная)	4-й (пониженная)	5-й (низкая)	
Месторождения нефти	0	14	8	4	0	26
Карьеры	1	16	9	7	0	33
Полигоны ТБО	2	11	5	3	0	21
Всего объектов по классам	3	41	22	14	0	80

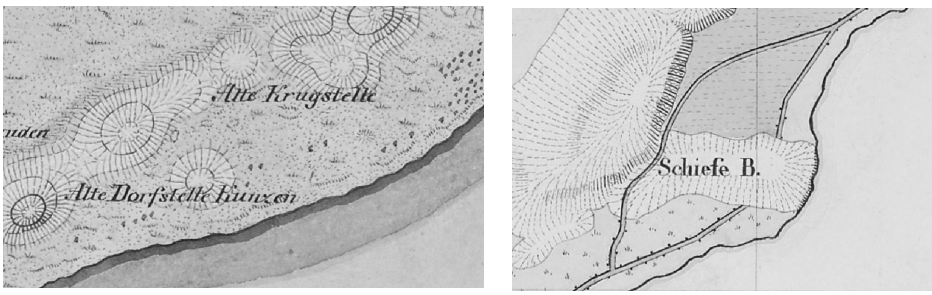
По характеру распределения более половины источников антропогенного воздействия относится к классу высокой и повышенной опасности — 55 %, к умеренной и пониженной опасности — 45 % объектов. Эти данные свидетельствует о необходимости разработки дополнительных природоохранных мер для тех предприятий, которые попали в наиболее опасные категории, а также внедрения экологически ориентированных подходов в системе территориального планирования, чтобы в дальнейшем избежать или свести к минимуму вероятность размещения промышленных объектов на высокоуязвимых ландшафтах.

Второе направление реализации предлагаемой методики — оценка временно́й динамики оценки уязвимости природных ландшафтов. Исторический аспект исследования позволяет определить, как изменялась характеристики той или иной территории в определенный временной интервал, какие последствия вызывали процессы трансформации природных ландшафтов с точки зрения природопользования. Подобный подход дает возможность оценить сценарии развития выбранной территории для целей их корректировки в современном территориальном планировании. В качестве модельного участка для таких работ была выбрана Куршская коса. Ее природные ландшафты имеют уникальную характеристику, так как они являются самыми молодыми на территории области и здесь антропогенные преобразования затронули не только растительный покров, но и рельеф [1; 23].

Трансформация ландшафтов Куршской косы обусловлена не только строительством различного рода хозяйственных объектов туристического и рекреационного назначения, она имеет куда более яркие примеры, главным образом связанные с закреплением подвижных песков естественной расчлененной авандюны с помощью посадки древесной и кустарниковой растительности определенных видов. Уникальность данных работ заключается и в их пространственной характеристике, то есть в масштабности. В данном случае мы говорим не о локальных мероприятиях, а об антропогенной трансформации территории размером около 7 тыс. га. Подобные полномасштабные изменения компонентов природной среды требуют отдельной геоэкологической оценки — с точки зрения их воздействия на ландшафты косы в целом и эффективности для современных задач природопользования и территориального планирования в частности.

В качестве инструмента оценки изменений уязвимости компонентов ландшафтов Куршской косы использовались топографические карты масштаба 1 : 25 000, выполненные в 1859, 1936 и 2010 гг. В ходе работ по оцифровке картографических основ XIX и XX вв., с использованием разработанных АО «Балт АГП» схем приравнивания условных знаков были введены в структуру ГИС данные по границам растительности, формам рельефа суши, береговой линии, дорожной сети и площади населенных пунктов. Временной промежуток исследования описывает период наиболее активной трансформации ландшафтов Куршской косы. Он связан с искусственным формированием авандюны, к которому приступили еще в начале XIX в. и которое продолжается до настоящего времени.

Описываемые в исторических материалах данные о последствиях вырубок лесов на косе, что вызвало активизацию эоловых процессов и выразилось в погребении и засыпании песком отдельных участков территорий, дорог и даже целых поселений, относятся к XIX в. и находят свое отражение на исторических топографических картах (рис. 3).



а *б*

Рис. 3. Результаты ветровой эрозии на Куршской косе по карте 1859 г.:
а — погребенные поселки (старое место поселка Кунцен и трактира);
б — засыпанная старая дорога и проложенный позднее участок дороги в образовавшейся седловине вдоль залива

Активный перенос дюн стал причиной изменения рельефа и береговой линии косы. Динамика ее изменения прослеживается на топографических картах XIX — XX вв. на отдельных участках: например, в районе незакрепленных дюн около пос. Морское она достигает максимальных значений — 300 м (±25 м — точность методики) (рис. 4).

Наиболее отчетливо по результатам анализа топографических карт можно проследить динамику изменения растительности косы, связанную с процессом закрепления дюн. Данные оцифрованных карт позволяют не только рассчитать площади растительных ценозов (лесов, лугов), но и визуализировать их пространственную динамику (рис. 5).

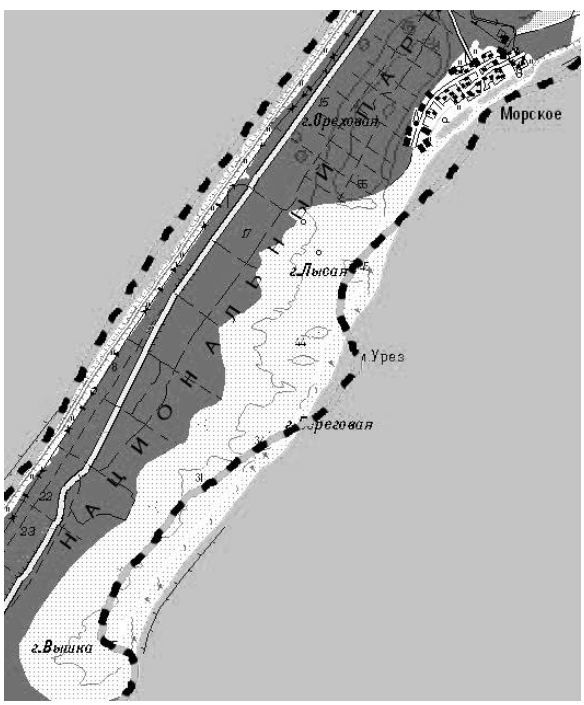


Рис. 4. Динамика изменения береговой линии в районе пос. Морское Куршской косы (пунктиром показана береговая линия по данным топографических карт XIX в.)

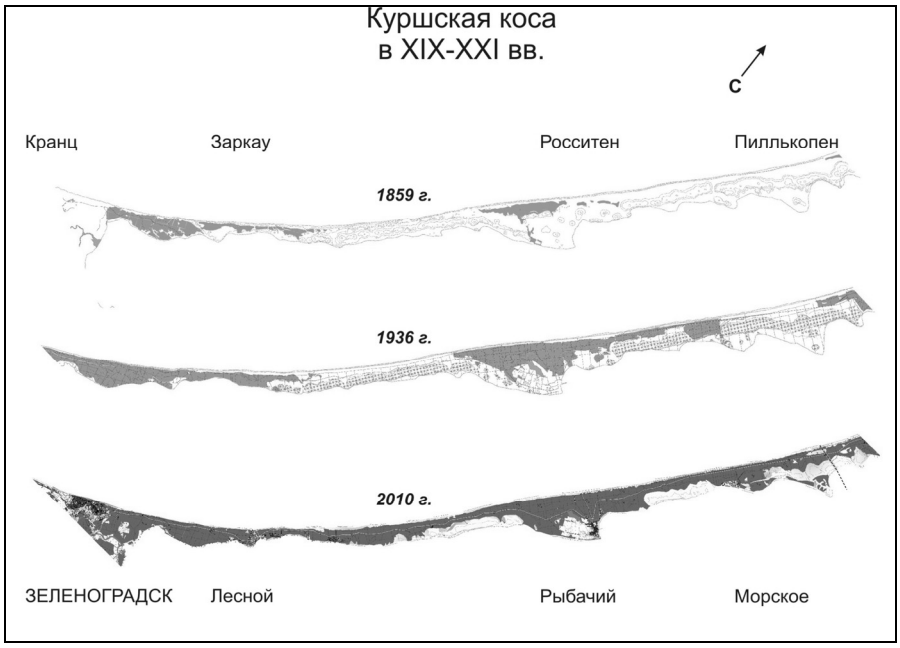


Рис. 5. Динамика изменения лесистости Куршской косы в XIX — XXI вв.

Данные результатов расчета площадей различных типов растительности, а также площадей населенных пунктов на территории Куршской косы представлены в таблице 3.

Таблица 3

Распределение площадей различных типов угодий на территории Куршской косы, га

Тип угодий	XIX в.	XX в.	XXI в.	Изменение в % (XXI/XIX вв.)
Леса	1 037	2 683	5 549	535
Луга	265	910	850	321
Дюнные пески	6 009	911	1 736	29
Селитебные территории (поселки)	47	129	111	236

Данные анализа показывают, что за почти 150-летний период площадь лесов на косе увеличилась почти в пять раз. Этот процесс шел одновременно с активным заселением и освоением косы местными жителями, о чем свидетельствует более чем двукратное увеличение селитебных территорий по сравнению с данными XIX в. В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что период конца XIX — начала XX в. был одним из наиболее интенсивных в освоении косы и трансформации ее природных компонентов и ландшафтов. Темпы и динамика этих антропогенных воздействий прослеживается и в XXI в.

Для решения задачи оценки временной динамики показателя уязвимости ландшафтов Куршской косы использовался такой же алго-

ритм, что и для территории всей Калининградской области. Анализ топографических карт Куршской косы проводился по трем показателям:

— уклон земной поверхности: для расчета уклонов по данным оцифрованной сети горизонталей (XIX и XX вв.) были составлены локальные цифровые модели рельефа;

— тип угодий, отражающий пространственную динамику изменения площадей лесов, лугов и дюнных песков (для оценки уязвимости принималось, что дюнные пески относятся к наиболее уязвимой категории угодий);

— расстояние до моря и лагуны.

Материалы расчетов показали, что динамика изменения интегрального показателя уязвимости ландшафтов Куршской косы имеет положительную тенденцию. Реализация расчетной части методики в среде ГИС позволила выделить ареалы различной степени уязвимости к механическому воздействию (рис. 6).

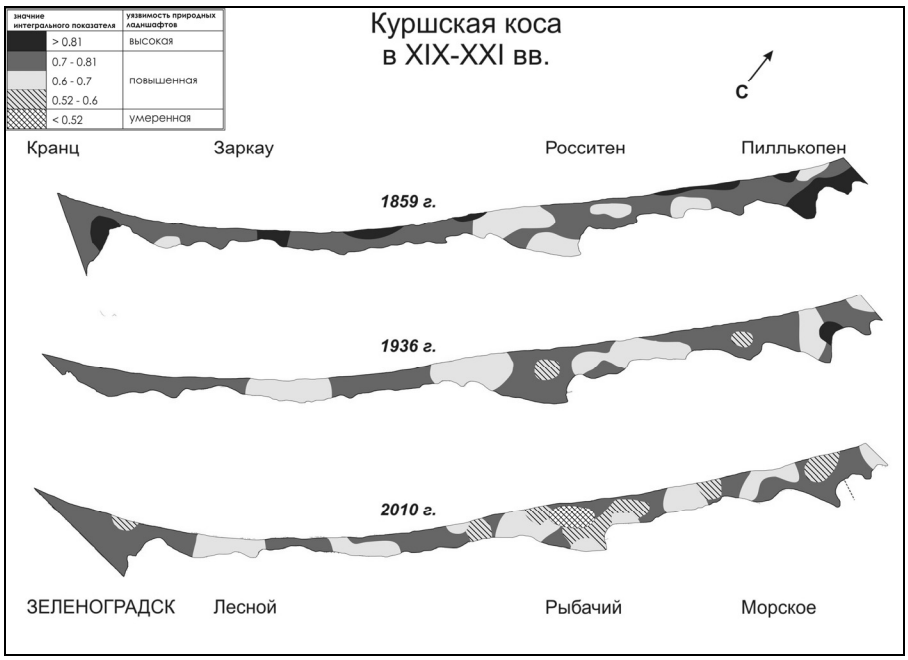


Рис. 6. Изменение показателя уязвимости территории Куршской косы к механическому воздействию

Для XIX в. характерно преобладание ареалов высокой и повышенной уязвимости, где значение интегрального показателя варьирует от 0,62 до 0,86, а средневзвешенное составляет 0,74. Другая картина складывается в XX в.: ареалы высокой уязвимости приобретают локальный характер и приурочены к отдельным участкам северной части косы, а в центральной части появляются территории, имеющие повышенную уязвимость; значение интегрального показателя здесь 0,56—0,81, средневзвешенное — 0,71. Эта динамика продолжается и до настоящего времени, обширные площади косы по-прежнему характеризуются по-

вышенной уязвимостью, но отдельные ареалы уже переходят в категорию умеренной, в то время как категория высокой исчезает; значение интегрального показателя для данных XXI в. составляет 0,51—0,78, средневзвешенное — 0,67.

Итоговые результаты позволяют выявить тенденцию уменьшения показателя уязвимости за выбранный период. Реализуемые меры по трансформации рельефа косы, закреплению дюн являются примером эффективной оптимизации регионального природопользования. Необходимо понимать, что представленная в расчетах динамика снижения уязвимости ландшафтов Куршской косы к механическим воздействиям — это не следствие временной изменчивости компонентов окружающей среды, происходящей в естественных условиях, а результат продуманной и обоснованной природоохранной деятельности, целенаправленной трансформации природных ландшафтов косы.

Предложенная методика оценки уязвимости ландшафтов к антропогенным воздействиям и полученные на ее основе результаты могут быть использованы для оптимизации существующей системы оценки воздействия на окружающую среду, интеграции экологически ориентированных подходов в российскую систему территориального планирования.

Рассмотрим пример использования итоговых материалов данного исследования для Калининградской области. Сравним действующие схемы территориального планирования с пространственной моделью распределения полей уязвимости. При их наложении можно оценить потенциальную конфликтность промышленных и хозяйственных объектов для окружающей среды (рис. 7).

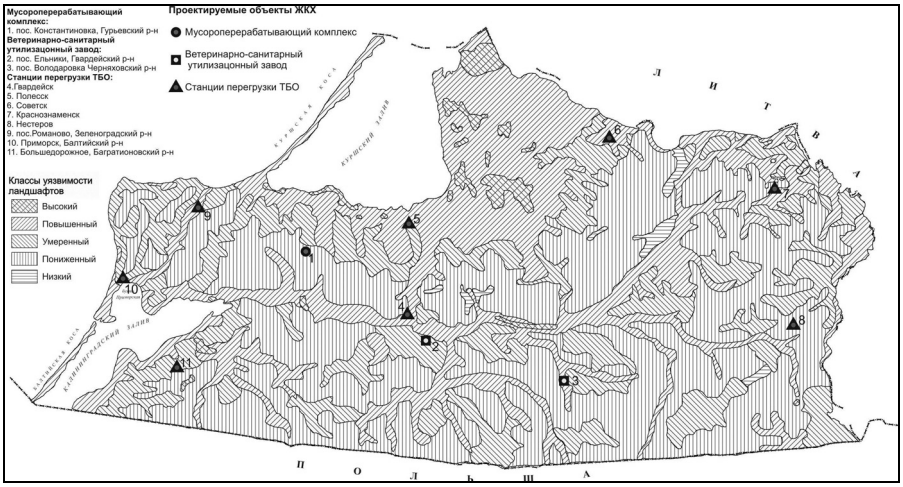


Рис. 7. Соотнесение проектируемых объектов ЖКХ
и полей уязвимости ландшафтов к антропогенным воздействиям

В частности, была выявлена нецелесообразность строительства некоторых планируемых объектов ЖКХ ввиду их приуроченности к ареалам повышенной уязвимости: ветеринарно-санитарных утилизационных заводов в пос. Ельники Гвардейского района и пос. Володаровка

Черняховского района; станций перегрузки ТБО в городах Гвардейск, Полесск, Советск и Краснознаменск. Этот факт позволяет утверждать, что существующие региональные схемы территориального планирования не в полной мере удовлетворяют критериям экологической безопасности и целесообразности размещения хозяйственных объектов.

В этой связи целесообразно рассмотреть несколько возможных сценариев решения подобных ситуаций. Первый включает в себя анализ альтернативных вариантов размещения — изменение мест расположения планируемых объектов вне ареалов высокой и повышенной уязвимости. Второй предполагает (при сохранении места расположения объектов) необходимость дополнительных природоохранных мероприятий и компонентов мониторинга на этапах проектирования, эксплуатации и консервации объекта.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГО — грант на реализацию проекта «Послевоенные изменения в Калининградской области (по материалам топографических карт)».

Список литературы

1. *Волкова И.И.* Оценка чувствительности дюнных природных комплексов (на примере Куршской косы) // Экологические проблемы Калининградской области и Балтийского региона. Калининград, 2005. С. 119—123.

2. *Географический* атлас Калининградской области / гл. ред. В.В. Орленок. Калининград, 2002.

3. *Градостроительный* кодекс Российской Федерации : федеральный закон РФ №190 ФЗ от 29.12.2004 (действующая редакция от 01.01.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Дедков В.П., Федоров Г.М.* Пространственное, территориальное и ландшафтное планирование в Калининградской области. Калининград, 2006.

5. *Дмитриев В.В.* Интегральные оценки состояния сложных систем в природе и обществе // Биосфера. 2010. Т. 2, №4. С. 507—520.

6. *Дмитриев В.В., Дмитриев Н.В., Воскресенская В.А. и др.* Развитие методологии интегральной оценки экологической целостности геосистем // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. №8. С. 78—85.

7. *Зотов С.И., Десятков В.М.* Результаты мониторинга геоэкологических последствий нефтепоискового бурения и добычи нефти в районе верхового болота Целау (Правдинское) // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. 2006. №8. С. 65—73.

8. *Зотов С.И., Кесорецких И.И., Зотов И.С., Лазарева Н.Н.* Геоинформационное обеспечение оценки уязвимости природных комплексов к антропогенным воздействиям // ИнтерКарто-ИнтерГИС-18: Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт : матер. междунар. конф. Смоленск, 2012. С. 318—322.

9. *Зотов С.И., Покровский А.В., Кесорецких И.И., Зотов И.С.* Значимость рельефа для оценки уязвимости природных комплексов к антропогенным воздействиям // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. №1. С. 318—322.

10. *Исаченко А.Г.* Введение в экологическую географию : учеб. пособ. СПб., 2003.

11. *Калининградская* область в цифрах : краткий стат. сб. URL: http://www.kaliningrad.gks.ru (дата обращения: 01.09.2014).

12. *Кесорецких И.И.* Карты уязвимости природных комплексов к антропогенным воздействиям как элемент оптимизации регионального природопользования (на примере Калининградской области) // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: http://www.science-education.ru/120-16513 (дата обращения: 24.12.2014).

13. *Кесорецких И.И., Зотов С.И.* Методика оценки уязвимости природных комплексов к антропогенным воздействиям // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. №. 1. С. 51—57.

14. *Кесорецких И.И., Зотов С.И., Воропаев Р.С.* ГИС для оценки уязвимости природных комплексов Калининградской области к антропогенным воздействиям // ИнтерКарто/ИнтерГИС-20: Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение : матер. междунар. конф. Белгород, 2014. С. 267—274.

15. *Колбовский Е.Ю.* Нерешенные вопросы ландшафтоведения и ландшафтное планирование // Изв. РАН. Сер. Географическая. 2013. №5. С. 19—29.

16. *Кочуров Б.И.* Геоэкологическое картографирование : учеб. пособ. для вузов. М., 2009.

17. *Нефть* и окружающая среда Калининградской области. Т. 1: Суша / под ред. Ю.С. Каджояна, Н.С. Касимова. М.; Калининград, 2008.

18. *НИИПГрадостроительства* — Внедрение экологических принципов в территориальное планирование России : отчет по 3-му этапу проекта «ЭкоРус», 2014. URL: http://www.ioer.de/fileadmin/internet/IOER_Projekte/EkoRuss (дата обращения: 01.11.2014).

19. *Сивков В.В., Зотов С.И., Кузьмина Е.В.* Оценка экологической чувствительности прибрежных ландшафтов Калининградской области к химическому загрязнению // Прибрежная зона моря: морфолитодинамика и геоэкология : матер. конф. / отв. ред. В.В. Орленок. Калининград, 2004. С. 228—230.

20. *Федоров Г.М.* Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. 2014. №3. С. 71—82.

21. *Хаустов А.П., Редина М.М.* Модернизация системы экологического нормирования на основе европейского опыта управления качеством подземной гидросферы // Устойчивость водных объектов, водосборных и прибрежных территорий; риски их использования : сб. науч. тр. Всероссийской науч. конф. Калининград, 2011. С. 443—448.

22. *Хованов Н.В., Федотов Ю.В.* Модели учета неопределенности при построении сводных показателей эффективности деятельности сложных производственных систем // Научные доклады. 2006. №28(R).

23. *Шаплыгина Т.В.* Геоэкологическая оценка состояния природных комплексов Куршской и Вислинской кос : дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2010.

24. *Council* of Europe Landscape and sustainable development: challenges of the European Landscape Convention. Council of Europe Publishing, Strasbourg. 2006. URL: http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/landscape/Publications/PaysageDeveloppement%20_en.pdf (дата обращения: 13.06.2014).

25. *Golobic M., Cof A., Gulic A.* Vulnerability, attractiveness and suitability analysis of the area of Škofja Loka municipality for production activities. Ljubljana, 2006.

26. *Gundlash E.R., Hayes M.O.* Classification of costal environments in terms of potential vulnerability to oil spill damage // Marine Technology Society Journal. 1978. Vol. 12, №4. P. 18—27.

27. *Malczewski J.* GIS and Multicriteria Decision Analysis. John Wiley & Sons, 1999. P. 392. URL: http://books.google.ru/books/about/GIS_and_Multicriteria_Decision_Analysis.html?id=2Zd54x4_2Z8C&redir_esc=y (дата обращения: 11.06.2014).

Об авторах

Иван Иванович Кесорецких, ведущий специалист некоммерческого партнёрства «Институт пространственного планирования, развития и внешних связей», Россия.
E-mail: ivan. k.loki@gmail.com

Сергей Игоревич Зотов, доктор географических наук, профессор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Россия.
E-mail: zotov.prof@gmail.com

Михаил Валерьевич Дробиз, главный инженер акционерного общества «Балтийское аэрогеодезическое предприятие», Россия.
E-mail: mikhail.droiz@gmail. com

ASSESSING SPATIAL AND TEMPORAL CHANGES IN THE LANDSCAPE VULNERABILITY IN THE KALININGRAD REGION AS AN ELEMENT OF SUSTAINABLE SPATIAL PLANNING

I. Kesoretskikh[*], S. Zotov[**], M. Drobiz[***]

[*] *'Institute of Spatial Planning, Development, and International Ties' non-profit partnership, 27 Klinicheskaya ul, Kaliningrad, 236016, Russia.*

[**] *Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236040, Russia.*

[***] *Baltic Air Geodesics Company, 161 prospket Pobedy, Kaliningrad, 236010, Russia*

Submitted on September 10, 2015

The relevance of applied regional studies aimed at solving problems of adapting the nature management and spatial planning system to the current conditions of natural landscape transformation is based on the widespread interest in this topic from Russian and international researchers. Environmental approaches, which gained currency at the legislative level elsewhere in Europe, are virtually absent in the Russian system of spatial planning. This results in the emergence of and increase in the number of nature management conflicts at the regional and local levels and creates problems for using advanced international experience in problem solving.

This study aims to establish a methodology for a comprehensive assessment of the Kaliningrad region's territory according to the degree of landscape vulnerability to the anthropogenic impact in spatial and temporal aspects. In practical terms, this study demonstrates the possibility of introducing environmental approaches into the system of regional spatial planning in view of the geoecological, economic, geographical, and historical factors. The key result of this study is the preparation of cartographic documents describing changes in landscape vulnerability of the Kaliningrad region. These documents serve as the basis for proposals aimed at optimising the regional nature management system. The findings of the study make it possible to augment the existing approaches to spatial planning in the Kaliningrad region and its municipalities.

Key words: landscape, vulnerability, Kaliningrad region, Curonian spit, GIS, nature management, spatial planning

References

1. Volkov, I.I. 2005, Otsenka chuvstvitel'nosti dyunnykh prirodnykh kompleksov (na primere Kurshskoy kosy) [Evaluation of the sensitivity of the natural dune complexes (for example the Curonian Spit)], *Environmental problems of the Kaliningrad region and the Baltic region*, Kaliningrad, p. 119-123.

2. Antonova, E.V. et al. (eds.), Orlenok, V.V. et al. (red.), 2002, *Geograficheskiy atlas Kaliningradskoy oblasti* [Geographical Atlas of the Kaliningrad Region], Kaliningrad, 276 p.

3. Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii – Federal'nyy zakon RF [Town Planning Code of the Russian Federation – Federal Law of Russian Federation], 2004, №190-FZ ot 29.12.2004 (current version of 01.01.2014).

4. Dedkov, V.P., Fedorov, G.M. 2006, *Prostranstvennoye, territorial'noye i landshaftnoye planirovaniye v Kaliningradskoy oblasti* [Spatial, territorial and landscape planning in the Kaliningrad region], Kaliningrad, 184 p.

5. Dmitriyev, V.V. 2010, Integral'nyye otsenki sostoyaniya slozhnykh sistem v prirode i obshchestve [Integrated assessment of complex systems in nature and society], *Mezhdistsiplinarnyy nauchnyy i prikladnoy zhurnal «Biosfera»* [Interdisciplinary Journal of Applied Science Biosphere], Vol. 2, no.4, p. 507–520.

6. Dmitriyev, V.V., Dmitriyev, N.V., Voskresenskaya, V.A., Frolova, A.D., Kozheko, U.R. 2014, Razvitiye metodologii integral'noy otsenki ekologicheskoy tselostnosti geosistem [Development of an integrated methodology for evaluating the environmental integrity of geosystems], *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Basic Research], no. 8, p.78-85

7. Zotov, S.I., Desyatkov ,V.M. 2006, Rezul'taty monitoringa geoekologicheskikh posledstviy neftepoiskovogo bureniya i dobychi nefti v rayone verkhovogo bolota Tselau (Pravdinskoye) [Results of monitoring of geo-ecological consequences of oil exploration and extraction of oil drilling in the area of Tselau swamp (Pravdinskoye)], *Geologiya, geofizika i razrabotka neftyanykh i gazovykh mestorozhdeniy* [Geology, geophysics and development of oil and gas fields], no. 8, p. 65-73.

8. Zotov, S.I., Kesoretskikh, I.I., Zotov, I.S., Lazareva, N.N. 2012, Geoinformatsionnoye obespecheniye otsenki uyazvimosti prirodnykh kompleksov k antropogennym vozdeystviyam [GIS support for vulnerability assessment of natural systems to anthropogenic influences], *InterKarto-InterGIS-18: Ustoychivoye razvitiye territoriy: teoriya GIS i prakticheskiy opyt. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [In-

terCarto-InterGIS-18: Sustainable Development of Territories: GIS Theory and practical experience. Proceedings of the international conference], Smolensk, p. 318-322.

9. Zotov, S.I., Pokrovskiy, A.V., Kesoretskikh, I.I., Zotov, I.S. 2013, Znachimost' rel'yefa dlya otsenki uyazvimosti prirodnykh kompleksov k antropogennym vozdeystviyam [The importance of relief to assess the vulnerability of natural systems to anthropogenic influences], *Vestnik IKBFU*, no. 1, p. 318-322.

10. Isachenko, A.G. 2003, *Vvedeniye v ekologicheskuyu geografiyu* [Introduction to environmental geography], St. Petersburg, St. Petersburg University, 192 p.

11. Kaliningradskaya oblast' v tsifrakh. Kratkiy statisticheskiy sbornik [Kaliningrad Region in Figures. Short Statistical Book], 2014, *Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Kaliningradskoy oblasti*, Federal State Statistics Service in the Kaliningrad region], 154 p., available at: www.kaliningrad.gks.ru (accessed 01.09.2014).

12. Kesoretskih, I.I. 2014, Karty uyazvimosti prirodnykh kompleksov k antropogennym vozdeystviyam kak element optimizatsii regional'nogo prirodopol'zovaniya (na primere Kaliningradskoy oblasti) [Maps of vulnerability of natural complexes to anthropogenic impacts as part of the optimization of regional nature (for example the Kaliningrad region)], *Modern problems of science and education*, no. 6, available at: http://www.science-education.ru/120-16513 (accessed 12.24.2014).

13. Kesoretskikh, I.I., Zotov, S.I. 2012, Metodika otsenki uyazvimosti prirodnykh kompleksov k antropogennym vozdeystviyam [Methods of assessing the vulnerability of natural systems to anthropogenic influences], *Vestnik IKBFU*, no. 1, p. 51-57.

14. Kesoretskikh, I.I., Zotov, S.I., Voropayev, R.S. 2014, GIS dlya otsenki uyazvimosti prirodnykh kompleksov Kaliningradskoy oblasti k antropogennym vozdeystviyam [GIS for assessing the vulnerability of natural systems of the Kaliningrad region to anthropogenic influences], *InterKarto / InterGIS-20: Ustoychivoye razvitiye territoriy: kartografo-geoinformatsionnoye obespecheniye* [InterCarto / InterGIS-20: Sustainable Development of Territories: cartography and GIS software], Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Proceedings of the international conference], p.267-274.

15. Kolbovskiy, E.U. 2013, Nereshennyye voprosy landshaftovedeniya i landshaftnoye planirovaniye [Outstanding issues of landscape science and landscape planning], *Izvestiya RAS. Ser. Geography*, no. 5, p.19-29.

16. Kochurov, B.I. 2009, *Geoekologicheskoye kartografirovaniye* [Geoecological mapping], RAS, Institute for geography, M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Akademiya, 224 p.

17. Kadzhoyana, U.S., Kasimova, N.S. 2008, *Neft' i okruzhayushchaya sreda Kaliningradskoy oblasti* [Oil and the environment of the Kaliningrad region], Vol. 1, 360 p.

18. NIIPGradostroitel'stva - Vnedreniye ekologicheskikh printsipov v territorial'noye planirovaniye Rossii [[Implementation of the environmental principles in the Russian territorial planning], 2014, *EkoRus 2014*, Report on the 3rd stage of the project EkoRus], available at: http://www.ioer.de/fileadmin/internet/IOER_Projekte/EkoRuss (accessed 01.11.2014).

19. Sivkov, V.V., Zotov, S.I., Kuz'mina, E.V., 2004, Otsenka ekologicheskoy chuvstvitel'nosti pribrezhnykh landshaftov Kaliningradskoy oblasti k khimicheskomu zagryazneniyu [Assessment of environmental sensitivity of coastal landscapes of the Kaliningrad region to chemical pollution]. In: Orlenok, V.V. (ed.), *Pribrezhnaya zona morya:. Morfolitodinamika i geoekologiya* [Nearshore: morfolitodinamic and geoekology], Proceedings of the conference, Kaliningrad, p. 228-230.

20. Fedorov, G. M. 2014, Border Position as a Factor of Strategic and Territorial Planning in Russian Regions in the Baltic, *Balt. Reg.,* no. 3, p. 58—67. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-5.

21. Khaustov, A. P., Redina, M. M. 2011, Modernizatsiya sistemy ekologicheskogo normirovaniya na osnove yevropeyskogo opyta upravleniya kachestvom podzemnoy gidrosfery [Modernization of the system of environmental regulation on the basis of the European experience of quality management of underground hydrosphere], *Ustoychivost' vodnykh ob"yektov, vodosbornykh i pribrezhnykh territoriy; riski ikh ispol'zovaniya* [Sustainability of water bodies, watersheds and coastal areas; the risks of their use], Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, *Kaliningrad, 25-30 July 2011*, p.443-448.

22. Khovanovm N. V., Fedotov, U. V. 2006, Modeli ucheta neopredelennosti pri postroyenii svodnykh pokazateley effektivnosti deyatel'nosti slozhnykh proizvodstvennykh system [Models accounting for uncertainty in the construction of summary performance indicators of complex production systems], *Nauchnyye doklady* [Scientific reports number], no.28 (R), St. Petersburg, 37 p.

23. Shaplygi, T. V. 2010, *Geoekologicheskaya otsenka sostoyaniya prirodnykh kompleksov Kurshskoy i Vislinskoy kos* [Geoecological assessment of the state of natural complexes of the Curonian and Vistula Spit], Candidate thes., Kaliningrad , Russiam State Immanuel Kant University, 197 p.

24. Council of Europe Landscape and sustainable development: challenges of the European Landscape Convention, 2006, Council of Europe Publishing, Strasbourg, available at: http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/landscape/Publications/PaysageDeveloppement%20_en.pdf (accessed 13.06.2014).

25. Golobic, M., Cof, A., Gulic, A. 2006, *Vulnerability, attractiveness and suitability analysis of the area of Škofja Loka municipality for production activities*, Ljubljana , Urban planning institute of the RS.

26. Gundlash, E. R., Hayes, M. O. 1978 , Classification of costal environments in terms of potential vulnerability to oil spill damage, *Marine Technology Society Journal*, Vol.12, no. 4, p. 18-27.

27. Malczewski, J. 1999 , *GIS and Multicriteria Decision Analysis,* John Wiley & Sons, p. 392, available at: http://books.google.ru/books/about/GIS_and_Multicriteria_Decision_Analysis.html?id=2Zd54x4_2Z8C&redir_esc=y (accessed 11.06.2014).

About the authors

Ivan Kesoretskih, Leading Specialist, 'Institute of Spatial Planning, Development, and International Ties' non-profit partnership, Russia.
E-mail: ivan. k.loki@gmail.com

Prof Sergey Zotov, the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, IKBFU, Russia.
E-mail: zotov.prof@gmail.com

Mikhail Drobiz, Chief Engineer, Baltic Air Geodesy Company, Russia.
E-mail: mikhail.droiz@gmail.com

УДК 913

ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ В ЛАНДШАФТНОЙ СРЕДЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.А. Романова*

О.Л. Виноградова*

Г.В. Кретинин*

М.В. Дробиз**

Рассмотрены методические вопросы исследования современных ландшафтов с точки зрения одновременного функционирования как природных, так и антропогенных компонентов территориальной структуры. Железнодорожные комплексы не только представляют собой важный системообразующий элемент хозяйственной структуры и системы расселения, но и влияют на изменение культурных ландшафтов. Исследования картографических материалов и историографии позволило выделить этапы эволюции железнодорожной сети Калининградской области в соответствии со степенью охвата территории, особенностями рисунка железнодорожной сети и причинами, обусловившими соответствующие изменения.

Основными факторами развития железнодорожной сети Калининградской области исторически служили изменения политической, экономической и военной ситуаций в регионе, в меньшей степени — природный фактор. Современная система Калининградской железной дороги в значительной степени унаследована от предыдущих, довоенных, этапов развития, а сегодня направлена в основном на импортно-экспортные перевозки грузов и пассажиров. На территории региона выделены два вида железнодорожных ландшафтов — современные (эксплуатируемые) и реликтовые (дичающие). Процесс ренатурализации железнодорожных ландшафтов развивается при прекращении мероприятий по поддержанию рабочего состояния дорог, и в соответствии с особенностями искусственного рельефа и насыпных грунтов происходит формирование специфических примитивных почв и пионерных биоценозов.

Ключевые слова: ландшафтная среда территории, эволюция железнодорожной сети, система расселения, реликтовые и современные антропогенные ландшафты

*Институт природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236040, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

**Акционерное общество «Балтийское аэрогеодезическое предприятие», 236010, Россия, Калининград, пр. Победы, 161

doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-11

Поступила в редакцию 18.10.2015 г.

© Романова Е. А., Виноградова О. Л., Кретинин Г. В., Дробиз М. В., 2015

В настоящее время ландшафты территории Калининградской области представляют собой сложную систему территориальных комплексов, имеющих разную степень преобразования природной основы и находящихся на разных этапах своего развития. В фокусах роста продолжается интенсивное освоение территории, то есть идет дальнейшее строительство культурного ландшафта. В депрессивных районах преобладают *дичающие* и *одичавшие* ландшафты (по терминологии В. П. Семенова-Тяншанского) [24, с. 128]. Эти ландшафты соответствуют разным стадиям вторичной сукцессии. Не отрицая тот факт, что современные ландшафты любой территории формируются на основе природных комплексов, мы считаем, что в настоящее время ограничиваться изучением (а учитывая длительность их антропогенного преобразования, то скорее восстановлением) только природной основы нельзя [17, с. 202]. В последние сотни лет ландшафтная среда территории Калининградской области формировалась под воздействием как социально-экономических, так и военно-политических факторов, которые определяли прежде и определяют сейчас современный облик и состояние существующих ландшафтов. Одним из таких факторов, изменивших их облик за относительно небольшой промежуток времени (менее двухсот лет), было развитие железнодорожного транспорта.

Цель данного исследования — определить изменения ландшафтной среды территории в результате строительства железнодорожной сети и ее последующего развития. Для анализа был использован картографический материал трех временны́х этапов: середины XIX в. (1834—1860); первой половины XX в. (1926—1939) и 2010—2012 гг., а также материалы по военно-географической истории Восточной Пруссии. Сравнение картографического и исторического материалов стало доступным благодаря реализации проекта Русского географического общества «Послевоенные изменения в Калининградской области (по материалам топографических карт)».

Пути воздействия железнодорожной сети территории на ее ландшафтную среду

Развитие транспортной системы территории всегда изменяет ее облик, но воздействие это может быть прямое или косвенное. Прямое воздействие заключается в формировании особого вида антропогенного ландшафта. Ф. Н. Мильков и Ф. В. Стольберг выделяют линейно-дорожный класс ландшафтов, связанный с использованием и трансформацией земель в целях обеспечения коммуникации между людьми [14, с. 73; 15, с. 123]. Этот класс включает в себя кроме собственно путей сообщения также инженерные сооружения — мосты, путепроводы, здания (вокзалы, склады и т. д.). А. Ю. Скопин и П. Хаггет говорят о ландшафте транспортных сооружений и понимают его как разновидность индустриального ландшафта [26, с. 207].

Учитывая, что речь идет о дорожной структуре, следует заметить, что ландшафты дорог отдельно не выделяются, а включаются в состав

ландшафтов поселений и промышленных объектов [4]. Однако происхождение, структура и влияние дорог на окружающие комплексы существенно отличает их от любых других антропогенных ландшафтов. В частности, строительство железных дорог предусматривает перемещение значительных объемов грунта — создание выемок и насыпей, насыпных подушек из гравия, песка или других материалов. Вслед за литогенной основой (насыпями и выемками с искусственными грунтами) формируются особый микроклимат (особенно на крупных железнодорожных объектах), регулируемые потоки влаги (внутренний и внешний дренаж), растительные комплексы и примитивные почвы. Дорожное полотно дополняется лесополосами, линиями электропередач, полосами отчуждения, кюветами, что значительно расширяет его площадь.

Прямое влияние железнодорожного строительства на ландшафт не ограничивается усложнением существующей структуры ландшафта за счет появления новых ландшафтов. Выемки и насыпи железных дорог формируют местную сеть водоразделов и тальвегов, способствуя перераспределению существующих потоков воды. В результате могут образовываться небольшие по площади низинные болота, а железнодорожные насыпи подвергаться эрозии в бóльшей степени, чем исходный ландшафт. Инфраструктура железных дорог — это не только путевое хозяйство с переездами, путепроводами и мостами, но и система железнодорожных узлов с сортировочными станциями, локомотивными и вагонными депо, пассажирскими вокзалами. Таким образом, железнодорожную систему территории можно определить, как сетевую структуру, где линии железных дорог образуют сети различной конфигурации, а сгущение сетей — узловые районы, где насыщенность ландшафта искусственными компонентами многократно возрастает.

Косвенное, но от этого не менее значительное, влияние транспортной сети на облик и структуру ландшафта заключается в изменении системы расселения. В начале железнодорожного освоения территории значение сети дорог для дальнейшего развития системы расселения территории очень велико. Новейшая история европейской части России — тому подтверждение. Например, строительство стратегических железных дорог от Санкт-Петербурга на Мурманск, на Вологду и Вятку потребовало значительного количества неквалифицированной рабочей силы и строительных материалов, которые экономичнее было добывать на месте. Это привело к исчезновению массы мелких деревень, жители которых переселялись в рабочие поселки и города, и к появлению новых населенных пунктов — пристанционных поселков [11, с. 231].

Развитие железнодорожной сети изменяет экономико-географическое положение поселений, вызывая экономический расцвет и рост одних населенных пунктов и упадок других, а также усиливает поляризацию пространства. По Б. Б. Родоману, различают континуальные и дискретные пути сообщения и виды транспорта. Континуальные предусматривают возможность остановки и любые транспортные операции в любом месте транспортной сети, к таким видам транспорта относится

автомобильный (а раньше — гужевой) [16, с.77]. Дискретные виды — это железнодорожный, водный и воздушный транспорт; они требуют создания определенной инфраструктуры в местах остановки. Так как любой транспортный пункт является ядром кристаллизации для поселений, в анизотропной среде они приобретают форму полос вдоль транспортной магистрали при континуальном транспорте, а при дискретном формируются в виде ареалов, окружностей вокруг остановочных пунктов (станций, вокзалов, аэропортов, речных и морских пристаней). Нарастание скоростей передвижения в случае дискретности транспорта увеличивает поляризацию освоенного пространства, потому что территории между остановочными пунктами становятся менее доступными, как и местности за пределами круговых ареалов. В случае развития континуального транспорта поляризация пространства (и систем расселения) также происходит, но в виде отдельных полос, при этом территории с пониженной активностью человеческой деятельности разобщены и имеют меньшие возможности сохранения биоразнообразия вследствие этой разобщенности [16].

При железнодорожном освоении территории происходит процесс долговременной, преимущественно однонаправленной трансформации пространственной структуры сети [28, с. 131]. Направление этого процесса может быть восходящим, при котором происходит постепенное усложнение транспортной структуры, и нисходящим, которое связано с ее упрощением. Конфигурация транспортных сетей может поддерживаться системой административно-территориального деления (как в большинстве субъектов европейской части РФ), а может противоречить ей, что происходит из-за изменения государственных (реже административных) границ. В истории железнодорожной сети на территории Калининградской области в зависимости от направления ее развития можно выделить несколько этапов:

— начало формирования железнодорожной сети (этап магистрального железнодорожного освоения территории);

— развитие узкоколейной железнодорожной сети (этап заполнения межмагистральных промежутков или создания циклических сетей);

— упрощение железнодорожной сети в связи с уничтожением большинства узкоколейных дорог;

— современный этап (существующие и реликтовые железнодорожные ландшафты).

Состояние ландшафтной среды до начала железнодорожного освоения территории

Природные ландшафты нынешней Калининградской области приобрели современный зональный вид около 2,5 тыс. лет назад, когда пришел в соответствие с климатическими условиями и стабилизировался почвенно-растительный покров территории. Литогенная основа сформировалась более 10 тыс. лет назад в результате движения Валдайского ледника. В структуре природных комплексов Калининград-

ской области нами выделены следующие виды ландшафтов: равнины основной морены, конечно-моренные возвышенности, озерно-ледниковые равнины, приморские ландшафты, древнедельтовые низменности, долинные ландшафты, древнеаллювиальные равнины, подвергшиеся эоловой переработке. Взаимодействие природных факторов ландшафтогенеза, расположение области в зоне разрушения ледника обусловливает сложность ее ландшафтной структуры, что, в свою очередь, определяет особенности хозяйственного освоения региона [19, с. 26; 20, с. 35; 21, с. 30].

К началу строительства железных дорог Восточная Пруссия была территорией с развитым сельским хозяйством. Достаточно сказать, что пахотные земли занимали две трети площади сельскохозяйственных земель [6, с. 8]. Мелиоративная система, которая начала формироваться еще в XIV—XV вв., включала в себя земли с открытым и закрытым дренажем, принудительные (польдерные) и самотечные комплексы. Опорный каркас расселения к тому времени в общих чертах уже был сформирован: многочисленные города, поселки и хутора соединяла густая сеть дорог, в основном мощеных, предназначенных для гужевого транспорта [17, с. 202; 18, с. 47].

Таким образом, Восточная Пруссия к середине XIX в. была территорией практически сплошного хозяйственного освоения, площадь культурных ландшафтов значительно превышала площадь неизмененных природных комплексов, и ландшафтную среду того времени можно характеризовать как сложную и мозаичную [20, с. 37; 22, с. 30; 23, с. 145].

Очерк развития железных дорог на территории Калининградской области

Начало формирования железнодорожной сети

На развитие железнодорожной сети в Восточной Пруссии оказывало влияние несколько факторов. Первый из них — цивилизационный. В середине и особенно во второй половине XIX в. по всей Европе началось массовое строительство железных дорог. Этот процесс затронул и Восточную Пруссию. Так, еще в 1847 г. было начато строительство железной дороги Берлин — Кёнигсберг (завершившееся в 1853 г.), в 1860 г. сдана в эксплуатацию линия Кёнигсберг — Инстербург — Эйдткунен. В 1860-х гг. железнодорожное сообщение было открыто между Кёнигсбергом, Пиллау и Ликком [10, с. 348; 2, с. 192, 195].

Однако в Германии, стремительно превращавшейся в империю, в этот период превалирующим оказался военный фактор развития железнодорожной сети. Один из идеологов «блицкрига» Мольтке-старший считал железные дороги ключом войны и требовал от своих подчиненных: «Не стройте больше крепостей, стройте железные дороги» [27, с. 129].

В соответствии с идеями Мольтке и развертывалось строительство железных дорог в Восточной Пруссии. Естественно, железные дороги оказывали влияние на развитие экономики страны, однако предназначались прежде всего для военных нужд. Поэтому строительство их находилось под контролем военных, к каждой линии был прикреплен офицер германского Генерального штаба. Ни один путь не мог быть проложен или изменен без согласования с военным ведомством [10, с. 348].

Сеть железных дорог в Восточной Пруссии в целом была сформирована к концу XIX в. В ней четко прослеживались интересы военного ведомства. В стратегическом отношении железные дороги должны были обеспечить доставку войск и военных грузов к границе Германии с северо-западными губерниями России. Исходя из этого, на территории к востоку от Вислы и до Немана были проложены две основные фронтальные линии: Мариенбург (Мальборк) — Эльбинг (Эльблонг) — Браунсберг (Бранёво) — Кёнигсберг и Торн (Торунь) — Алленштайн (Ольштын) — Инстербург. Как бы продолжением второй линии была железная дорога Инстербург — Тильзит — Мемель с ветвями от Тильзита: через Пилькаллен до Шталупенена и через Лабиау в Кёнигсберг. Весь путь первой фронтальной линии был двухколейным, второй — одноколейный в пределах собственно Восточной Пруссии. Обе эти линии связывались между собой шестью рокадами (поперечными путями, вдоль линии фронта, границы), выводящими к российской границе. В пределах сегодняшней Калининградской области интерес представляют две рокады: Кёнигсберг — Прейсиш-Эйлау — Бартенштейн (Бартошице) — Ликк (Гижицко) и Кёнигсберг — Инстербург — Эйдткунен с ответвлением Инстербург — Голдап — Ликк. Рокада Кёнигсберг — Эйдткунен была двухколейной, ответвление — одноколейным [3, с. 71—72, 80—87].

Развитие железнодорожной сети продолжалось всю вторую половину XIX в. Было установлено сообщение между Инстербургом, Даркеменом и Голдапом. В 1894 г. открылось сообщение Инстербург — Торн. В 1890 г. на станции Эйдткунен завершилось строительство большой погрузочно-разгрузочной платформы. Подобного рода платформы строились и на других станциях (Тапиау — длиной 300 м, Велау — 250 м, Норкитен — 260 м, Инстербург — две платформы, Гумбиннен — 200 м, Тракенен — 200 м). В целом к 1895 г. общая протяженность железных дорог на территории Восточной Пруссии составила 1891 км, а плотность — 51,1 км на 1000 км^2 [30, S. 66].

Так как железные дороги в восточной провинции Германии строились с учетом прежде всего стратегических интересов, что позволяло бы быстро перебрасывать большие массы войск с запада на восток и обратно, то вскоре обнаружилась нехватка дополнительных и промежуточных дорог. Кстати, отсутствие таких дорог значительно замедляло рассредоточение и перегруппировку войск вдоль границы, затрудняло их снабжение. Кроме того, военное командование к тому времени скорректировало планы и идеи Мольтке-старшего и стало уделять больше

внимание крепостному и полевому строительству. Но для этого также требовались железные дороги местного значения. Поэтому и были приняты меры для комплексного развития сети железных дорог. В военных целях прежде всего готовились железнодорожные пути, ведущие к Рагниту, участок пути Тильзит — Шталлупенен. Расширялась сеть местных железных дорог: Тапиау — Фридланд — Бартенштайн, Фридланд — Домнау — Прейсиш-Эйлау. В результате в 1913 г. плотность их составила 78,3 км на 1000 км^2 [30].

Военная потребность Восточной Пруссии в железных дорогах положительно сказывалась на экономическом развитии провинции в целом, особенно на торговой составляющей народного хозяйства. Железные дороги были необходимы для обеспечения торговли с Россией, а через морской порт — и со странами Европы.

В связи с ростом популярности курортов получило развитие пригородное железнодорожное сообщение. Первая ветка соединила Кранц (Зеленоградск) и Кранцбеек — пристань на берегу канала, откуда отправлялись по Куршскому заливу суда в Мемель (Клайпеду) и Нидден (Ниду). В 1885 г. открылось сообщение Кёнигсберг — Кранц (Зеленоградск), а в 1900 г. начала эксплуатироваться линия Кёнигсберг — Раушен (Светлогорск) — Георгенсвальде (Отрадное) — Варникен (Лесное).

В 20—30 гг. XX в. железнодорожное сообщение продолжало совершенствоваться, несмотря на экономический кризис. В этот период была проложена вторая колея на линии Тильзит (Советск) — Инстербург (Черняховск) — Гердауэн (Железнодорожный). В последнее перед Второй мировой войной десятилетие построена железнодорожная ветка Хайлигенбайль (Мамоново) — Прейсиш-Эйлау (Багратионовск), достроена кольцевая дорога на Земландском полуострове и осуществлена капитальная перестройка кёнигсбергского железнодорожного узла [13].

Развитие железнодорожной сети в значительной мере влияет на ландшафтные изменения в регионе. Особенно ярко они проявляются в местах пересечения железными дорогами водных преград, где возводятся мосты и прилегающая инфраструктура. На территории области наиболее известен железнодорожный мост через р. Неман длиной около 270 м. Кроме того, были построены мосты через реки Алле, Инструч, Прегель. Из пристанционных сооружений особенно выделяются вокзалы. В Кёнигсберге их было несколько. Первый железнодорожный вокзал открылся в 1853 г. и назывался Восточным (не сохранился). До настоящего времени действуют два вокзала — Южный (Калининград-пассажирский) и Северный [1]. Южный вокзал был открыт в 1929 г., имел дебаркадер, который перекрыт трехпролетной клёпаной металлической конструкцией со стеклянными вставками [9, с. 448—449]. Северный вокзал построен в том же году на месте своих предшественников — Кранценского и Замландского вокзалов, обслуживавших курортное направление [9, с. 450]. Крупные железнодорожные узлы северной части Восточной Пруссии были созданы в Тильзите (Советске), Инстербурге (Черняховске) и в Пиллау (Балтийске).

Развитие узкоколейной железнодорожной сети на территории области

Кроме главных и второстепенных путей с обычной колеёй (1435 мм) на территории Восточной Пруссии функционировали многочисленные узкоколейные (750 мм) железные дороги, которые располагались на участках между путями стандартной ширины. Они начали создаваться на рубеже XIX — XX вв. К 1917 г. протяженность узкоколеек достигла 215 км, и они имели остановки почти у каждой деревни, на перекрестках сельских дорог, на главных просеках лесничеств. Помимо сельхозпредприятий, услугами узкоколейки для транспортировки своей продукции пользовались многочисленные молочные, кирпичные заводы, мельницы, лесопилки и прочие малые предприятия. Кроме того, смешанные грузопассажирские составы перевозили работников из ближних пригородов и поселений в Кёнигсберг, например по узкоколейке Кёнигсберг — Нойхаузен (Гурьевск). Первая узкоколейная дорога, соединившая Кёнигсберг с Куршским заливом до поселка Шааксвитте (Каширское), была построена в 1899—1900 гг. и служила, прежде всего, сельскохозяйственным нуждам, однако она играла также существенную роль в обеспечении пассажирских прогулочных маршрутов на Куршский залив [9, с. 423; 13].

Таким образом, до Второй мировой войны территория области была покрыта густой сетью железных дорог (рис. 1), их протяженность в 1939 г. составляла 1823 км (в том числе 442 км узкоколейных дорог), действовали 184 вокзала и 240 остановочных пунктов [13].

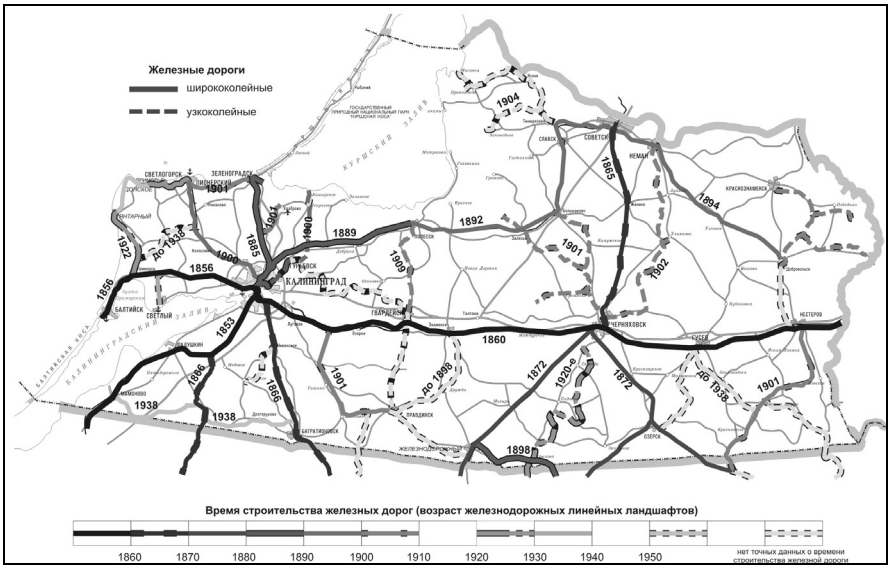


Рис. 1. Развитие железнодорожной сети на территории современной Калининградской области (середина XIX в. — настоящее время)

Послевоенное изменение железнодорожной сети

В послевоенный период появилась необходимость восстановления пассажирского и грузового сообщения по междугородним и внутренним железным дорогам образованной Калининградской области. С апреля 1945 по октябрь 1946 г. было восстановлено 1500 км железнодорожного пути, а узкая европейская колея заменена на широкую российскую (1520 мм) [7]. Весной 1948 г. открылось ежедневное железнодорожное сообщение по линии Калининград — Полесск — Большаково — Славск — Советск. Осенью того же года из Риги в Калининград прибыл первый поезд прямого сообщения, а поезд Калининград — Советск стал следовать до Клайпеды. В 1949 г. было восстановлено пригородное пассажирское железнодорожное сообщение по линии Неман — Советск. После 1945 г. в результате образования советско-польской государственной границы единая сеть железных дорог Восточной Пруссии была разорвана, а бóльшая часть местных ширококолейных линий, особенно в южных и восточных районах области, разобрана. Все узкоколейные дороги к началу 1960-х гг. были либо разобраны, либо перешиты. Сейчас на узкоколейках регулярного сообщения нет, в лучшем случае они законсервированы.

Современный этап развития железнодорожной сети Калининградской области

В 2010 г. длина эксплуатируемых железных дорог региона составила 963 км, часть дорог переведена в резерв (ветка до Нестерова, Светлогорск — Балтийск, между Черняховском и Железнодорожным), с 2009 г. сократилось количество рейсов в направлении Калининград — Багратионовск [29].

Большинство железных дорог области — однопутные и неэлектрифицированые (электрифицировано только 14% длины дорог, в том числе пригородное направление на побережье). Ширина колеи железных дорог — российская (1520 мм). Исключение составляют железнодорожные ветки с Южного вокзала в Польшу и далее на Берлин (через Мамоново) и по направлению Железнодорожный — Черняховск, которые имеют европейский размер колеи (1435 мм). Европейская колея подходит на территорию области также на ст. Багратионовск. Перевалка грузов с европейской колеи на российскую осуществляется на станциях Черняховск и Дзержинская Новая в Калининграде. Самый крупный железнодорожный узел региона — областной центр. Здесь сходятся железные дороги шести направлений и обслуживается морской порт. Крупнейшая сортировочная станция региона находится на Южном вокзале. В Калининграде два вокзала — Южный (пассажирский дальнего следования и пригородный) и пригородный Северный; три станции пригородного сообщения (Дзержинская, Чкаловск и Кутузово) и несколько остановочных пунктов. В постсоветское время интенсивность пригородных перевозок упала, хотя курортное направление летом перегружено. Основной объем перевозки внешнеторговых грузов осуществляется через морские пограничные пе-

реходы на станциях Калининград, Балтийск и Балтийский Лес (г. Светлый). Активно работает ст. Мамоново. Основные грузы, перевозимые дорогой, — нефть и нефтепродукты (50% от общих объемов), черные металлы (16%), химические и минеральные удобрения (6%), лес (5%), строительные материалы, уголь.

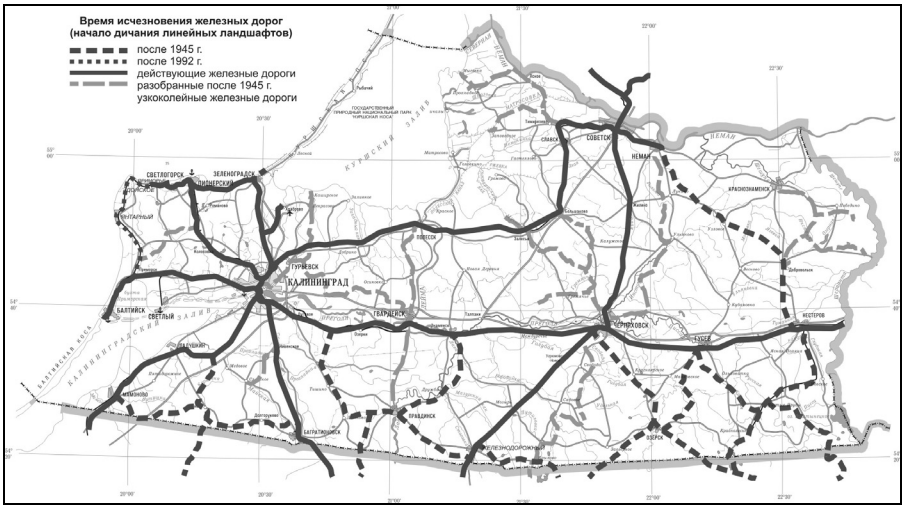


Рис. 2. Изменение сети железных дорог Калининградской области

Несмотря на то что с довоенного времени железнодорожная сеть области сильно редуцирована (рис. 2), по сравнению с другими регионами России положение можно считать удовлетворительным, так как густота железнодорожной сети общего пользования здесь составляет 48,3 км на 1000 км², что в 9,5 раза выше среднероссийской [29].

Отражение эволюции железнодорожной сети в ландшафтах Калининградской области

До начала строительства железных дорог территория нынешней Калининградской области в транспортном отношении была хорошо освоена: покрыта густой сетью населенных пунктов, которые соединялись обустроенными для гужевого транспорта дорогами, обсаженными деревьями и обрамленными придорожными канавами для осушения дорожного полотна в условиях избыточного увлажнения. Густота дорог территории составляла на Самбийском (ныне Калининградском) полуострове 1,46 км/км^2 (с учетом полевых и лесных дорог). Опорный каркас расселения был сформирован и обеспечивал обслуживание сельскохозяйственного производства и потребностей населения. С появлением железнодорожного транспорта связывают наступление индустриального этапа развития экономики территории [25, с. 62]. Технические параметры железных дорог требуют минимальных уклонов и больших радиусов поворота пути, поэтому соображения экономии заставляли вести

их в обход естественных и искусственных препятствий. Железные дороги по необходимости подчеркивали главные особенности рельефа местности и обозначали воздействие совокупности естественных условий, но также были связаны с экономико-географическим значением населенных пунктов, которые они соединяли [5, с. 256]. Высокая степень железнодорожной освоенности этой части Восточной Пруссии была обусловлена не столько ее промышленным развитием, сколько большим значением сельского хозяйства провинции и необходимостью транспортировки сельскохозяйственной продукции. Максимальная густота и протяженность железнодорожной сети территории наблюдалась в 1939 г., а после окончания Второй мировой войны начала сокращаться, та же тенденция наблюдалась и в других европейских странах [12, с. 430].

В настоящее время железнодорожная сеть региона является почти полностью унаследованной, хотя и редуцированной с довоенного времени, но усовершенствованной в связи с современными техническими и экономическими условиями. Это дает возможность выделить два основных вида железнодорожных ландшафтов: современные (треть от общего количества) и реликтовые (около двух третей от общего количества).

Реликтовые железнодорожные ландшафты и их особенности

Облик реликтовых железнодорожных ландшафтов определен процессами их ренатурализации. После прекращения эксплуатации железнодорожных линий начинается процесс одичания этих ландшафтов. Без проведения поддерживающих мероприятий развиваются оползневые процессы, плоскостной смыв, насыпи и выемки зарастают псаммофитной и петрофитной растительностью, происходит формирование своеобразного биоценоза из мезоксерофильных злаков — полевицы белой, овсяницы красной, мятлика полевого, бухарника, душистого колоска, белоуса торчащего, встречаются подорожник малый и ланцетовидный, кульбаба осенняя, клевер полевой и пашенный. Часто зарастание полотна сопровождается разрастанием ежевики колючей на откосах, на месте путей — березы и боярышника. Обсадка дорог разрастается, и формируются смыкающиеся коридоры древесной растительности с постепенно уменьшающейся высотой и возрастом подроста от линии обсадки к периферии. Так железные дороги, исчезнувшие в послевоенное время, образуют особый ландшафт, который, несмотря на «природный» облик растительности, до сих пор сохраняет черты культурной деятельности человека.

Во-первых, сохраняются менее подверженные изменениям формы рельефа — насыпи и выемки, они и спустя 60 лет после разбора железнодорожной ветки отлично видны на местности. Растительность бывших насыпей (в некоторых местах они имеют высоту более 4 м) схожа с растительностью дамб (так как насыпи тоже сложены валунно-галечным материалом). Обычны мезофильная растительность на склонах и разреженная ксерофильная псаммофитная травянистая растительность на вершинах. Насыпи также зарастают боярышником, шиповником и ежевикой. Бывшие железнодорожные выемки также хорошо видны в рельефе: они, как

правило, зарастают бузиной, ивой, реже — осиной и со временем становятся малопроходимыми. Благодаря растительности реликтовые железнодорожные ландшафты формируют коридоры экологического каркаса территории, что способствует сохранению биоразнообразия и делает ландшафтную структуру мозаичной и более устойчивой.

Во-вторых, кое-где сохраняется инфраструктура исчезнувшей железной дороги — обычно это путепроводы. Например, на Калининградском полуострове на участке бывшей узкоколейной железной дороги Мариенхоф (Переславское-Западное) — Гаффкен (Парусное) сохранился каменный виадук через долину реки, используемый под проселочную дорогу, а также глубокие (до 15 м) выемки там, где дорога пересекала западный отрог конечно-моренной возвышенности. До середины 90-х гг. XX в. на побережье этого же полуострова функционировала железная дорога Светлогорск-1 — Янтарный — Приморск. В настоящее время она не используется, но инфраструктура ее сохранилась — это многочисленные путепроводы, а также мосты через ручьи и реки. Отдельные участки железнодорожных насыпей узкоколеек используются под проселочные автомобильные дороги (например, дорога между поселками Красное и Бухово).

В-третьих, особыми компонентами культурного ландшафта являются сохранившиеся после войны платформы и здания станций. Последние часто используются под жилье, а пакгаузы — как хозяйственные постройки. Благодаря своему возрасту и архитектурным особенностям многие из них представляют историческую и культурную ценность.

* * *

Таким образом, история развития железнодорожной сети на территории современной Калининградской области включает несколько этапов:

— магистральное железнодорожное освоение территории (1847—1939);

— заполнение межмагистральных промежутков и создание циклических сетей узкоколейных железных дорог (1899—1945);

— разрушение сети железных дорог в ходе Второй мировой войны и ее восстановление в соответствии с новой системой хозяйственного освоения региона (1945—1946);

— упрощение железнодорожной сети в связи с демонтажом большинства узкоколейных дорог (1946—1960);

— развитие сети железных дорог в соответствии с потребностями населения и экономики области (1960 г. — настоящее время).

Анализ этапов развития железнодорожной сети на территории региона показал, что формирование ландшафтной среды может осуществляться как напрямую (созданием новых линейно-дорожных ландшафтов), так и косвенно, через изменение системы расселения. Более того, в современной ландшафтной среде Калининградской области могут уживаться как существующие, продолжающие свое развитие, так и реликтовые железнодорожные ландшафты.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГО — грант на реализацию проекта «Послевоенные изменения в Калининградской области (по материалам топографических карт)».

Список литературы

1. *Батырев В.М.* Вокзалы. М., 1988.

2. *Гаузе Ф.* Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города / пер. с нем. Реклингхаузен, 1994.

3. *Германия*. Военный обзор восточных областей / под ред. Л.А. Шванка. СПб., 1898.

4. *ГОСТ* 17.8.1.02-88 Межгосударственный стандарт. Охрана природы. Ландшафты. Классификация. Nature protection. Landscapes. Classification. ОКСТУ 0017. Дата введения 1989-07-01. URL: www.libgost.ru (дата обращения: 01.10.2015).

5. *Гутнов А.Э., Глазычев В.Л.* Мир архитектуры: лицо города. М.,1990.

6. *История* сельского хозяйства Калининградской области: 1945—2006 гг. / под ред. А.Л. Гусева, В.Н. Маслова. Калининград, 2006.

7. *Калининградская* железная дорога. URL: http://kzd.rzd.ru/isvp/public/kzd?STRUCTURE_ID=4067 (дата обращения: 05.10.2015).

8. *Калининградская* область — следы прошлого. URL: http://milovsky-gallery.ru/index_r. phtml?chnum=17 (дата обращения: 05.10.2015).

9. *Кёнигсберг-Калининград* : иллюстрированный энциклопедический справочник. Калининград, 2005.

10. *Кретинин Г.В.* Август четырнадцатого // Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов [и др.]. Калининград, 2002.

11. *Лухманов Д.Н.* Эволюция сельского расселения в первой половине XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 230—232.

12. *Максаковский В.П.* Географическая картина мира: пособие для вузов: в 2 кн. Кн. 1: Общая характеристика мира. Глобальные проблемы человечества. Географическая картина мира. М., 2008.

13. *Миловский В.А.* Следы прошлого. Из истории железных дорог (широкая колея). URL: http://lib39.ru/kray/milovsky-gallery/album.php?PAGE_NAME=section&SECTION_ID=171 (дата обращения: 03.10.2015).

14. *Мильков Ф.Н.* Человек и ландшафты : очерки антропогенного ландшафтоведения. М., 1973.

15. *Стольберг Ф.В.* Экология города. Киев, 2000.

16. *Родоман Б.Б.* Экспрессный транспорт, расселение и охрана природы // Поляризованная биосфера. Смоленск, 2002. С. 77.

17. *Романова Е.А.* Динамика системы расселения как основной фактор трансформации ландшафтов территории (на примере Калининградской области) // Матер. междунар. науч. конф. «Социально-экономическая география: фундаментальные и прикладные исследования» / под ред. А.Г. Дружинина [и др.]. Калининград, 2011. С. 202—204.

18. *Романова Е.А.* Реальная плотность населения // Калининградская область : атлас. Калининград, 2011. С. 47.

19. *Романова Е.А., Виноградова О.Л.* Ландшафты // Калининградская область : атлас. Калининград, 2011. С. 26—27.

20. *Романова Е.А., Виноградова О.Л.* Современные ландшафты Калининградской области как отражение динамики землепользования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. №1. С. 35—43.

21. *Романова Е.А., Виноградова О.Л.* Физико-географическое районирование // Калининградская область : атлас. Калининград, 2011. С. 30—31.

22. *Романова Е.А., Виноградова О.Л., Гагиева В.Э.* Современное состояние ландшафтной среды Калининградской области (методология и основные результаты) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. №7. С. 149—156.

23. *Романова Е.А., Гагиева В.Э.* Степень трансформации ландшафтов // Калининградская область : атлас. Калининград, 2011. С. 28—29.

24. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М. ; Л., 1928.

25. *Скопин А.Ю.* Введение в экономическую географию. М., 2001.

26. *Скопин А.Ю., Хаггет П.* Общая география: глобальный синтез : учебник. Pearson Education, 2005.

27. *Такман Б.* Первый блицкриг. Август 1914 / сост. С. Переслегин. М. ; СПб., 1999.

28. *Тархов С.А.* Пространственные закономерности эволюции транспортных сетей : дис. … д-ра геогр. наук. М., 2002. URL: www.mediafire.com (дата обращения: 09.10.2015).

29. *Энциклопедия* узкоколейных железных дорог «Младший брат». URL: http://narrow.parovoz.com/emb/index.php?LNG=RU&ID=2134 (дата обращения: 09.10.2015).

30. *Grimm G.* Die letzten 50 Jahre der Provinz Ostpreußen // Die Entwicklung der Region Königsberg. Kaliningrad. S. 60—107.

Об авторах

Елена Альбертовна Романова, кандидат географических наук, доцент, Институт природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: alberta63@mail.ru

Ольга Леонидовна Виноградова, кандидат географических наук, доцент, Институт природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: OLVinogr69@mail.ru

Геннадий Викторович Кретинин, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

Михаил Валерьевич Дробиз, главный инженер, АО «Балт АГП», Россия.

E-mail:chernaya@bk.ru

THE EFFECT OF RAILWAY NETWORK EVOLUTION ON THE KALININGRAD REGION'S LANDSCAPE ENVIRONMENT

E. Romanova[*], O. Vinogradova[*], G. Kretinin[*], M. Drobiz[**]

[*]*Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A. Nevskogo ul., 236040, Russia.*

[**]*Baltic Air Geodesy Company, 161 prospket Pobedy, Kaliningrad, 236010, Russia*

Submitted on October 18, 2015

This article addresses methodology of modern landscape studies from the perspective of natural and man-made components of a territory. Railway infrastructure is not only an important system-building element of economic and settlement patterns; it also affects cultural landscapes. The study of cartographic materials and historiography made it possible to identify the main stages of the development of the Kaliningrad railway network in terms of its territorial scope and to describe causes of the observed changes. Historically, changes in the political, economic, and military environment were key factors behind the development of the Kaliningrad railway network. Nature was less important. The existing Kaliningrad railway network is to a great degree the legacy of the earlier, pre-war times. Today, its primary function is to provide international cargo and passenger transportation. Two types of railway infrastructure are identified in the Kaliningrad region – modern (functioning) and relic (abandoned) ones. In the Kaliningrad region, the process of land reclamation of the railway system starts when the maintenance of railroads is discontinued, which is followed by the formation of primitive soils and emerging biocenoses enhanced by fill soils and artificial relief.

Key words: landscape environment, railway network evolution, settlement system, relic and modern anthropogenic landscapes

References

1. Batyrev, V. M. 1988, *Vokzaly* [Station], Moscow, 214 p.

2. Gause, F. 1994, *Königsberg in Preußen. Die Geschichte der europäischen Stadt* [Konigsberg in Prussia. The history of the European city], Recklinghausen, 309 p.

3. Schwank, L. A. (ed.), 1898, *Germanija. Voennyj obzor vostochnyh oblastej* [Germany. Military review of the eastern provinces], St. Petersburg.

4. ГОСТ 17.8.1.02-88 МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАНДАРТ Охрана природы. ЛАНДШАФТЫ. Классификация. Nature protection. Landscapes. Classification. ОКСТУ 0017. Дата введения 1989-07-01 [Standard 17.8.1.02-88 interstate standards Conservancy. LANDSCAPES. Classification. Nature protection. Landscapes. Classification. OKS 0017. Date of introduction 01.07.1989], 1989, available at: www/ libgost.ru (accessed 01.10. 2015).

5. Gutnov, A. E., Glazichev, V. L. 1990, *Mir arhitektury: Lico goroda* [World Architecture: Face of the City], Moscow, 350 p.

6. Gusev, A.L., Maslov, V.N. (eds.), 2006, *Istorija sel'skogo hozjajstva Kaliningradskoj oblasti: 1945-2006 gg.* [History of Agriculture of the Kaliningrad region: 1945-2006], Kaliningrad, 464 p.

7. *Kaliningradskaja zheleznaja doroga* [Kaliningrad Railways], 2015, available at: http://kzd.rzd.ru/isvp/public/kzd?STRUCTURE_ID=4067 (дата обращения: 05.10. 2015).

8. Kaliningradskaja oblast' – sledy proshlogo [Kaliningrad region - traces of the past], 2015, *Podzemel'ja Kjonigsberga* [Dungeons Konigsberg], available at: http://milovsky-gallery.ru/index_r.phtml?chnum=17 (accessed 05.10. 2015).

9. *Kjonigsberg - Kaliningrad: illjustrirovannyj jenciklopedicheskij spravochnik* [Königsberg - Kaliningrad: an illustrated encyclopedic guide], 2005, Kaliningrad, 800 p.

10. Kretinin, G.V. 2002, Avgust chetyrnadcatogo [August fourteenth]. In: Kretinin, G.V., Bryushinkin, V.N., Galtsov,V.I. et al. *Ocherki istorii Vostochnoj Prussii* [Essays on the history of East Prussia], Kaliningrad, 536 pc.

11. Luhmanov, D.N. 2001, Jevoljucija sel'skogo rasselenija v pervoj polovine HH veka [Evolution of the rural settlement in the first half of the twentieth century]. In: *Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii: sto let peremen* [City and village in European Russia: one hundred years of change], Moscow, p. 230 -232.

12. Maksakovskii, V.P. 2008, *Geograficheskaja kartina mira* [The geographical pattern of world] , Bk. I, Moscow, 495 p.

13. Milovsky, V.A. *Sledy proshlogo. Iz istorii zheleznyh dorog (shirokaja koleja)* [Traces of the past. From the history of railroads (wide track)], available at: http://lib39.ru/kray/milovsky-gallery/album.php?PAGE_NAME=section&SECTION_ID=171 (accessed 03.10. 2015).

14. Milovsky, V.A. *Sledy proshlogo. Iz istorii zheleznyh dorog (shirokaja koleja)* [Traces of the past. From the history of railroads (wide track)], available at: http://lib39.ru/kray/milovsky-gallery/album.php?PAGE_NAME=section&SECTION_ID=229 (accessed 02.10. 2015).

15. Milkov, F.N. 1973, *Chelovek i landshafty: ocherki antropogennogo landshaftovedenija* [Man and landscapes: essays anthropogenic landscape science], Moscow,

16. Stolberg, F.V. 2000, *Jekologija goroda* [Ecology city], Moscow.

17. Rodoman, B.B. 2002, Jekspressnyj transport, rasselenie i ohrana prirody [Express transport, accommodation and nature protection]. In: *Poljarizovannaja biosfera* [Polarized Biosphere], Smolensk, p. 77.

18. Romanova, E.A. 2011, Dinamika sistemy rasselenija kak osnovnoj faktor transformacii landshaftov territorii (na primere Kaliningradskoj oblasti). [The dynamics of the settlement system as a main factor of transformation of the landscape (for example, the Kaliningrad region)]. In: Druzhinin, A.G.et al, *Proceedings of the International scientific conference "Social and economic geography: fundamental and applied research"*, Kaliningrad, 2011 p. 202-204.

19. Romanova, E.A. Real'naja plotnost' naselenija // Kaliningradskaja oblast'. Atlas, Kaliningrad: Masterskaja «Kollektsyja», 2011. P. 47.

20. Romanova, E.A., Vinogradova, O.L. 2011, Landshafty [Landscapes]. In: Orlenok, V., Fedorov, G. *Kaliningradskaja oblast'. Atlas* [Kaliningrad region. Atlas], Kaliningrad, p. 26-27.

21. Romanova, E.A., Vinogradova, O.L. 2015, Sovremennye landshafty Kaliningradskoj oblasti kak otrazhenie dinamiki zemlepol'zovanija [Modern landscapes of the Kaliningrad region as a reflection of the dynamics of land use], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University,* no. 1, p. 35—43.

22. Romanova, E. A., Vinogradova, O. L. 2011, Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie [Geographical zoning]. In: Orlenok, V., Fedorov, G. *Kaliningradskaja oblast'. Atlas* [Kaliningrad region. Atlas], Kaliningrad, p.30-31.

23. Romanova, E. A., Vinogradova, O. L. Gagieva, V. E. 2012, Sovremennoe sostojanie landshaftnoj sredy Kaliningradskoj oblasti (metodologija i osnovnye rezul'taty) [The current state of the landscape environment of the Kaliningrad region (methodology and main results)], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University,* no. 7, p. 149 – 156.

24. Romanova, E. A., Gagieva, V. E. 2011, Stepen' transformacii landshaftov [The degree of transformation of landscapes]. In: Orlenok, V., Fedorov, G. *Kaliningradskaja oblast'. Atlas* [Kaliningrad region. Atlas], Kaliningrad, p. 28-29.

25. Semenov-Tyan-Shansky, V. P. 1928, Rajon i strana [Regions and countries], Moscow – Leningrad.

26. Skopin, A.Yu. 2001, *Vvedenie v jekonomicheskuju geografiju* [Introduction to economic geography], Moscow.

27. Skopin, A.Yu., Hagget, P. 2005, *Obshhaja geografija: global'nyj sintez* [General Geography: Global Synthesis], Pearson Education.

28. Takman, B. 1999, *Pervyj blickrig. Avgust 1914* [First Blitzkrieg. August 1914], Moscow ; St. Petersbutg.

29. Tarhov, S. A. 2002, *Prostranstvennye zakonomernosti jevoljucii transportnyh setej* [Spatial patterns of evolution of transport networks], Thes, Ph.D, Moscow, available at: www.mediafire.com (accessed 09.10. 2015).

30. Jenciklopedija uzkokolejnyh zheleznyh dorog «Mladshij brat» [Encyclopedia of narrow gauge railways "younger brother"], available at: http://narrow.parovoz.com/emb/index.php?LNG=RU&ID=2134 (accessed 09.10.2015).

31. Grimm, G. Die letzten 50 Jahre der Provinz Ostpreuβen. In: *Die Entwicklung der Region Königsberg / Kaliningrad,* p. 60-107.

About the authors

Dr Elena Romanova, Associate Professor, the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: alberta63@mail.ru

Dr Olga Vinogradova, Associate Professor, the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: OLVinogr69@mail.ru

Prof Gennady Kretinin, the Department of History, the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

Mikhail Drobiz, Chief Engineer, Baltic Air Geodesy Company, Russia.

E-mail: mikhail.droiz@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 0,5 уч.-изд. л. (20 тыс. знаков с пробелами), для научного сообщения — 0,15 уч.-изд. л. (6 тыс. знаков с пробелами).

4. Все присланные в редакцию работы проходят ***внутреннее*** и ***внешнее рецензирование***, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: *tikuznetsova@kantiana.ru* или *tikuznetsova@gmail.com*

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: *http://www.naukapro.ru/metod.htm*);

2) название статьи на русском и английском языках *(до 12 слов)*;

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках *(4—8 слов)*;

5) список литературы *(не более 25 источников)*;

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и ***на латинице*** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены ***в электронной форме*** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» *http://journals.kantiana.ru/authors/imk/* (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2015
4 (26)

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *Е. В. Владимирова*
Верстка *О. М. Хрусталевой*

Подписано в печать 25.11.2015 г.
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 17,5.
Тираж 1000 экз. (1-й завод — 58 экз.). Заказ 210.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6